

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

3

2012

В защиту охоты и охотников

Виктор ГУРОВ

**Главное — не стать бы посторонним
Мне на этой праведной земле!**
Георгий Зайцев

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 5 (2010 г.) была опубликована моя статья «На распутье», где я пытался показать, куда привели охотничье хозяйство России в целом и любительскую охоту в частности. А также, что нам ждать от реализации требований закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.09 г. Ох и название! Язык сломаешь, пока выговоришь. В охотничьих СМИ последние 20 лет много говорилось об охотничьем хозяйстве и путях его развития. Да простят меня уважаемые читатели. Так и хочется спросить, о каком охотничьем хозяйстве идёт речь? Уж не о том ли, которому больше подходит название, как шутят острословы, «охот-НИЧЬЁ» хозяйство? Вот это «охот-НИЧЬЁ» хозяйство и было передано из Минсельхоза в ведение Министерства природных ресурсов и экологии (МПР).

К управлению пришли новые люди, и всех нас охватила эйфория в ожидании добрых перемен. Новое руководство охотой и охотничьим хозяйством рьяно взялось за приведение нормативно-правовых актов в соответствие с духом времени и требованиями закона «Об охоте...». Министр Ю. Трутнев на встрече с журналистами пообещал упростить процедуру получения гособхотбилета, разрешений на добычу охотничьих ресурсов и внести в Госдуму ряд поправок к закону «Об охоте...». А то получается — проще выехать за границу и там поохотиться, чем выйти на охоту за околицу родной деревни. Надо отдать должное министру Ю. Трутневу. Он добился упрощения процедуры получения билета. Теперь не требуется справка — «не

сидел, не судим» и не нужно сдавать «экзамен» по охотминимуму.

Но мы уж так устроены и не можем, чтобы в бочку с мёдом не добавить ложку дёгтя. За примерами далеко ходить не надо: форма разрешения на добычу охотничьих ресурсов (ст. 30) и её заполнение. Без помощи охотоведа с высшим образованием не каждому охотнику это по плечу. Два сезона отохотились, убедились, что не совсем удобный документ. Что мешает его упростить? Также мне непонятно — что за необходимость возникла в разработке новых «Правил охоты», документов по лимитам и квотам добычи? Почему весеннюю охоту решили проводить в две десятидневки? Скорее всего по той причине, что «Правила добывания...» писались ну очень «безграмотными» охотоведами. Тогда другое дело. Многие потешались, называя их правилами «добывания» вальдшнепа с шашкой наголо. Я предупреждал: «Не ёрничайте, господа! То ли ещё будет». Критика была услышана и в переработанных правилах «ужасающее» клинковое оружие убрали. Правда, не все охотники России знают, что клинковое оружие не выдумка охотоведов. На включении этой нормы настояли юристы Минюста. МПР совершенствовать бы эти правила. Но нет! Напишем свои. К сожалению, некоторые пункты оказались не совсем удачными.

Возьмем такой перл: пп. 55.3.2 «Запрещается охота на гусей в период весенней охоты на расстоянии менее 1 км от среднегодового уреза разлива воды за последние 10 лет на реках: Волга, Дон, Кама, Ока, Урал, Шексна, Нева, Западная Двина, Северная Двина, Онега, Волхов, Ловать, Полнеть, Шелонь, Вуокса, Свирь, Великая Печора, Ветлуга, Ахтуба, Маныч, Кубань, Протока, Ея, Челбас, Бейчуг, Сосыка, Северский Донец, Хопёр, Медведица, Самара, Бузулук, Иловля, Сал, Воронеж, Миус, Кума, Цна, Мокша, Сура, Еруслан, Большой Иргиз, Молога и образованных ими водохранилищ, а также на озёрах: Маныч-Гудило, Ладожское, Онежское, Чудско-Псковское, Ильмень, Чограй». Кто зас толбит эти границы? Где взять силы и средства на эту работу? Но этого оказалось мало, чтобы окончательно добить весеннюю охоту. 21.04.11 г. состоялось третье заседание «Общественного совета по охоте и охотничьему хо-

зяйству» при МПР с повесткой: «Регулирование весенней охоты и охрана охотничьих угодий». В работе Совета приняли участие В. Зубакин — президент «Союза охраны птиц России» и В. Рожнов — заместитель директора «Института проблем экологии и эволюции». В. Зубакин от имени «Союза охраны птиц России» категорически высказался за поэтапное и жёсткое ограничение весенней охоты с целью её полного запрета в ближайшее время. Как мне думается, наверное, по причине закончившихся грантов от западных «благодетелей». Почему я так пишу? Да ещё В.Е. Флинт (к слову, он долгое время был президентом «Союза охраны птиц России») в интервью «Российской охотничьей газете» в 2004 г. говорил: «Не секрет, что эти антиохотничьи акции финансируются, прежде всего, из-за рубежа. В этом, на мой взгляд, и зарыт корень их с нами противостояний. Все, кто призывает запретить весеннюю охоту, главной целью видят здесь возможность проявиться».

Подобные высказывания чиновников МПР оформлены в предложения, которые звучат так: «В этой связи МПР России предлагает запретить весеннюю охоту на водоплавающих в районах основных миграционных стоянок». Слышите, уважаемые читатели, под запрет уже попадают и селезни уток. Также предложено ограничить охоту на гусей в таких регионах, как Забайкальский, Приморский, Камчатский, Хабаровский край, Республика Бурятия, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская А.О. и Чукотский автономный округ. Вот такова география предлагаемых ограничений и запретов.

Задумавшись вопросом, а есть ли основания для запретов и ограничений? Прогнозы учёных, охотоведов и специалистов охотничьего хозяйства показывают, что динамика численности водоплавающих птиц на территории России в целом положительная. Пресс весенней охоты в основном приходится на Европейскую часть. И то по причине низкой её организации и неудовлетворительного контроля, что нашло подтверждение в выступлении на Совете главы Департамента А. Берсенева. Как видим, с этой стороны причин для ограничения и запрета весенней охоты на гусей оснований нет.

охота

и охотничье хозяйство 3 2012

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз охотников и рыболовов РФ.

*Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Может быть, в сравнении с западноевропейскими охотниками мы в течение года очень долго охотимся на пернатых? Вовсе, нет. Охотничий сезон в Европе длится почти 7 месяцев, в течение которых они долбят гусей, уток и вальдшнепов, нами сохранённых. А в России сезоны весенней и летне-осенней охоты длятся максимум 2,5 — 3 месяца.

Может, по причине коротких периодов весенней и летне-осенней охоты мы активно охотимся и за это время добываем намного больше гусей и уток, чем западноевропейские охотники? Но по подсчётам учёных и специалистов объём добычи на одного охотника России в среднем за год составляет по гусям 0,2, а по уткам 2,5 особи. Если же сравнить объём добычи охотников Европейской части РФ (они у нас самые активные) с охотниками Западной Европы (7 млн. чел.), то разница будет заметной. В Западной Европе уток отстреливают в 7 раз, гусей в 9, а вальдшнепов в 20 (!) раз больше, чем мы.

Напрашивается вопрос: «А чего Европа так ополчилась на нашу весеннюю охоту?» Видите ли, по мнению защитников природы, не гуманно с нашей стороны охотиться на птиц в период, когда они заняты заботой о будущих поколениях. Ох, и лукавят европейцы! Возьмём, к примеру, такую страну как Голландия, где охота под влиянием «зелёных» весьма ограничена. Но у них есть традиция, как у наших киногеров перед Новым годом ходить в баню, выбирать яйца из гнёзд чибиса. Что интересно, в 2003 г. Европейский суд признал законность такого изъятия в рамках Директивы Евросоюза по охране диких птиц (ст.9), согласно которой сбор яиц может проводиться в ограниченном количестве в интересах традиционных способов охоты. А вот российским охотникам, не зная на то, что весенняя охота — часть нашей национальной культуры и традиционна у нас, отказать! Это уже попахивает двойными стандартами. И с этой стороны причин для ограничения и запрета весенней охоты в России я не вижу.

Есть мнение, что гусеобразные в России недопромышляются. Но кто это слышит? А вот стенания «зелёных» о том, что количество гусеобразных сокращается, у чиновников на слуху. Хотя это есть не что иное, как поверхностная констатация фактов. Они оперируют понятиями, было «много» стало «мало». К сожалению, реальной численности и её динамики по годам мы не имеем.

Сегодня идут разговоры о вхождении России в АЕВА («Соглашение по охране Афро-Евразийских мигрирующих водно-болотных птиц»). Это «Соглашение» объединяет 64 страны. Участники «Соглашения» не скрывают желания видеть в своих рядах Россию, так как на её северных просторах выводят потомство миллионы мигрирующих водно-болотных птиц. В качестве одного

из условий вхождения в это «Соглашение» нам предлагают отказаться от весенней охоты на гусей. Да что же это такое? Далась им наша весенняя охота!

Учёные и охотоведы не раз доказывали, что запреты охоты на тот или иной вид животных не приводили к ожидаемому росту их численности. Для примера приведу многолетние запреты охоты на серую куропатку, дрофу и стрепета. Стало больше этих птиц? Отнюдь. И не будет. Такое же положение следует ожидать и с гусеобразными.

Я убеждён, что грамотным регулированием сроков открытия весенней охоты можно значительно сохранить маточное поголовье гусей и тем самым повлиять на увеличение их численности.

Европа, настаивая на запрещении весенней охоты в России, в первую очередь бдит интересы своих охотников. У меня не вызывает сомнений, что под эту программу европейцы выделяют миллионы долларов и евро, отводя России роль пастушки, как поёт А.Пугачёва, пасущей гусей у стен дворца короля. В угоду чьим-то амбициям обидим и унизим своих охотников, а проблемы не решим. Копать в поисках ответов на поставленные жизнью вопросы надо глубже.

Свое отношение к ограничению и запрету весенней охоты на гусеобразных, озвученные МПР, выскажу так: с точки зрения практической — ошибочное, экономической — убыточно, социальной и политической — недалёковидное.

Для вывода охоты и охотничьего хозяйства России из кризиса необходимо разработать ПРОГРАММУ(!) и наметить пути её реализации: определить тактические задачи и по мере их решения браться за решение стратегических. Эту работу без привлечения учёных и специалистов охотничьего хозяйства не ВЫПОЛНИТЬ!

В СМИ опубликован Федеральный закон РФ от 14.06.11 г. «О внесении изменений в «Лесной кодекс» РФ и ст. 71 Федерального закона «Об охоте...», где говорится о продлении срока действия государственных и членских охотничьих билетов до 1.07.12 г. Власти столкнулись с проблемой выдачи государственного охотничьего билета. Нет средств и такого количества сотрудников, чтобы справиться с этой задачей. Не говоря уж о проверке знаний по охотничьему минимуму. А ведь руководители обществ охотников предупреждали... Согласно новому закону в ряды охотников принимают лиц, путь которым туда заказан.

Назрела необходимость охотхозяйствам обществ охотников и других собственников снизить, а может быть временно и отказаться, от необоснованно завышенных обязательных платежей, а также налогов и других отчислений в бюджет и во внебюджетные фонды. Пошло же Правительство РФ в разгар кризиса 2008 г. на беспрецедентные

вливания денег в банки, рассчитывая, что те начнут активно финансировать производство. Но многие банкиры эти деньги вывели за рубеж. Охотничье хозяйство — это же отрасль экономики страны. Так почему же его восстановление взваливают на плечи простых охотников и охотхозяйств различных форм собственности? А где Правительство России? Лес, рыба и охотничьи животные — самовозобновляющиеся ресурсы и являются общенародным достоянием. Этим ресурсам надо-то всего надёжную охрану и разумную эксплуатацию. Но граждане до сих пор не могут взять в толк, почему же всё это отдано на откуп расхитителям? Доход охотничьей продукции, ранее приносившей государственной казне миллионы рублей, теперь ручейками растекается по частным карманам. Разумно ли это?

Пора ввести НАСТОЯЩУЮ госпошлину, которая взималась бы с охотника раз в году, а не за каждый выход на охоту. И чтобы шла она непременно на нужды охотхозяйства страны. Появятся живые деньги (и большие!), что позволит создать в первую очередь надёжную государственную службу надзора и контроля в области охоты и охотничьего хозяйства. В процесс возрождения охотничьего хозяйства страны надо вовлекать общества охотников, а не выталкивать их на обочину. Без их участия поставленных задач не решить! Вот таковы, на мой взгляд, ближайшие тактические задачи сегодняшнего дня.

Суть законов экономического развития такова — они действуют независимо от чьей-то воли. Их невозможно обмануть или обойти. Они гласят, что любые ресурсы — будь то материальные, финансовые, территориальные, людские — стремятся к объединению и концентрации. Это даёт возможность свободного обмена, перераспределения ресурсов и удержания цен в пределах разумного. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения, что отдельному охотхозяйству или нескольким мелким решение крупных хозяйственных задач не по плечу. Им даже кредита ни один банк не выдаст. Вызывает горькую улыбку, когда некоторые авторы выступают за создание мелких хозяйств в пределах одного егерского обхода. По-видимому, считают, что лучше быть головой у кильки, чем хвостом у щуки. Чего здесь больше — непонимания или злого умысла?

И в заключение. Охота и охотничье хозяйство России вновь оказались на перепутье, в стороне от столбовой дороги. И все «титанические» усилия по их выводу из глубокого кризиса можно охарактеризовать ёмким определением сатирика М. Жванецкого: «Сидим, лежим, валяемся, но на правильном пути». Охотникам следует брать пример с рыбаков. Они своими протестами добились до Премьера В. Путина, который попросил их присылать на сайт предложения по изменению закона о рыбалке. Вот бы и охотникам так.

Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2011»

*Завершился очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2011»,
на который поступила 241 цветная фотография от 12 авторов.*

Жюри фотоконкурса, рассмотрев представленные на конкурс работы, постановило:

Первой премией (10000 р.) наградить:

С. Тишкевича за фотоочерки «Осенняя охота на медведя», «Его величество архар», «Яки и охотники», «За безоаровым козлом», «Толстороги и грибы».

Второй премией (5000 р.) наградить:

А. Синицына за серии фотографий зверей и птиц окрестностей г. Кирова;

А. Назарова за фотоочерки «Весенний пилотаж», «Ласка», «Лисица мышкует»;

В. Ускова за фотоочерки «Красота и гармония», «Блеск японской жемчужины».

Третьей премией (2000 р.) наградить:

В. Ерохина за фотоочерки «Дубровник», «Черношейная поганка и речная крачка»;

П. Трапезникова за серию фотографий о природе Архангельской области;

С. Горкина за фотографии о природе Курганской области;

А. Колобова за фото «Птицы Карелии».

Редакция журнала благодарит всех участников конкурса. Ваши фотографии – и получившие и не получившие премии – могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале.

Просьба к участникам конкурса 2012 – сопровождайте, пожалуйста, присылаемые фото небольшим текстом, объединяющим их в тематические фотоочерки.

Лисята у норы

Фото А. Назарова
Фотоконкурс «Охота и природа, 2012»

Об условиях фотоконкурса 2012 года см. журнал № 1, 2012 г.

Охотничий инстинкт

Такого молодая собака еще не видала. С раскрытым ртом она замерла на месте и изумленно смотрела на множество уток, появившихся среди разводий. Не знала, что делать. Стала подкрадываться на полусогнутых лапах. Ближние утки торопливо отплывали, но не взлетали. Увидела селезня и утку, которые что-то вышелушивали у края льдины, опустив головы в воду. Кинулась к ним. Но те вовремя заметили опасность и словно отбросили себя от льдины, распахнув воду. Собака прыгнула за ними. Начались соревнования по плаванию. Утки без особых усилий отрывались от собаки, а молодой пес все пытался и пытался поймать то одних, то других птиц.

Кончилось тем, что измученная погоней и холодом собака едва выбралась на прибрежную льдину.

Хозяин пристегнул поводок и повел ее от реки. Вода заледеневала на шкуре, а охотничий инстинкт все заставлял её порываться назад, к уткам.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Белый, бурый, гималайский

Современное состояние, проблемы сосуществования с человеком

В. ПАЖЕТНОВ

На территории России обитает три вида медведей: белый, бурый и гималайский. В нашей стране медведи были и поныне остаются зверями обычными. В этой связи интерес биологов к изучению медведей всегда был высоким, хотя изучение их экологии — достаточно трудная задача. Скрытый образ жизни, по причине выраженной реакции избегания человека и следов его жизнедеятельности, и известная опасность при работе с медведями способствовали тому, что биологов, изучающих эти виды в России, всегда было немного. По всей видимости, это явление оказалось решающим в том, что собрания специалистов, изучающих медведей, в СССР не проводились. Первое совещание: «Экология, морфология, охрана и использование медведей» было организовано по инициативе В.Е. Соколова, в то время члена-кор-

респондента АН СССР, и прошло в Москве 13—14 марта 1972 г. В совещании приняли участие 49 специалистов. Был издан сборник тезисов — первое тематическое издание по медведям в нашей стране. В резолюции совещания, помимо рекомендаций в деле дальнейшего изучения медведей в СССР, сохранения и рационального использования видов, имелась «просьба» к Оргкомитету: «...издать полные тексты докладов. Одобрить созыв этого совещания и рекомендовать проведение очередного совещания по медведям в 1975 г.». К сожалению, эта просьба не была выполнена.

В Центрально-лесном государственном заповеднике в 1974 г. были начаты фундаментальные полевые и экспериментальные работы по изучению экологии и поведения бурого медведя. Сама собой назрела необходимость

обмена мнениями специалистов. По инициативе Заповедника в 1979 г., на его базе прошло второе совещание по медведям, которое и явилось стартовым в дальнейших собраниях исследователей этих видов в СССР (Алтайский, Кавказский, Саяно-Шушенский заповедники, III — V) и в России (Центрально-лесной заповедник, совещания VI и VII).

VIII Конференция специалистов, изучающих медведей в России, прошла 17 — 21 сентября 2011 г. на базе Торопецкой биологической станции «Чистый лес» Центрально-лесного государственного заповедника на средства, выделенные политической партией «Единая Россия» и Международным фондом защиты животных — IFAW. В конференции приняли участие в основном специалисты старшего поколения, посвятившие изучению медведя не

Белые. Север Новой земли, 1995 г.

Фото Н. Вехова

один десяток лет своей жизни. С докладами выступили и молодые зоологи-аспиранты, имеющие практику полевой работы. Рассматривались извечно насущные вопросы современного состояния популяций медведей по регионам России. Группой специалистов по белому медведю МСОП популяция этого вида разделена на 19 субпопуляций, три из которых находятся в Российской Арктике: карско-баренцево-морская, лаптевская и чукотско-аляскинская (Красная книга РФ). Каждая из этих субпопуляций имеет свою специфику функционирования, нуждается в проведении мониторинга с целью получения объективных данных об их состоянии во времени. Главный принцип при проведении этой работы – мониторинг не должен наносить ущерб популяциям.

Доклады, посвящённые белогрудому, или гималайскому, медведю, помимо общих вопросов, освещающих отдельные аспекты экологии и поведения этого вида, затрагивали саму проблему его существования. В связи с мощным экономическим развитием региона остро встаёт вопрос сохранения здесь уникального биоразнообразия, в том числе и крупных хищников — тигра и гималайского медведя. Жизнь гималайского медведя, обитающего только на юге Дальнего Востока, традиционно связана с ареалом кедрово-широколиственных и широколиственных лесов. Леса эти, имеющие высокую экспортную ценность, нещадно вырубают. Делянки засоряют порубочными остатками, повышая их пирогенный уровень, возникают пожары. Через территории, заселённые гималайским медведем, прокладывают дороги, что открывает доступ в лесные угодья населению, вооружённому внедорожным автотранспортом. Помимо фактора беспокойства, доступ в леса на транспорте способствует развитию мобильного браконьерства.

При современном, глобальном для Дальнего Востока, сокращении всевозможного персонала, занимавшегося охраной природы, браконьерам открыта дорога во все концы региона. Учёты гималайского медведя не проводятся в масштабах, которые могли бы позволить реально оценить положение этого вида. Из Красной книги России белогрудого медведя вывели, не рассматривали необходимость принятия такого решения с местными специалистами. Разрушаются местообитания гималайского медведя, уничтожаются деревья, пригодные для устройства берлог, что направленно, год от года, снижает уровень жизнеспособности этого вида.

Существование бурого медведя в России остаётся стабильным. Слежение за состоянием популяций медведей возможно только по материалам многолетних учётов численности и территориального распределения отдельных группировок. Методики учёта, в

Бурый

Фото С. Тишкевича

зависимости от ландшафтной специфики регионов и ориентации учётников при проведении работы, могут быть разными. Однако резкое, повсеместное повышение численности бурого медведя за последние 20 лет, от 100 тыс. до 180 тыс. голов, настораживает. Причинами такого роста численности могут являться: 1) завышение показателей за счёт экстраполяции учётных данных, полученных в местах скопления медведей у доступной пищи, на общую территорию; 2) ошибки учётников (случайные, умышленные) при проведении учёта; 3) резкое (в два раза!) возрастание численности бурого медведя ввиду снижения фактора (антропогенного,

природного), лимитирующего уровень воспроизводства и продолжительности жизни вида в пределах его населения в стране. При этом снижение антропогенного давления со стороны сельского населения (сокращение населения, зарастание сельхозугодий лесом) вполне нивелируется увеличением охотничьего пресса, модернизацией оружия и средств передвижения охотников. Сомнения в достоверности учётных показателей остаются.

Помимо докладов, в которых рассматривались вопросы мониторинга — состояние популяций, охрана и использование ресурсов бурого медведя, были представлены работы, затраги-

Гималайский

Фото С. Колчина

вающие аспекты формирования взаимоотношений между видом и человеком во времени, с глубокой древности до наших дней. Проблема сосуществования человека и медведя всегда оставалась острой. Человек и бурый медведь — антагонисты. Жизнь дикого зверя, сильного, хорошо вооружённого, имеющего «своё» биологическое поле, протекает по своим правилам, сформировавшимся в филогенезе. Скоротечное вмешательство человека в жизнь медведей — наложение биологического поля человека на аналогичное поле медведя, неминуемо вызывает изменения в поведении зверя, трагичные в конечном итоге для его существования. Появляются «медведи-мусорщики», поведение которых перестраивается и они становятся «медведями-попрошайками» и «медведями-разбойниками», опасными для здоровья и самой жизни человека.

На VIII Конференции впервые были представлены доклады, отражающие специфику содержания медведей в зоопарках. Это один из разделов в системе сосуществования медведей с человеком, который имеет свои традиции, положительный опыт и возникновение трагичных случайностей. Посетители зоопарков, как правило, не рассматривают медведей, как зверей очень опасных, хотя в этих организациях фактор такого поведения людей нужно учитывать. Участники пришли к единодушному мнению в том, что для координации в зоопарках действий, направленных на разработку правил техники безопасности при содержании медведей и работе с ними обслуживающего персонала, необходимо организовать на базе Казанского зооботсада соответствующий центр. В период проведения Конференции между её участниками сложилась особая, дружеская атмосфера и это вполне зако-

номерно. Многие из них давно и близко знакомы друг с другом, вышли в «свой» возраст, обрели учёные степени, всевозможные звания, известность в науке и обществе.

Организация Конференции на Биостанции не случайна. В продолжение многих лет (с 1974 г.) здесь проводятся работы по изучению биологии бурого медведя — самого многочисленного из трёх видов этих зверей, населяющих Россию. Белые медведи — обитатели суровых побережий Ледовитого океана. Гималайские — эндемики нашего Дальнего Востока — Хабаровского, Приморского краёв и Амурской области. А бурые медведи населяют всю таёжную зону страны от запада до восточных окраин, от зоны лесотундры до горных стран Кавказа, Тянь-Шаня, Саяно-Алтайского экорегиона и Сихотелина. Организация совещаний по медведю в нашей стране традиционно связана с Центрально-лесным заповедником. Помимо повсеместно практикующихся, полевых исследований экологии и поведения бурого медведя как вида, в заповеднике были впервые начаты экспериментальные изучения формирования поведения у медведя. На этой основе осуществлена разработка, апробация и реализация методики выпуска на свободу медвежат-сирот. Впервые в международной практике работы с медведями проведено успешное восстановление локальной, исчезающей группировки бурого медведя в Брянской области и разработана методика экономически выгодной, короткой (около 30 дней) передержки медвежат, родившихся в неволе (зоопарке), для выпуска на свободу.

На базе биостанции «Чистый лес» проходили практику специалисты из Южной и Северной Америки, Индии, Китая, Южной Кореи, Голландии, Англии, Эстонии. Кроме работы, связан-

ной с изучением бурого медведя, здесь, начиная с 1993 г., работает полевая лаборатория Кафедры высшей нервной деятельности МГУ им. М.В. Ломоносова. Исследования поведения животных, выполненные этой лабораторией, явились серьёзным вкладом в международную науку в области изучения проявления у животных элементарной рассудочной деятельности, приспособления животного организма к экстремальным условиям среды обитания и способности к ориентации. Работа с медвежатами-сиротами утвердила международный авторитет биостанции в области реабилитации животных. С 1996 г. финансирование работ с медвежатами-сиротами осуществляет Международный фонд защиты животных (IFAW). В деревнях Бубоницы и Косилово был проведен Первый Международный Семинар по реабилитации медведей. Сама по себе наука о реабилитации животных может по праву считаться самой молодой в области изучения животных. В работе Семинара принимали участие учёные из 15 стран мира, которые особо отметили успешность работы с медведями на Биостанции.

Основной задачей настоящей Конференции являлось выявление современного состояния в популяциях всех трёх видов медведей: численности, устойчивости в их жизнеспособности, охраны и использование запасов, проблем сосуществования с человеком. Внимание и помощь Биологической станции в проведении Конференции оказала также Администрация Торопецкого района. В работе Конференции приняли участие учёные из разных регионов России: Центральной части европейской России и Приморья, Северо-западного региона и Кавказа, Центральной и Средней Сибири. Основной состав — доктора и кандидаты биологических наук, академики, заслуженные работники охотничьего хозяйства, заповедного дела и экологии, проработавшие в полевых условиях по 30—40 лет. Были биологи и сравнительно молодого поколения — аспиранты различных вузов, уже заявившие о себе как специалисты, избравшие нелёгкий путь изучения экологии и поведения медведей — замечательных, самых крупных представителей хищных зверей на земле. Участники Конференции пришли к единодушному мнению — необходимости организации на базе биостанции «Чистый лес» регионального заказника с целью сохранения уникального природного комплекса и проведения практики специалистов, изучающих медведей и волков. Сотрудники Биостанции, участники Конференции выражают свою глубокую благодарность спонсорам — партии «Единая Россия» и Фонду IFAW. Результат работы — сборник статей: «Медведи. Современное состояние видов. Перспектива сосуществования с человеком». Великие Луки. 2011. — 346 с.

Путь в тупик

В редакцию нашего журнала из всех уголков России поступает немало писем, в которых читатели-охотники сообщают, что для них стали непомерно высокими цены на путевки даже в охотугодья, закрепленные за их охотколлективами. Например, охотник Н.П. Васильев из Псковской области пишет, что территорию их охотхозяйства почему-то по чьей-то воле, совершенно неизвестной членам общества, разделены на два участка. Теперь путевка на один участок стала стоить 400 руб., а на 2 участка — 800 руб., чего раньше не было. Охотники из Брянской области, г. Злынки сообщают, что в их обществе 400 членов и раньше они состояли на учете в г. Брянске. Но потом по неизвестной им причине стало действовать охотхозяйство Злынковского РООиР. На общем собрании охотников было решено вносить ежегодные взносы по 1 тыс. руб. В эту сумму входила и цена путевки на весенне-зимний период 2009 г. Не прошло и полгода, как руководство обществом охотников потребовало внести еще по 1 тыс. руб. Площадь охотугодий почему-то сократилась с 30 тыс. га до 10 тыс. га. Теперь для членов общества право на охоту оценили в 2 тыс. руб., а не для членов общества только сезонная охота на зайца стоит 2 тыс. руб., на утку — 1 тыс. руб. Лицензия на кабана стоит 2 тыс. рублей, коосулю — 1500 руб. Охотники обратились в местную администрацию с жалобой на такие цены, но там сказали, что руководители общества поступают правильно. “Зарплаты у нас тут в среднем по 7 тыс. руб., и мы не представляем, откуда брать деньги на такие путевки и лицензии”, — пишут охотники.

За последние годы во многих регионах России с целью пополнения доходной части бюджета охотобществ пошли по пути увеличения вступительных, ежегодных взносов членов обществ охотников, увеличения цены на путевки, лицензии. Давая оценку этим явлениям, напрашивается вывод, что избран не лучший путь развития обществ охотников.

В соответствии с Федеральным законом “Об охоте...” с 1 июля 2011 г. вводится единый государственный охотничий билет, и общества охотников потеряют часть доходов от вступительных и ежегодных взносов. Что тогда? Увеличивать и дальше цену путевок и лицензий? С уверенностью можно говорить, что это будет путь в тупик, путь самоликвидации обществ охотников, а большинство закрепленных за ними охотугодий попадут в частные руки и многим охотникам-любителям надо будет или забыть про охоту, или идти на поклон в частные охотхозяйства, или идти в браконьеры.

Мне кажется, что государство недооценивает роль общественных органи-

заций охотников в обеспечении сохранности животного мира и рациональном его использовании. Без общественных структур государственный орган, призванный обеспечивать сохранность животного мира в настоящее время с теми кадрами и техническим вооружением, не выполнит стоящую перед ним задачу.

С вступлением в силу в 2009 г. Закона “Об охоте...” многие обратили внимание на то, что в нем мало говорится об общественных организациях охотников, а некоторые сделали вывод, что этим организациям пришел конец. По моему мнению, угроза общественным организациям охотников исходит не из этого закона. Закон “Об охоте...” регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства (ст. 4). В свою очередь охотничье хозяйство определено как сфера деятельности по поддержанию охотничьих ресурсов и сред их обитания, по созданию охотничьей инфраструктуры, оказанию услуг в данной сфере, а также по закупке, производству и продаже продукции охоты (ст. 1). Закон провозгласил право граждан и общественных объединений принимать участие в подготовке решений, касающихся охотничьих ресурсов и среды их обитания в порядке и формах, которые установлены законодательством Российской Федерации (ст. 2).

Мы все были свидетелями того, что в период подготовки и принятия Закона “Об охоте...” предложения граждан охотников, ученых, общественных объединений охотников практически не учитывались или учитывались минимально.

Гражданский кодекс РФ общественными организациями (объединениями) признает добровольные объединения граждан, в установленном порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей. Общественные организации являются некоммерческими организациями. Они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность лишь для достижения целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям. Особенности правового положения общественных организаций определяются, кроме ГК РФ, и другим законом (ст. 117).

С учетом сегодняшнего положения в экономике, расходы общественных организаций охотников значительно выросли: зарплата штатных работников, бензин для транспорта и др. Вот и пополняется этот дефицит бюджета в основном за счет членов общества, но этот источник не может быть бесконечным. Значит, нужен особый закон для такой общественной организации, как общество охотников. Ну никак

Николай Павлович Астафьев

нельзя сравнивать общество любителей пива с обществом охотников, но закон для них единый — Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ “Об общественных объединениях” с последующими изменениями и дополнениями, которые, кстати, по существу закон не изменили. Жизнь давно ушла далеко вперед, а закон остался прежним. С одной стороны, это хорошо, подчеркивает его стабильность, а с другой стороны, он уже не решает всех задач, стоящих в настоящее время перед общественными организациями охотников.

В Законе “Об общественных объединениях” говорится, что “государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности, законодательно регулирует предоставление им налоговых и иных льгот и преимуществ” (ст. 17).

В последние годы общественные объединения охотников каких-либо существенных льгот и преимуществ от государства не получили, а принятый Закон “Об охоте...” вообще поставил их на грань ликвидации.

Общественные объединения охотников — это часть нашего гражданского общества. Ликвидировать их легко, восстановить будет значительно труднее. Первым шагом на пути укрепления этой части гражданского общества должны быть меры по разработке и принятию федерального закона “Об общественных объединениях охотников”. Многомиллионную армию вооруженных людей нельзя оставлять без ее надлежащей организации. В законе должны быть предусмотрены меры, способствующие развитию обществ охотников не за счет поборов с их членов, а за счет деятельности охотничьих хозяйств.

Н. АСТАФЬЕВ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1 и 2 созывов, Председатель Комитета по природным ресурсам и природопользованию Думы 1-го созыва

Охота и половой состав добываемой дичи

Я. РУСАНОВ, кандидат биологических наук

За все время существования нашего журнала на его страницах редко возникала дискуссия, по своей актуальности и остроте равная обсуждению вопроса: «Быть или не быть весенней охоте». На протяжении многих лет эта проблема волнует и многомиллионную армию охотников, и специалистов охотничьего хозяйства, и зоологов, и просто любителей природы. Ее рассматривали с самых различных позиций — от биологической целесообразности до этической допустимости включительно.

Судя по тому, что за последние годы ограничения в проведении весенней охоты все более возрастали, вплоть до полного ее запрета, точка зрения ее противников, видимо, побеждала. И это понятно — все мы очень обеспокоены сокращением численности дичи, все заинтересованы в сохранении ее запасов, а общее мнение таково, что всякий запрет охоты для животных полезен, так как их перестают убивать. При этом забывают, что просто охрана животных без разумного регулирования их численности редко приносит хорошие плоды. Регулирование же численности осуществляется в процессе проведения охот, в том числе и весенних.

В очень разумной статье С. Приклонского и Я. Сапетина («Охота и охотничье хозяйство» № 6, 1970 г.) в числе прочих затронут весьма интересный вопрос о значении весенней охоты как регулятора половой структуры популяции охотничьих животных. Мы остановимся на нем более подробно. Действительно, ряд исследований показывает, что у многих видов весной численность самцов превышает численность самок. Нам думается, что одной из причин этого явления служит избирательность отстрела самок при большинстве видов осенних охот. На протяжении 20 лет мы анализировали половой состав птиц, добываемых при разных способах охоты, и получили следующие данные (табл. 1).

При наиболее распространенном способе осенней охоты количество добываемых самцов значительно (иногда почти вдвое) меньше количества добываемых самок. У нас нет данных о половом составе отстрелянных осенью вальдшнепов, но по аналогии с вышеприведенными материалами можно утверждать, что и среди них самки должны преобладать.

Исключение составляет тетерев.

Здесь в осенней добыче из-под подружейной собаки больше самцов.

При осенних охотах на водоплавающую дичь с чучелами среди убитых птиц также совершенно явно преобладают самки (табл. 2).

Интересно, что чем в более поздние сроки производится охота, тем более четко проявляется эта закономерность. Так, у уток, добытых с подхода в августе, самки составляли 61 %, а в октябре — уже 68 % отстрелянных птиц.

Преимущественный отстрел самок при ходовых охотах наблюдается повсеместно — от центральных областей Союза и Белоруссии до Азербайджанской ССР и дельты Волги. Таким образом, у большинства видов, являющихся объектом весенней охоты (кроме тетерева и, возможно, глухаря), осенью самок добывают гораздо больше, чем самцов. Причина этого явления проста. Самки, как правило, менее осторожны, чем самцы, они ближе подпускают охотника, чаще поднимаются на расстоянии выстрела и становятся добычей. Они более доверчивы и охотнее подсаживаются к чучелам, опять-таки чаще самцов попадая под заряд.

То же самое можно сказать и о самках тетерева, но в данном случае их большая доступность для отстрела перекрывается одним обстоятельством. При подъеме выводка молодые петушки обычно уже хорошо отличимы от тетерок, и даже если они взлетели дальше последних, охотник стреляет все же по ним. Поэтому и добывают больше самцов.

Следовательно, на протяжении всей осени мы добываем преимущественно самок. Тем самым мы, несомненно, вносим в естественный половой состав

популяции птиц соответствующие и очень серьезные изменения. В результате к весне самцов остается больше, чем самок. Мы не можем категорически утверждать, что для воспроизводства популяции это вредно, хотя естественное равное соотношение в ней самцов и самок имеет, конечно, биологический смысл. Однако можно смело утверждать, что для нормального хода размножения излишнее количество самцов бесполезно.

Почему же не взять этот бесполезный излишек? Оснований для этого мы не видим.

Говорят, что весенняя охота может явиться дополнительным фактором беспокойства, мешающим нормальному размножению дичи. Утверждают это люди, видимо, очень смутно представляющие себе технику весенней охоты. Дело в том, что места ее проведения никогда не совпадают с гнездовыми станциями дичи, с местами, где самки устраивают гнезда и выводят птенцов.

Для охоты с подсадной уткой, манком и чучелами на селезней подходят только достаточно чистые плесы. На них видно подсадную, подсевшего селезня, видны чучела. Ни одному мало-мальски разумному охотнику не взбретет в голову ставить шалаш в чаще подтопленного леса или кустарников, в осоковых кочкарниках или сплавинах, словом, там, где как раз и гнездятся утки.

Поляна, просека, лесная дорога, где мы останавливаемся на тягу, как место гнездовья не прельщают вальдшнепиху. Ни тетерка, ни глухарка не устраивают гнезда на площади тока.

Весенняя охота почти всегда — охота не ходовая. Путь от дома к шалашу, току или месту тяги, причем путь, приуроченный к наиболее проходным местам, вот и все передвижения охотника. Возможность потревожить гнездившуюся птицу минимальна. Есть лишь один способ охоты весной, когда

ТАБЛИЦА 1
ПОЛОВОЕ СООТНОШЕНИЕ ПТИЦ,
ДОБЫТЫХ ПРИ ОСЕННЕЙ ОХОТЕ
С ПОДХОДА

Виды дичи	Всего добыто птиц	Из них (%)	
		самцов	самок
Кряква	581	36	64
Чирок-свиистунок	453	43	57
Остальные виды уток	139	43	57
Рябчик	617	38	62
Серая куропатка	62	40	60
Дупель	177	45	55
Бекас	301	38	62
Тетерев	318	67	33

ТАБЛИЦА 2
ПОЛОВОЕ СООТНОШЕНИЕ ПТИЦ,
ДОБЫТЫХ ПРИ ОСЕННЕЙ ОХОТЕ
С ЧУЧЕЛАМИ

Виды дичи	Всего добыто птиц	Из них (%)	
		самцов	самок
Кряква	45	44	56
Чирок-свиистунок	103	42	58
Шилохвость	30	38	62
Чернеть хохлатая	61	36	64

¹ «Охота и охотничье хозяйство» № 11, 1970 г.

эта возможность становится совершенно реальной. Это ходовая охота с подсадной. При ней охотник, посадив в корзину утку, на протяжении всего дня перебирается с одного плеса на другой. На каждом из них он задерживается лишь на время, необходимое для того, чтобы высадить подсадную и дать ей покричать минут десять. Добыв 1—2 рядом находившихся селезней (если такие окажутся), охотник отправляется дальше. Такая практика, конечно, должна быть запрещена. Что касается «грома выстрелов», на вредоносную роль которого так часто ссылаются противники весенней охоты, то вряд ли эти ссылки заслуживают внимания. Всем известна высокая концентрация дичи на недоступных для людей и пасущегося скота территориях авиационных и артиллерийских полигонов, где гром и грохот во много раз сильнее любой охотничьей канонады.

Не стоит, видимо, говорить и о возможности весеннего отстрела самок запрещенных видов. Браконьерство весной, летом, осенью и зимой — всегда браконьерство. С ним необходимо беспощадно бороться, но оно не может служить основанием для запрещения охоты вообще.

Каких-либо конкретных материалов, характеризующих вред от проведения правильной весенней охоты и пользу от ее запрещения, нет.

В то же время проблема регулирования численности и структуры популяций охотничьих животных сейчас встает перед нашим охотничьим хозяйством в полный рост. Пренебрегать тем фактом, что из года в год мы изымаем из поголовья многих видов значительно больше самок, чем самцов, вряд ли разумно. Совершенно несомненно, что природот численности по отношению к воспроизводственному поголовью при

этом неуклонно должен понижаться. До тех пор пока не установлено, какое половое соотношение в популяциях полигамных видов обеспечивает наибольшие темпы воспроизводства, т. е. при каком количестве самок на одного самца получается самый высокий прирост численности, нужно стремиться к поддержанию полового соотношения 1:1 — таким оно является в природе без содействия человека.

Организация усиленной добычи самцов водоплавающей дичи или вальдшнепа осенью — задача практически невыполнимая.

Компенсировать результаты осенних охот должны охоты весенние. Их следует разрешить. При соблюдении существующих законов о порядке проведения весенних отстрелов ничего, кроме пользы охотничьему хозяйству и радости для сотен тысяч охотников, это не принесет.

Аргументы противников охоты несостоятельны

А. РЫКОВСКИЙ, кандидат биологических наук

В № 6 нашего журнала за 1970 г. была помещена статья С. Приклонского и Я. Сапегина «Весенняя охота: да или нет?» Полностью присоединяюсь к выводам авторов статьи и считаю целесообразным дополнить эти выводы некоторыми соображениями. Приклонский и Сапегин обосновывают свою позицию на примере водоплавающей дичи. Мы же попытаемся подтвердить эту точку зрения, используя собственные и литературные данные по дичи боровой, которая в густонаселенных районах нашей страны зачастую играет в весенний сезон охоты основную роль.

Возражения противников весенней охоты, высказываемые ими в статьях, как правило, слабо обоснованных цифрами и фактами, можно свести к следующему четырем аргументам: весенняя охота неэтична; ущерб поголовью дичи наносится больший, чем при охоте осенней; сложные проблемы контроля за соблюдением сроков и норм отстрела, а поэтому затрудняется борьба с браконьерством; особое положение нашей страны, поскольку в других европейских странах с их развитым охотничьим хозяйством весенняя охота не практикуется.

Ставить вопрос о неэстетичности весенней охоты могут лишь люди, лишённые чувства эстетики. Большинство охотников-спортсменов предпочитают одного вальдшнепа весной десятку этих птиц, убитых на высыпке или на зимовке. А уж глухарь, убитый весной, во много раз дороже десятка молодых глупых птиц, расстрелянных из-под лайки в сентябре-октябре. «Эстетам» от охоты следует перечитать класси-

ческую русскую литературу об охоте. Может быть, строки о весне Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, М. М. Пришвина напомнят им о том, что весенняя охота наиболее красива, поэтична и в то же время наименее добычлива.

Наиболее аргументированными представляются соображения об ущербе, наносимом поголовью птиц весенней охотой. Возможность весенней охоты на уток подробно доказана в обсуждаемой статье Приклонского и Сапегина и вряд ли нуждается в дополнительных аргументах. Среди боровой дичи весеннему отстрелу подвергаются только самцы полигамных видов. Отстрел самок глухаря, тетерева и вальдшнепа возможен только в виде сознательного браконьерства. С таким же основанием можно говорить, что весной будут убивать беременных зайчих или лосих.

Большим количеством как отечественных, так и зарубежных работ доказано, что весенний отстрел тетерева и глухаря в пределах 20% имеющегося поголовья самцов не ведет к повышению прохолодания самок и снижению размеров кладки (Свентожецкий, Юргенсон, Рыковский). В хозяйствах, где хорошо поставлен учет и ежегодно ведется строго нормированный отстрел петухов, численность боровой дичи не только не сокращается, но и растет благодаря охране и комплексу воспроизводственных мероприятий (Ильинский). Аргумент о распугивании птиц с гнезд в отношении боровой дичи также несерьезен. Непосредственно на токах эти птицы, как известно, не гнездятся, и прошедший по дороге до тока и обратно охотник вряд ли вспугнет тетерку с гнезда (в отличие от гуляющих дачников и туристов).

Аргумент о распугивании выстрелами тоже характеризует незнание условий охоты. Известно, что сидящую на гнезде птицу можно согнать, лишь едва не наступив на нее. Стрельба же (а весной она редкая, за исключением тяги) в этом плане значения иметь не может. Таким образом, очевидно, что биологических предпосылок к запрету весенней охоты на глухаря и тетерева нет. Естественно, что там, где численность этих видов очень низка, нужен полный запрет, но это не имеет отношения к проблеме весенней охоты.

Совершенно особо стоит вопрос о тяге. Распространенность, прелесть и малодобычливость этой охоты общеизвестны. Известно также, что из-за малого количества легавых собак, кратковременности осеннего пролета и ряда организационных причин летне-осенняя охота на вальдшнепа в центральных районах почти не практикуется. Лишая тысячи охотников права постоять на тяге, мы полностью исключаем возможность охоты на этот вид в средней полосе. Это лишь усилит и без того чрезмерный промысел, переходящий в избиение в районах зимовок.

Ссылки противников весенней охоты на то, что в западноевропейских странах она запрещена, вряд ли достойны внимания. Запрещена она там, где ее нет и быть не может (я имею в виду охоту на боровую дичь). В Скандинавских же странах, где охота на боровую дичь близка к нашей, она практикуется.

Последний аргумент против весенней охоты — проблема ее правил, сроков и контроля за ними. Здесь, действительно, не все еще в порядке и нужно принять ряд мер.

¹ «Охота и охотничье хозяйство» № 12, 1970 г.

У нас установились три категории хозяйств: государственные лесо-охотничьи и заповедно-охотничьи хозяйства; хозяйства, существующие на правах приписки, но имеющие штатный персонал и необходимое материально-техническое обеспечение; хозяйства, которые ведутся на общественных началах.

В хозяйствах первой категории вряд ли целесообразно ставить вопрос о сроках и нормах, при наличии учета и контроля совершенно безразлично, когда будут отстрелены птицы, подлежащие изъятию, и кто их убьет — один охотник всех или все охотники по одной. Это — дело администрации. Тут могут играть роль лишь спортивно-эстетические критерии. И тяга, и ток особенно красивы весной, а не в конце мая, когда лес уже в листе.

Для хозяйств второй и третьей категорий, где нагрузка на угоды выше, вопрос о сроках весенней охоты весьма серьезен. Совершенно очевидно, что для снижения ущерба поголовью (а он есть, как и при всякой охоте) целесообразны поздние сроки, когда самки если и не сели на гнезда, то уже загнездились. В условиях средней полосы это — последняя декада апреля — первая декада мая. Самцы сделали свое дело и отстрел их никак не скажется на воспроизводстве. В этих хозяйствах нужно установить строгие лимиты отстрела. Спортивная охота — не промысел, и нужно дать возможность побывать на охоте максимально количеству охотников. Один глухарь или один тетерев, или два селезня за утро и два вальдшнепа за вечер — разумная норма, хотя можно заведомо сказать, что отстрелять за тягу двух вальдшнепов удастся одному охотнику из десяти.

В хозяйствах второй категории, где проводится учет численности и отстрела, продолжительность охоты должна и определяться этими показателями. Открывая охоту, например, в последнюю субботу апреля, следует прекращать ее, как только норма отстрела будет выполнена, но не позднее 5 мая. В хозяйствах третьей категории и на так называемой «свободной территории», где отстрел можно реально регулировать только сроками, целесообразны поздние сроки, ограниченные до 9 дней (с субботы до следующего воскресенья). Перечень видов, разрешенных к отстрелу в этих угодах, должен определяться, как это делается сейчас, в областном масштабе.

Вопрос о браконьерстве во время весенней охоты нельзя решить, не решив его в принципе. Запрет охоты, оставляющий дома массу охотников, лишь развязывает браконьерам руки.

Нам совершенно непонятно, зачем понадобилось лишать нашего молодого современника счастья провести весеннюю ночь на току или вечернюю зорю на тяге.

Генриху Анатольевичу СОКОЛОВУ

— 80 лет

Председателю комиссии по соболу Териологического общества РАН, Председателю Среднесибирского отделения этого же общества, профессору Генриху Анатольевичу Соколову исполнилось 80 лет.

Этот молодой, энергичный и жизнерадостный человек, несмотря на пройденные годы, полон творческих сил.

С детства он пристрастился к животному миру, окружающей природе, приключенческой и охотничьей литературе. С 14 лет он начал охотиться с ружьем. С боеприпасами было трудно. Дробь научился изготавливать из свинца аккумуляторов американских студебеккеров, а чтобы иметь порох, сдавал в заготконтору вороха шкурки водяной крысы.

После окончания школы поступил без колебаний в Московский пушно-меховой институт. Здесь его учителями были выдающиеся биологи П.А. Мантейфель и А.М. Колосов. Практику проходил в Бурят-монгольской автономной республике. Здесь, в Баргузинском заповеднике, он изучал экологию соболя и марала.

После окончания МПИИ получил назначение в Сибирь, в Красноярское отделение ВНИИОЗ. Вначале занимался пахучими приманками и снотворными препаратами под руководством С.А. Корытина. Несколько позже проводил в Тайшетской тайге испытание нового древесного капкана на белку. Во время этой работы судьба свела его с опытными учеными — охотоведами Я.С. Русановым и А.А. Вершининым, в то время уже известным собольником. С последним был целый месяц в тайге. Проверка оказалась успешной и капкан был рекомендован к использованию на промысле белки. Общение с А.А. Вершининым еще больше укрепило в нем желание заняться экологией соболя. Работая в отделении ВНИИОЗ, проводил выпуск ондатры и американской норки, учеты бобра в Красноярском крае и в Хакасии.

В 1958 г. поступил в аспирантуру на каф. охотоведения ИСХИ к проф. В.Н. Скалону. С Василием Николаевичем был знаком с 1953 г., когда был на практике в Баргузинском заповеднике. Тема исследований в аспирантуре была связана с охотпользованием в промысловых хозяйствах потребкооперации. Из Иркутска ездил постоянно в Красноярск в южные районы, где изучал экологию копытных и пушных видов.

В 1960 г., после окончания аспирантуры, по приглашению директора Института леса и древесины

Генрих Анатольевич Соколов

АН СССР академика А.Б. Жукова был приглашен на работу. В это время в Институте создавалось направление, цель исследования которого состояла в комплексном использовании биологических ресурсов горных кедровых лесов Сибири. Работал на Алтае на Телецком озере, на Байкале и в Хакасии. Исследования юбилея состояли в том, чтобы дать теоретическое обоснование уровню лесопользования при выборочных рубках с точки зрения приемлемости их для лесной фауны. Учеными была найдена «золотая середина» — выгода для лесопользования и создание условий для увеличения биомассы кормовых ресурсов соболя, белки, марала и куриных птиц. Все это достигалось при таком уровне вырубки древостоя, когда сомкнутость крон уменьшалась до 0,5—0,6. В 1964 г., уже в Институте леса, защитил кандидатскую диссертацию.

Организация коопзверопромхозов, госпромхозов и лесохотничьего хозяйства, каким был Алтайский «Кедроград», подвиги исследователя к выявлению и изучению закономерностей организации структурных построений и динамики популяционных параметров вида и разработке теории интенсивных экологических правомерных технологических приемов использования популяций соболя в процессе промыслового прессы. Для понимания природы этих популяционных процессов было собрано 8975 тушек и черепов соболей. Докторская диссертация «Экологические основы рационального использования соболя в кедровых

лесах Сибири» была защищена в 1994 г. в ВСХИЗО.

Во время работы в Институте леса принимал участие во всех форумах (совещаниях, конференциях) Всесоюзного и Международного уровней по млекопитающим, охотничьему хозяйству, териологии, экологии, охране природы. Рациональное, экологически обоснованное охотопользование, создание ООПТ для охраны редких и исчезающих млекопитающих, стало одной из основных научных задач юбилея. В конце 1950 — начале 1960 гг. им было организовано 5 коопзверопромхозов на юге края и 3 в Туруханском районе. Для каждого из них (или группы хозяйств) были разработаны принципы их организации и функционирования, комплексы отраслей.

В процессе фаунистических исследований представилось возможным изучить зоокомплексы и сообщества фауны млекопитающих и птиц Приенисейской части Западного Саяна. Было «документально» и визуально установлено присутствие здесь волка красного, барса снежного, козла горного сибирского, оленя северного лесного, алтайского уalara и др. Возникла идея заповедника этой территории. После публикации статьи в «Природе», выступлений в Крайисполкоме удалось создать в 1976 г. Саяно-Шушенский государственный заповедник. В настоящее время Г.А.

Соколовым разработана ландшафтно-зональная схема организации заповедников в Красноярском крае, в том числе в северных регионах, где увеличивается антропогенная нагрузка на естественные экосистемы.

В начале 1980 г. соболятники России избрали Г.А. Соколова председателем комиссии по соболю териологического общества РАН. За это время удалось провести 3 Всероссийских совещания по соболю, все в Красноярске. Одновременно он является председателем Среднесибирского отделения териологического общества РАН.

За прошедшее время юбилеом опубликовано 220 научных работ, в том числе 12 книг монографического уровня, написаны очерки по млекопитающим в Красные книги Красноярского края и в Красную книгу Республики Хакасии. Постоянно оппонировал кандидатские и докторские диссертации сибирских ученых, дал около 50 отзывов на диссертации, поддерживает научные связи с Институтами РАН и Россельхозакадемии.

Г.А. Соколов любит экспедиционные поездки для изучения жизни млекопитающих в малоизученных местах. Является страстным охотником, далеко не Хантер, но для научных исследований добыл 26 медведей, несколько десятков косуль, марала, лося, оленя северного, козла

горного сибирского и около 300 соболей. Им собрана коллекция — около 4 тыс. черепов соболя, 22 черепа медведя, 300 черепов разных видов (сибирских) копытных и хищников. Во время экспедиций постоянно собирает информацию по млекопитающим у охотоведов и охотников.

Последние десятилетия Г.А. Соколов работает в Сибирском федеральном университете, на кафедре прикладной экологии и ресурсосведения, читая такие дисциплины как систематика млекопитающих, экология млекопитающих, заповедное дело, охрана природы, общие вопросы охотоведения, охотничьи ресурсосведения. Постоянно ездит на практику со студентами и аспирантами.

Генрих Анатольевич Соколов с большим вниманием трудится над воспитанием нового поколения специалистов в области охотничьего ресурсосведения и заповедного дела, в решении вопросов рационального ресурсопользования и охраны редких видов млекопитающих.

Желаем юбиляру крепкого сибирского здоровья, счастья, уверенности в свершении всего задуманного.

Л. КОЛПАЩИКОВ,
доктор биологических наук,
А. МУХАЧЕВ,

доктор сельскохозяйственных наук,
профессор НИИСХ
Крайнего Севера СО РАСХН

Здравствуй, уважаемая редакция журнала. Зовут меня Вечтомов Виктор Алексеевич, живу в Удмуртии, г. Сарапул. Охотой занимаюсь более 60 лет. Являюсь давним читателем вашего журнала. Особенно люблю рубрику «Литературные страницы».

Всю свою жизнь я посвятил гончим. Собаки были разные, но лучшим из лучших для меня остаётся мой русский пегий выжлец Задор. Хотелось бы описать один интересный случай, произошедший на охоте. В одно раннее декабрьское утро мы с напарником отправились на охоту. Снега было уже достаточно. Выжлеца набросили у небольшого выруба, где нам попался свежий лисий след. Через двадцать минут Задор поднял лису, как мы определили по голосу, и началась потеха. Лиса ходила большими кругами, то уводя выжлеца со слуха, то снова подводя к месту подъёма. Перевидеть удалось её не сколько раз, но взять не получалось. Несмотря на то, что

недалеко в овраге были норы, лиса нориться отказывалась. Время было за полдень, гон стал более ярким. Лес гудел, оглашаемый рёвом выжлеца. Лиса уже, видимо, начала выбиваться из сил, круги постепенно сужались. Вот она выскочила на наши следы и по ним спустилась в овраг. Задор за ней. Внезапно в овраге гон стих. Ну, думаю, занорилась. Решили выжлеца не ждать, а идти к машине. Задор сам догонит. Через какое-то время выжлец нас догнал, морда и грудь были в крови. После коротких обсуждений сделали вывод, что где-то разделили кабана или лося, а выжлец полакомился остатками. Напарник решил проверить и ушёл по следу в пята. А я остался его ждать, сидя на поваленном дереве. Через какое то время напарник вернулся, неся в руках окровавленный комок шерсти. Это была лисья голова и часть «трубы». Оказалось Задор сгонял лису и хорошо пообедал. Такую же страсть к красному зверю он передал

и своему сыну Загону. Но в памяти сохранились именно охоты по красному зверю с Задором.

В. ВЕЧТОМОВ,
г. Сарапул

Уважаемый главный редактор журнала «Охота и охотничье хозяйство»!!!

Просим Вас опубликовать письмо-благодарность людям, которые организовали и провели международные соревнования лаек по подсадному медведю и вольерному кабану. Данные мероприятия прошли на высоком уровне и являются примером отношения к делу и любви к Родине.

С 24 по 27 августа 2011 г. в Уренском районе Нижегородской области на охотничье-спортивной базе Муниципального предприятия «Арья» проводились соревнования лаек по подсадному медведю и вольерному кабану. Данные соревнования прошли на высоком профессиональном уровне. Нас поразило отношение к делу, гостеприимство и доброжелательность нижегородских людей,

хозяев и организаторов соревнований, особенно хочется поблагодарить: главу местного самоуправления Уренского района Шилина Анатолия Михайловича, главу Администрации Уренского Муниципального района Бабинцева Сергея Борисовича, директора Муниципального предприятия охотничье-спортивной базы «Арья» Сироткина Сергея Павловича.

В соревнованиях участвовали 26 команд, в том числе: команды из Республики Беларусь, Украины, Приднестровья и многих регионов России.

Мы, представители команд, благодарим всех организаторов и спонсоров данных мероприятий, которые стали примером отношения к делу, и надеемся, что соревнования лаек по подсадному медведю и вольерному кабану на КУБОК РОССИИ 2012 г. пройдут на охотничье-спортивной базе Муниципального предприятия «Арья» Уренского района Нижегородской области.

С уважением, Н. ЕВРАСКИН
Калужская обл.

Лани в охотхозяйстве «Озерное»

Охотхозяйство «Озерное» Калужской области (директор В.В. Рыбаков) три года назад закупило 180 особей лани. Выпустили их в свои угодья. Организовали правильный уход, подкормку и охрану. Животные прижились, чувствовали себя хорошо, падежа не было. И вот теперь их поголовье увеличилось до 450 голов.

А. ДИГИЛЕВИЧ

Фото автора

История происхождения охоты с подсадными утками

В. ЛОБАНОВ, президент Клуба любителей охоты с подсадными утками и манными птицами

Домашние утки не были известны и не упоминаются в литературных и культурных источниках древних египтян, ветхозаветных евреев и греков гомеровского периода. Домашние утки также не были известны и во времена Аристотеля. Около 18 столетий назад Колумелла и Варрон (Древний Рим) считали необходимым держать уток в загородках, покрытых сетями, наравне с другими дикими птицами (Дарвин, 1868). Это прямо указывает на то, что именно в этот период началась domestикация кряквы (Алфераки, 2004; Горюнов, 1958; Осипов, 1930).

Предполагается, что все породы уток произошли от кряквы (Боголюбский, 1959; Горюнов, 1958; Дарвин, 1954; Осипов, 1930). Но мы считаем, что кряква стала лишь исходным материалом для дальнейшей селекции, в результате которой первоначально была создана порода домашней утки, давшая впоследствии все разнообразие пород домашних уток.

Мы считаем, что предпосылка для одомашнивания водоплавающих птиц и, в частности, уток была вызвана необходимостью стабильного обеспечения все возрастающего населения мясной продукцией, чего уже не могла дать охота. Нестабильность охотничьего промысла связана с сокращением численности водоплавающей дичи в результате климатических изменений (Кривенко, 2008) и в результате охотничьего пресса. Воздействие охоты на численность водоплавающих птиц значительно увеличилось, когда прежние способы добычи дичи с применением метательного оружия уже в XV веке заменялись в больших масштабах на сетевые, более добычливые, но неизбежно приводящие к чрезмерному изъятию большой части популяции охотничьих птиц (Кутепов, 2007).

Доместикация большинства видов птиц проходила в несколько этапов. На первом (адаптационном) этапе domestикации в условиях клеточного или вольерного содержания происходило привыкание птицы к новым условиям обитания. У птицы вырабатывались такие основные domestикационные качества, как толерантность по отношению к человеку, способность кормиться, размножаться, производить потомство в условиях неволи.

На втором этапе (трансформационном) в результате естественного отбора у птицы происходили необратимые

изменения, закрепляемые генетически. Птица адаптировалась к условиям домашнего содержания, т.е. привыкала кормиться предложенными человеком кормами. Большое значение для одомашнивания птицы имела выработка у нее хоминга. Хоминг, выражающийся в приверженности птицы обитать в домашних условиях и возвращаться в птичник даже при полувольном содержании, присущ только домашним птицам. На третьем этапе, уже в результате искусственного отбора, происходит образование породных групп и в случаях экономической необходимости в результате последующего селекционного отбора – пород. Образование какой-либо породы происходит в результате социально-экономической необходимости ее появления и накопления определенного эмпирического опыта ведения селекционной работы.

Возникновение необходимости создания подсадных уток прямо связано с уменьшением объемов добычи водоплавающих птиц в конце XIII века в результате повсеместного сокращения их численности (Алфераки, 2004; Кривенко 2008). Подсадные утки были выведены из домашних уток, сохранивших внешний вид и некоторые повадки кряквы. Уже в это время на подворьях содержалось значительное поголовье пока еще беспородных, но уже вполне домашних, уток (Алфераки, 2004; Горюнов, 1958; Осипов, 1930).

Происхождение охоты с подсадными утками в Западной Европе

Один из широко распространенных промыслов водоплавающих птиц был обычен среди населения Западной Европы, России, от Балтики до Камчатки, во всей Северной Америке и в Азиатских странах. Он кормил массу народа, являясь порою единственным источником обеспечения мясным продовольствием населения целых селений. Во время этого промысла многочисленные сети ставились на пути пролета водоплавающей птицы. Птицу ловили во время весенних и осенних пролетов. Впоследствии, в связи с повсеместным запретом такого способа лова в Западной Европе и России, для промысла стали применяться другие, менее добычливые снасти (перевесы, силки, западни, привады и т.п.).

Известны описания промысла диких уток с помощью сетчатых ловушек, в которые дичь приманивалась с помощью домашних криковых уток в Голландии, Дании и других странах. Так, например, для обслуживания одной из них на Кевлер-Дюне (около Гельдерна, Нидерланды) содержалось до 600 подсадных уток (Алфераки, 2004). До нас дошли и некоторые другие способы охоты в Западной Европе с применением подсадных уток.

Охота из шалашей. На морских побережьях Франции, Голландии и Нормандии охота эта начиналась не ранее ноября, когда туда слетается на зимовку много уток разных пород, и продолжалась всю зиму. Шалаш строился из веток ивняка, которые заделывались в землю, и сверху прикрывались дерном. Сооружали его на берегу водоёма. Подсадные (криковые) утки высаживались на воде на некотором расстоянии от берега. Их привязывали за лапу небольшими, в 2—3 фута, веревочками к колышкам. Охотник занимал шалаш с вечера и поджидал уток, которые появлялись на заре. После выстрела для подбора добычи посылали собаку. Обычно для этих целей применяли пуделей, как наиболее смысленных и выносливых собак (Алфераки, 2004).

Охота из бочек. В Западной Европе стрельба из бочек была очень распространена и давала превосходные результаты как промышленная охота на водоплавающую дичь.

Промышленная охота из бочек широко применялась в южной Испании на заливных лугах — маризмах, а также в Италии.

У охотников имелись многочисленные охотничьи стоянки (станции), в которых они поджидали крякв и лысух — преобладающую в этих местах дичь. Каждая такая стоянка представляла собой искусственный островок круглой формы. От разрушения приливом и отливом такой островок защищали загородками из тростника. Поверхность островка маскировали пучками водной растительности, а в центре помещали бочку для охотника. Делали бочку из дуба, ореха или из листовенницы, но в последнее время вместо деревянных бочек стали делать бочки из цемента. Она имеет вид усеченного конуса, имеющего около метра в диаметре на дне и около 80 сантиметров вверху. Охотник применял сложную систему размещения на воде

как живых приманочных птиц, так и искусственных чучел для привлечения диких птиц на выстрел его ружья. Из живых приманочных птиц обыкновенно брали две подсадные утки, воспитанные на птичьем дворе, редко больше и, кроме того, одного селезня. Привозили приманочных птиц в особых клетках и, высаживая на воду, привязывали за ножку веревочкой, которая, в свою очередь, прикреплялась к более толстой веревке, имеющей на конце камень, лежащий на дне как якорь. Иногда вместо веревки с камнем подсадных уток привязывали к колу, воткнутому в дно. Такие колья имели на своей вершине дощечку, позволяющую утке отдохнуть, когда она уставала плавать.

Охотник менял подсадных уток согласно обстоятельствам. Например, если в окрестностях появлялись лысухи, красноголовые нырки или свиязи, то он высаживал только ручных селезней, так как считалось, будто голос кряквы-самки отпугивает этих птиц.

В Великобритании применение подсадных (криковых) уток на ружейных охотах на диких уток впервые упоминается Ч. Дарвиным (1868). На охоте применялись шомпольные и гладкоствольные казнозарядные ружья.

Возникновение и развитие ружейной охоты с подсадными утками стало возможным после изобретения в середине XIX века казнозарядного охотничьего оружия, удобного для ходовых охот на водоплавающую дичь. Разработка различных образцов охотничьего оружия и начало их массового производства в Западной Европе изменило характер охоты. На первое место выступила любительская ходовая охота не только на диких копытных, но и на мелкую дичь.

Происхождение охоты с подсадной уткой в России

В России сетевая охота на крякву с подсадными утками зародилась скорее всего в конце XV столетия в виде промысла. В России этот промысел долгое время был распространен в северных районах Европейской части и почти повсеместно в Сибири. Птицу ловили во время весенних и осенних пролетов. Большие сети устанавливались на шестах возле камышей и конец веревки, поддерживающий их, находился в руках у спрятанного в камышах ловца. Вблизи сети высаживались подсадные утки. Дикie утки охотно присаживались на плес и, приманиваемые подсадными, подплывали близко к сети. В это время ловец опускал веревку и сеть, падая, накрывала сразу целую стаю (Алфераки, 2004).

С XVIII в. происходит увеличение спроса на продукцию охоты, что приводит к дальнейшему развитию охотничьих промыслов. В Москве в 1773 году создается Охотный ряд, куда промышленники в больших количествах привозят продукцию охоты. В царствование Екатерины II впервые издаются доку-

Скрадки для охоты на уток

яма в земле

бочка

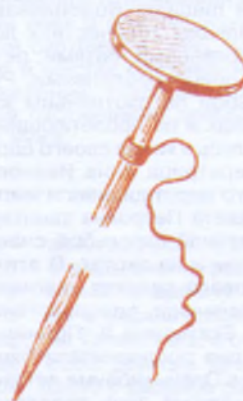

И так можно использовать бочку для устройства скрадка

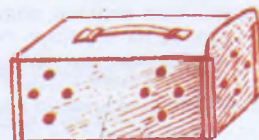
Инвентарь охотника-утятника

ногавки

круг со шнуром

Садки для уток

менты на ограничение охоты. Запрещается применение перевесов и сетей, вводится запрет на весеннюю охоту, учреждаются платные билеты на право охоты, а также вводится запрет на охоту вблизи Москвы и Санкт-Петербурга.

Возникновение ружейной охоты с подсадными утками в России

Огнестрельное оружие стало употребляться для охоты лишь при царе Иване Грозном. Первые опыты ружейной охоты были произведены при охотах на медведя, где применялись легкие ручные пищали. Водоплавающую птицу в больших количествах ловили теми же перевесами, сетями, петлями и другими приспособлениями. Ружейной стрельбой по охотничьим животным в загонах и по пролетающим птицам увлекалась в конце своего царствования императрица Анна Ивановна. К концу своего царствования и императрица Елизавета Петровна заинтересовалась ружейной стрельбой сначала в цель, а затем и на охотах. В этих охотах участвовала великая княгиня Екатерина Алексеевна, впоследствии императрица Екатерина II. Причем псовой охоте она предпочитала охоту на дичь. Живя в Ораниенбауме летом 1748 года, она каждый день развлекалась охотой на уток. Из других охот этого времени Екатерина II увлекалась соколами, весной ходила на тягу вальдшнепов и осенью выезжала на тетерева с чучелами и из шалаша.

В XVIII веке Петром III был издан манифест «О вольном дворянстве», давший дворянам личную свободу. Многие дворяне переместились в свои имения, расположенные в провинциях и губерниях. Среди русского дворянства XVIII века наиболее распространена была псовая охота, стоявшая в преемственной связи с боярскими псовыми охотами Московского времени. Во второй половине XIX века довольно широкое распространение получила также и ружейная охота на дичь. Интерес к ходовой охоте на уток возник с появлением сравнительно недорогих охотничьих ружей. Это повлекло за собой увеличение числа охотников среди небогатого поместного дворянства, чиновников, купцов и других зажиточных слоев населения. Параллельно развивается промышленная охота. Промышленники специализируются на добыче пушины, зверя и дичи для дальнейшего сбыта. Именно в это время, наряду с ходовой охотой, начинает развиваться ружейная охота с подсадными утками. Спрос на хорошую подсадную утку, разводимую в крестьянских подворьях, стимулировал ведение целенаправленной селекции на развитие голосовых и охотничьих качеств подсадных уток.

«Отечеством и рассадником» подсадных уток считается Тула (Зубковский, 1897; Сабанеев, 1885). Именно в Тульской губернии были созданы

благоприятные условия для зарождения ружейной охоты с подсадными утками среди промышленников, сельского и посадского населения. Начиная с 1599 года, в Туле развиваются оружейные ремесла. Указом Петра I в 1712 году в Туле создается казенный оружейный завод. При нем продолжают существовать частные мастерские, в которых выполнялись не только государственные, но и частные заказы. Уже в 80-е годы XIX столетия в оружейных лавках широко продавались «ружья короткие охотничьи, сделанные на манер немецких, и длинноствольные, в ложах сделанных на манер черкесских, винтовальные и кругляки...» (Злобин, 1912).

Очень скоро из Тульской губернии ружейная охота с подсадными утками распространилась по Волге, а затем и по другим губерниям и востоям. Особенно была развита эта охота в Нижегородской, Тульской, Воронежской и Пензенской губерниях. Нужно предполагать, что отсюда она стала распространяться и дальше, сначала по Дону, а затем и по Волге до Саратова (Рябов, 1952). В условиях изолированного разведения в разных губерниях появляются породные группы подсадных уток: воронежская, саратовская, пензенская, семеновская и др. Почти в каждой губернии, в первую очередь у промышленников, образовались свои породные группы, выводимые местными заводчиками.

В России возникновение охоты с подсадными утками началось для охоты на селезня приходится скорее всего на середину XIX века (Алфераки, 2004; Рябов, 1975; Фокин, 1989). Самое раннее описание охоты с подсадной уткой приводится Л. П. Сабанеевым в Охотничьем календаре (1885).

Первые подробное и красочное описание охоты с «круговой уткой» в Брянской губернии сделано охотником-любителем Н.В. Зубковским (1897), а в Рязанской губернии К. Ширинкиным (1897). По описанию Н.В. Зубковского, в Брянск две «кряковые» утки были завезены в 1885 году старым брянским охотником из Тулы. В продолжении нескольких лет этот заводчик монополично держал «кряковых» уток, не продавая их никому. Все же одному из любителей этой охоты удалось купить пару уток и селезня и поделиться потомством с близкими товарищами и охотниками. Отсюда возник кружок «утятников», ревниво оберегавших ту же монополию. Н.В. Зубковский (1897) отмечает, что большинство российских охотников мало знакомо с охотой с круговой уткой. Причем, по его же словам, среди сообщества охотников-любителей существовало предубеждение против этой охоты, которую называли «шкурятничеством», «бойней» и т.п. Это в основном связано с тем, что «круговых» уток широко применяли промышленники, добывающие дичь в больших количествах, для реализации. Тем не менее число любителей охоты с

подсадными утками неизменно растет. Так, в 80-х годах XIX века в Брянске организуется «кружок утятников». «Этот кружок интеллигентных охотников занимался разведением подсадных уток в своих усадьбах и имениях, причем его члены не только не продавали подсадных уток крестьянам или промышленникам, но и не хотели уступить даже никому из членов, вновь прибывших в г. Брянск» (Зубковский, 1897).

Промысловая охота на водоплавающих птиц в середине XIX века продолжает прогрессировать. Этому способствует расцвет мелкой торговли и развитие торгово-рыночных отношений. Существует устойчивый спрос на продукцию охоты.

В то же время Российское охотничье общество добивается запретов на применение сетевых орудий лова, что усложняет ведение промысла. Промышленники переходят на ловлю уток при помощи силков. Для приманивания птицы в силки начинают применять подсадных уток.

Широкое развитие промысловых охот с применением подсадных уток, проводившихся весной и осенью во время скоплений водоплавающих птиц, было связано с более высокой добычивостью при сравнительно небольших затратах времени и сил. Успешность этого промысла целиком зависела от рабочих качеств подсадных уток. Скорее всего domestикация кряквы и выведение подсадных уток происходило в результате одомашнивания утят, полученных от инкубации под курицей-наседкой или домашней утки. Довольно узкая цель искусственного отбора, направленная на получение определенных голосовых качеств, и дала основное направление селекции подсадной утки. В данном случае селекция подсадных уток целенаправленно велась на совершенствование голосовых свойств, что в конечном счете определяло их добычивость на охоте. Возникновение подсадной утки как породы, это один из ярких примеров народной селекции.

Во время Первой мировой войны, в 1914 году, значительная часть мужского населения была призвана в войска и промысловые охоты пришли в упадок.

Охота с подсадными утками в СССР

Первым постановлением СНК (май 1919 г.) «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» запрещалось повсеместное проведение охоты в весенне-летнее время до 1 августа.

Декретом об охоте от 20.07.1920 г. была разрешена весенняя и летне-осенняя охота на водоплавающую дичь.

В СССР в 20-е годы прошлого столетия охота с подсадными утками нашла много поклонников среди ленинградских и вологодских охотников. Нескольким позднее подсадные утки были завезены и в Сибирь — в Томск, Но-

сибирск, Красноярск, Тюмень и Курган. Постепенно охота с подсадной уткой на селезня становится одним из обычных видов охоты. В справочнике «Весенний сезон охоты» под редакцией А. И. Рыбалина (1941) приводятся рекомендации по охоте с подсадными утками. В частности, наиболее добычливым весенним периодом считается вторая половина весны. В 30-х годах прошлого века добывание уток в лесной зоне проводилось как ружейными, так и безружейными способами. Во время промысловых осенних заготовок уток ловили петлями и сетями, приманивая их при помощи манных уток (Перелешин, 1937). Но в весеннее время разрешалась и «ходовая» охота, что значительно подрывало численность поголовья кряквы и осложняло охоту с подсадной уткой.

В середине XX века в результате глобального изменения климатических

циклов и возросшего воздействия антропогенных факторов, негативно повлиявших на места обитания охотничьих животных, происходит повсеместное снижение численности кряквы (Кривенко, Виноградов, 2008). В 60—70-х годах XX столетия, в целях повышения численности этих уток, в ходе ожесточенных дискуссий среди биологов-охотоведов, специалистов по охране природы и сельскому хозяйству, побеждают сторонники закрытия весенней охоты. Но, как показали полевые исследования, негативное влияние на численность кряквы, как и других видов охотничьих птиц, оказывает не охота, а нерациональные приемы ведения хозяйства, неоправданное осушение водоемов в мелиорации, применение опасных пестицидов в сельском хозяйстве и браконьерство. Показательно то, что в эти годы значительно возросла добыча водоплавающих и

других перелетных охотничьих птиц в Западной Европе. В то же время эти запреты привели к практически полному исчезновению подсадных уток.

В 1974 году Главохотой РСФСР была разрешена охота с подсадной уткой. Сначала охоту разрешили в опытных хозяйствах Росохотрыболовсоюза, в 1987 году уже в 9-ти охотхозяйствах Московского общества охотников и рыболовов, а потом и повсеместно во всех охотничьих хозяйствах страны. С этого времени любительская охота возобновилась в полном объеме, а промысловая охота, в связи с ужесточением охотничьего законодательства, запрещающего применение сетевых орудий лова и ограничивающих норму добычи охотничьих птиц, сохранилась только в местах проживания коренного населения, традиционно занимающегося охотничьими промыслами для своих нужд.

Седов Александр Михайлович

Добрый день, уважаемая редакция! Отправляем вам фотографию нашего отца Седова Александра Михайловича. Наш папа занимается охотой, вернее сказать, живот охотой, наверное, с того

времени, как начал ходить. Он никогда не возвращается с охоты без добычи! И каждый месяц с нетерпением ждет очередной номер журнала «Охота и охотничье хозяйство», который прочиты-

вает на одном дыхании. Журнал он выписывает лет 20 точно! И каждый номер у него подшит. Он очень добрый, и вообще самый лучший отец на свете, поэтому хотелось бы сделать ему сюрприз, чтобы его фото вышло в любимом журнале.

На охоту он ездит в последнее время в охотничье хо-

зяйство Арского района, места там очень красивые и богатые на добычу. А родился он в Верхнеуслонском районе Татарстана, и очень любит свои родные края. Кстати, фото с двойной радугой сделано именно в охотхозяйстве Верхнеуслонского района.

Дочери охотника Татьяна и Екатерина
г. Казань

Производим и реализуем

КАПКАНЫ КА-2

для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

ФОТОКОНКУРС

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»

проводит очередной фотоконкурс под девизом

«Охота и природа»

Подробная информация о фотоконкурсе – в № 1 за 2012 г.

В царстве полярной совы

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук,
Институт Наследия. Фото автора

Памяти исследователя полуострова
Канина
московского географа
Сергея Григорьевича Григорьева

Природа Севера небогата на краски. Тут преобладают зеленовато-коричневато-серые тона, хотя весной и летом низкие сырые места среди однообразного ландшафта украшает красочное разнотравье. Тундра словно оживает, когда цветут местные травы. Здесь и жёлтые поляны купальниц, и сине-фиолетовые кисточки синюх, и розовые россыпи «раковых шеек». Мшистые места и участки с глинистым дном вдоль берегов мелких озёр усеяны мелкими, приятно пахнущими цветками лютика Палласа. Немного порадует северная природа ещё лишь раз, под конец лета и осенью. Начинаются тёмные ночи и наступает пора забываемых зорь. Зацветает иван-чай, а после первых заморозков, прихватывающих начинающую желтеть и жухнуть растительность, краснеют листья морошки и княженики, золотисто-жёлтой или жёлто-коричневой становятся стебли и листья чемерицы.

Почти незаметны в тундре на её однообразном фоне звери и птицы. Можно часами в бинокль осматривать склоны холмов и низины, каменистые развалы и кустарник, торфяники, берега озёр и ложбины с ручьями в поисках какого-либо «цветного пятна», но так ничего и не заметить. Правда, иногда

вдруг повезёт, и среди скучного пейзажа возникает что-то нереальное, заметное не менее, чем за несколько сотен метров, а то и за километр, — ярко-белое пятно. Приглядишься, а пятно-то «живое», да ещё поворачивает голову из стороны в сторону. Это, безусловно, одно из незабываемых и ярких украшений тундровой природы — белая, или полярная, сова.

Полярная сова — самая крупная птица среди северных пернатых, но она очень осторожна и скрытна. Моё знакомство с ней состоялось ещё в студенческие годы, когда на Командорских островах я собирал материал для дипломной работы. На о. Беринга, проходя маршрутом по левому берегу р. Гаванской, на пологом склоне её обширной долины я заметил белое пятно. «Снег», — подумалось сначала, но уж непривычно небольшой снежничек, хотя снежники здесь — явление обычное даже летом, и встречаются они везде в низинах и на северных склонах. Подсознательно засомневавшись, прямоиком направился к «снежнику». Каково же было моё удивление, когда, не дойдя метров триста до него, «снежничек» внезапно расправил крылья, сделал несколько взмахов и, перелетев долину поперёк, оказался на противоположном её склоне. Сомнений не было, это — полярная сова, о которой я уже много читал, но в «живую» пока не видел. И вот, случай представился.

Эта первая в моей жизни сова нема-

Полярная сова — сама степенность и важность

ло погоняла меня по чавкающей командорской тундре с её осочниками, болотинами и окошками воды. Ведь осторожная птица давала возможность подойти к ней всего на 300—350 м, а затем взмывала в воздух и, сделав несколько плавных махов крыльями, удалялась снова на километр-полтора, словно затевала со мной игру «а ну-ка, догони». Иногда казалось, вот-вот, ещё немного и можно даже будет «погла-

Панорама Канинской тундры

Просторная межгорная котловина в Приполярном Урале. В этой долине реки совы держатся постоянно. Тут им есть чем поживиться — встречаются и мыши, и лемминги, и множество птиц

дить» красивую птицу, но всё повторялось сначала. Но в конце концов мне удалось сделать несколько снимков. Дальнейшее знакомство с полярной совой продолжилось уже на Русском Севере.

Белая сова — типичный житель тундровой области Северного полушария. По островам ледовитых морей она распространяется далеко в Арктику, встречаясь и на полярных архипелагах, где держится у колоний морских птиц, птичьих базаров, хищничая и нападая на птенцов. Это я наблюдал и на Новой Земле, и на Земле Франца-Иосифа, причём в последнем случае всего лишь в каких-то 10° не достигая Северного полюса. Вот ведь какая птица, настоящая полярная жительница, недаром же её так окрестили. Считается, что белая сова обычна на гнездовьях севернее 70° широты, но залетает и в Скандинавию, в Прибалтику, Польшу, другие страны Европы. Проехав не одну тысячу километров по Русскому Северу, побывав на Ямале и в Якутии, на Чукотке и Командорских островах, могу заметить, что везде эта птица была редкой, наблюдать её удавалось всего по несколько раз за полевой сезон. Это, кстати, подчёркивает большинство путешественников.

Но есть у нас в тундровой зоне одна обширная территория, где белая сова обычна. Это — полуостров Канин. Тут её так много, что я бы без преувеличения назвал канинские тундры настоящим царством полярной совы. Не каждому путешественнику посчастливилось побывать тут; я был на Канине всего два раза, но могу с полным основанием присоединиться к утверждению, что эта территория — действительно царство белой совы. Этот мир полярной совы открыл в 1900—1920-х гг. географ из Московского университета С.Г. Григорьев, который шесть раз принимал участие в путешествиях по полуострову Канину и имел возможность наблюдать за белыми совами в самых разных ситуациях.

Что же это за место на географичес-

кой карте, где находится царство полярной совы? Полуостров Канин — самый «глухой» угол на Русском Севере. Напоминающий человеческую руку с «указующим» на северо-запад «перстом» — мысом Канин Нос (или как его называли в старину — Тонкой нос), он лежит по правому борту судна, направляющемуся через Горло Белого моря в Баренцево. Это — страна дождей, туманов и ненастных дней, где появление солнца для его редких жителей оленеводов-кочевников и потомков поморов, живущих в крошечных деревушках по устьям рыбных рек, — настоящий праздник. Как и столетие назад, Канин — одно из самых малопосещаемых мест на Севере, а потому всегда был и остаётся окутан тайнами и легендами.

Берега полуострова, сложенные пластами торфа, песка и глин, интенсивно разрушаются морским волнами. Эти рыхлые породы пронизаны подземными жильными льдами, а летом, под влиянием солнца и морских волн, они теряют свою плотность и обрушиваются в океан. Поэтому тут везде видны следы свежих обвалов, а куски торфа плавают на волнах. Обвалившаяся в море глина быстро размывается волнами и, перемешиваясь со старой травой и веточками кустарничков, образует «няшу» — своеобразные, жидкогелеобразной консистенции, отложения, заполняющие все неровности дна, часто и глубокие ямы. Скапливаясь в устьях рек и ручьёв, няша нередко представляет опасность для путешественников, караванов и пасущихся оленей, которые проваливаются в эти природные ловушки и гибнут в них.

Сразу от моря берега полуострова поднимаются уступами в несколько метров, образованными промёрзшими грунтами, а сверху они уже заняты тундрами. Средняя и северная части полуострова — это безбрежная, усеянная сырыми местами, болотами, низинами, озёрами, ровная, как стол, территория лишь кое-где оживляется невысокими сопками и торфяными бугра-

ми. На севере Канина, примерно по середине, проходит невысокая гряда из старых, разрушающихся скал: это наиболее высокое место на полуострове. Всё это царство сырости пересекают в разных направлениях небольшие реки и ручьи, образуя множество петель, меандров, излучин, словно гигантские змеи, извивающиеся на зелено-коричневом фоне тундры.

Лишь на юге Канина, откуда начинал свои путешествия С.Г. Григорьев, преобладает сухая тундра: «Значительную часть страны занимает криволезье (преимущественно берёзовое) разных типов, тогда как севернее долины Чижи-Чёши оно встречается только в устье Чижи, да и в Шемоховских сопках. Зато луга по долинам рек значительно пышнее и высокорослее, чем в средней и северной частях полуострова, особенно на обращённых к югу склонах, где такие растения как аконит, царь-зелье, чемерица, достигали такого же высокого и пышного роста, как и в средней России». По глубоким долинам крупных рек ещё встречаются высокостебельные заросли и небольшие группы лиственницы сибирской, еловых «криволезин» и ивы шерстистопобеговой, однако севернее истоков рек Чижи, Малой Неси и Малой Голубницы они исчезают. Тут обычны картины средней полосы России — луга с «пышными астрами и крестовниками и прибрежно-водная растительность с исполинского роста пушицей».

Но богат животный мир Канина. Море, омывающее его с трёх сторон, кормит множество птиц и песцов. Особенно разнообразно птичье население по берегам полуострова, и подобный факт поразил в своё время С.Г. Григорьева, который сразу подметил эту особенность прибрежной полосы полуострова; тут не «умолкая звенит «музыка моря», летают кулики-сороки, чайки, крачки, гагары». Крупные скопления промысловых птиц наблюдал Григорьев и в устьях канинских рек. Так, например, близ впадения в море Малой Голубницы «постоянно встречались

Лемминг — один из основных кормов полярной совы

Горное озеро в Приполярном Урале — характерный ландшафт для белой совы

гуси, утки, гагары, кулики, куропатки в таком количестве, как нигде в других, виденных мною, местах полуострова, так, как если бы устраивать где-нибудь на Канине тундровый заповедник, так это именно здесь».

Вот по таким канинским просторам с караванами оленеводов и кочевал Григорьев, которому буквально на каждом шагу встречались белые совы. Познакомимся с записями из его путевого дневника, посвящёнными встречам с этими северными птицами и наблюдениям за ними.

«В очень сырой, бугристой тундре Покровский (натуралист С.В. Покровский до экспедиций с С.Г. Григорьевым сопровождал Б.М. Житкова в маршрутах по Канину. — **Н. Вехов**) спугнул какую-то огромную, серую птицу, перелетевшую совсем недалеко. Оказалось, что это была молодая, уже начавшая летать полярная сова; подойти к ней на выстрел и убить её было совсем не трудно. Очевидно, их здесь был целый выводок, ибо не успел Покровский подобрать первого совёнка, как с соседней кочки слетел другой, которого он тоже застрелил, а через несколько минут Вараксин (житель города Мезени А.И. Вараксин — участник канинских экспедиций Григорьева. — **Н. Вехов**) по соседству, за могай (мога — небольшой торфяной бугор. — **Н. Вехов**), не без труда поймал живьём третьего. Все птицы были ещё в сером, «детском» наряде. Родителей поблизости не было видно, но когда мы поднялись на ближайшую мугу, то с неё в различных местах тундровой равнины были видны какие-то белые точки, и в бинокль было ясно распознать больших снежных сов. По-видимому, мы вступили в область, довольно густо заселённую леммингами, и вместе с тем, в царство белых сов. По крайней мере с этого дня и до Болванских сопков, где характер местности совершенно изменился, мы на каждом шагу встречали в ёре

(ёра, ерник — термин, употребляемый для обозначения зарослей карликовой берёзы, но иногда его применяют, отмечая вообще все подобные разрастания в тундре. — **Н. Вехов**) кучки помёта и норы леммингов и, вместе с тем, почти неотъемлемым элементом ландшафта были разбросанные то тут, то там, обыкновенно далеко, в виде точек, неподвижные, как изваяния, фигуры белых сов». Теперь становится понятным разгадка столь высокой плотности белых сов на Канине. Видимо, в сырых тундрах Канина ежегодно образуется столько растительной пищи, что её запасы способны прокормить многочисленное население леммингов, а те, в свою очередь, обеспечивают выкармливание птенцов полярных сов, отчего и численность сов тут постоянно высокая. По крайней мере, иными причинами нельзя объяснить те сведения, какие приводит для совершенно разных по климатическим условиям годов С.Г. Григорьев, хотя в других районах ареала полярной совы из-за резких межгодовых колебаний численности леммингов птицы даже размножаются нерегулярно.

Немудрено, что при высоком обилии этих птиц «как только лагерь был устроен, Покровский с Ордынским (П.П. Ордынский — преподаватель географии одной из московских гимназий. — **Н. Вехов**) отправились на охоту за совами, а птенцы остались на нашем попечении. К ужину вернулись наши охотники, не убивши ни одной совы: необычайно сторожкие птицы держатся в самых недоступных местах, и вокруг тех мог, где они располагаются так топло, что подкрасться нет никакой возможности».

В тундре совы оказались, подобно нашим среднерусским сорокам, очень любопытными. «Ночью, пока мы спали, совы подлетали совсем близко к лагрю: Покровский, выходявший из палатки рано утром, видел их очень недале-

Полярная сова неплохо чувствует себя и в зоопарке

ко; однако, с первым пробуждением лагеря, сторожкие птицы опять удалились на почтительное расстояние».

Обилие белых сов в канинской тундре просто поражаало воображение путешественников, даже северянина А.И. Вараксина. «Здесь же на равнине, в середине четвёртого часа мы издали увидели на одной из мог какой-то чёрный предмет. Это был гурий, путеводный знак, сложенный из торфа, более метра в высоту, плосковершинный. Равнинность местности была столь велика, что даже такое ничтожное поднятие открывало глазу широкий кругозор. С вершины гурия видна тундра с Кийскими сопками на юго-западе и с совами, разбросанными по тундре, как белые камни. Тундра имела обычный вид; из ёры постоянно поднимались куропатки; на могах появились в значительном количестве белые совы. По тундре бе-

Птенец полярной совы похож на «гадкого утенка», но скоро он превратится в красивую белую птицу

Снежная пара

лыми точками разбросаны совы; без меня Покровский подкрался к одной из них и стрелял в неё на довольно близком расстоянии, и попал, но безуспешно: дробь не могла пробить её толстого пухового «панциря», и сова благополучно улетела, потеряв лишь несколько перышек».

Добыть для научной коллекции казинских сов было на так-то просто. «Сегодня мы имели случай убедиться, сколь необычайно крепка на выстрел белая полярная сова. До сих пор почти все попытки застрелить взрослую сову были безрезультатными... Теперь на одном из поворотов мы заметили крупную белоснежную сову на крутом склоне сопочки, совсем близко от нас. Тотчас остановились, и Вараксин стал осторожно подкрадываться к спокойно сидящей птице. Зная крепость совы на выстрел, ружьё зарядили самой крупной дробью, какая была у нас в распоряжении, — той, которая обыкновенно употребляется для стрельбы по крупным хищным птицам. Сова подпустила Вараксина так близко, как ему хотелось; он выстрелил, и мы все видели, как заряд, попавший птице в грудь, отлетел от неё, как от стальной доски — так велика упругость её пухового панциря».

Хотя в природе белую сову мне удалось наблюдать почти ежегодно во время своих северных экспедиций, ни разу не удалось встретить её гнездо. Увы, гнезда этих сверхосторожных птиц не могли найти и другие путешественники, проехавшие по тундре не одну тысячу километров. Среди них, например, С.В. Керцелли, исколесивший в начале XX в. с оленеводами, казалось бы, всю Большеземельскую тундру, и тот был вынужден заключить: «Белых сов в Пай-Хое (северное продолжение Полярного Урала, один из самых крайних, северо-восточных районов Большеземельской тундры —

Н. Вехов) было множество, но, по-видимому, у каждой пары был свой определённый район. Обыкновенно видны были только самцы, самки же настолько тщательно прятались, что мне не пришлось ни разу найти гнезда совы. Самец очень храбр, и смело, по-соколиному, бросался на собаку, если она близко подходила к камню, на котором он сидел. Обычно самец подымался тогда широкой спиралью в высоту, описывая крутую дугу, бросался на собаку, ударял её на лету и опять подымался вверх».

Найти гнездо полярной совы посчастливилось известному русскому писателю, страстному путешественнику и охотнику И.С. Соколову-Микитову во время посещения Лапландского заповедника на Кольском полуострове. Этому неординарному событию он даже посвятил свой рассказ «Гнездо совы», заодно познакомив читателей с подробностями «совиной» жизни. «В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног. Хорошо видна круглая голова, раскрытые широкие крылья сливаются с белизною снегов.

В устланном пухом гнезде я увидел два насиженных яйца. Несмотря на мороз, яйца были теплые, в них наклеивались птенцы. Эта замечательная птица очень рано начинает откладывать яйца. Самое удивительное, что даже в сильные морозы охраняемые родителями насиженные яйца не застывают.

Нередко в гнезде совы находят оперившихся птенцов и только что снесенные, еще не насиженные, яйца.

Полярные совы зимуют в тундре. В ночной темноте пролетают они над мерцающими в звездном свете снегами. Обычным кормом птиц являются полярные мыши-пеструшки, зимою живущие под снегом. Там, где водятся зайцы,

полярные совы беспощадно преследуют беспомощных зверьков.

Редкий заяц не побывал в когтях полярной совы. Старые зимовщики рассказывают о невероятном скоплении зайцев, по неизвестным причинам теперь почти исчезнувших на берегах озера. Зайцев, собиравшихся многочисленными стаями иногда под самыми окнами зимовки, преследовали полярные совы. Они садились на крышу, точно грозные часовые, своею тяжестью не раз обрывали антенну. Чтобы избавиться от докучливых посетителей, зимовщики стреляли их беспощадно, но полярные совы всю зиму продолжали их беспокоить.

Весною и летом, как бы поделив на участки просторы тундры, полярные совы ведут уединенную сторожевую жизнь. На темном фоне тундры неподвижными белыми столбиками маячат их застывшие головастые фигуры.

Долгими часами в полнейшей неподвижности дежурит на своем наблюдательном посту сова. С непостижимым терпением ожидает она появления добычи. Удивительной остротой зрения обладают полярные совы. В ночной темноте и при дневном свете на большом расстоянии замечают они промелькнувшего в траве лемминга. Охотнику редко удается подойти близко к спокойно сидящей сове. В отличие от других птиц, населяющих тундру, необычайно осторожно ведет себя этот свирепый и зоркий хищник. Только при случайной встрече удается подстрелить огромную птицу, зимнее оперение которой кажется белее снега.

Выходя по ночам, мы слышим странное гуканье, доносящееся с каменных россыпей и останцов. Так переключаются над тундрой полярные совы, вместе с другими птицами переживающие пору любви. Сказочными кажутся в тишине солнечной ночи голоса невидимых, таинственных птиц».

Поздняя осень на Приполярном Урале — куропатка уже надела белый наряд

Соседка полярной совы — полярная крачка на гнезде с птенцом

Прекрасная островитянка

Ольга ВОЛКОВА

Поденко ибисенко — собака невероятной красоты. Высокая (кобель в холке может достигать сантиметров семидесяти) и изящная — при таком небольшом росте поденко весит чуть больше двадцати килограммов; рыжая или бело-рыжая, или белая, или красная; с янтарными глазами, с большими треугольными ушами, с узкой, острой мордой, сухая, крепкая и очень элегантная поденко ибисенко грациозна, как балерина, и совершенна настолько, что дух захватывает.

Собаки этой породы бывают короткошерстными и жесткошерстными. Причем последние, выглядящие чуть взлохмаченными, кажутся несколько менее элегантными, чем их гладкие соплеменники. Однако даже их трудно назвать пушистыми и как следует утепленными, ведь шерсть этих собак существует вовсе не для согревания: родом поденко из южных краев, и их предкам не приходилось думать о том, как защититься от морозов. Впрочем, их сухое телосложение (у собак этой породы практически нет жировой прослойки) не способствует терморегуляции, поэтому поденко не очень хорошо переносят не только холод, но и жару, правда, в холодную погоду их согревает движение. Эти собаки считаются прекрасными бегунами, ну, а прыгают они вообще чуть ли не лучше всех на свете: многие поденко ибисенко без труда и без разбега могут перепрыгнуть трехметровый барьер, а некоторые, особо одаренные, легко покоряют и четырехметровые препятствия. Причем так хорошо прыгать они умеют не только в высоту, но и в длину — словом, от такого скоростного, прыгучего и ловкого охотника может убежать разве что гепард. Хотя зачем же гепарду убежать? Ему гораздо проще было бы съесть такого вот худоща-

вого преследователя...

У этой породы есть много имен — она и поденгу-ивисенгу, и ивисский поденго, и балеарская гончая, и даже балеарская левретка, что довольно странно; ведь левретка — собачка маленькая, а поденко ибисенко далеко не миниатюрна. Однако из всех этих названий становится очевидным, что поденко ибисенко принято считать уроженкой испанских Балеарских островов, а если конкретнее, то острова Ибицы. Есть мнение, что много тысяч лет тому назад на Балеары предков этой собаки привезли не то карфагеняне, не то финикийцы, не то римляне. А сама поденко ибисенко — это наследница и даже, возможно, почти современница фараоновой собаки (на которую она очень похожа), прародительницы всех борзых, существующей больше пяти тысяч лет.

Ну, а потом эта элегантная собака стала распространяться по миру — и как-то так получилось, что в деле оформления поденко как породы поучаствовали еще и португальцы, так что теперь поденко ибисенко считается не только испанской, но еще и португальской собакой. Так вот с ней все сложно. Хотя на самом деле с ней все даже еще сложнее — потому что не совсем понятно, гончая она или же все-таки борзая. Видимо, поденко ибисенко пребывает где-то на границе между этими двумя охотничьими собаками, хотя внешне она все же скорее борзая, больше уж элегантна и стройна, не то что крепенькие гончие псы.

Несмотря на свою древность, поденко ибисенко не самая массовая порода даже в Европе, но там про этих собак хотя бы знают. А вот у нас они вообще мало кому известны. Несмотря на то, что первые балеарские гончие попали к нам около двадцати лет на-

Ивисская борзая (поденко ибисенко)

зад, они так и не превратились в модную собачку, и на всю нашу страну мы с большим трудом наберем пару десятков представителей этой удивительной породы, так что желающим завести щенка поденко придется потрудиться. Впрочем, оно того стоит — мало того, что поденко ибисенко великолепен, так в наших условиях она еще и неповторима, так что у прогуливающего ее человека практически нет шансов наткнуться на кого-то с точно такой же собакой. А все прохожие непременно станут приставать с вопросом: «А что же это за собачка у вас такая?»

Сейчас большая часть балеарских гончих во всем мире с удовольствием ведет приятную жизнь собаки-компаньона. Однако до этого они посвятили охоте несколько тысячелетий — по большей части работали «грозой» кроликов и зайцев, поэтому столь древний охотничий инстинкт из них все еще не выветрился. Даже самая городская и изнеженная из поденко ибисенко в любой момент готова пулей сорваться с места и пуститься в погоню, например, за вороной, справедливо считая, что на безрыбье и рак рыба. Словом, в городе ее лучше с поводка не спускать — удерет и, как многие истинно охотничьи собаки, сочтет для себя неприемлемым вернуться к хозяевам без добычи. Поденко, попавшая в лес, скорее всего постарается порадовать своих хозяев, постоянно принося им мышек, землероек или кого она еще сумеет поймать. Причем не исключено, что это будет загулявшая соседская

кошка, но что же с этими инстинктами поделаешь?

К тому же поденко, обладающая великолепным нюхом, просто не способна устоять перед неотразимым ароматом помоек — как это свойственно многим охотничьим собакам, она постарается не отказать себе в удовольствии отведать кусочек какой-нибудь тухлятины, и это еще одна причина, чтобы в городе не спускать эту собаку со сворки.

Поденко на улице и поденко дома — это совершенно разные собаки. Гуляющая поденко бдительна, собранна, прислушивается к каждому шороху, ко всему принохивается и готова в любой момент к преследованию возможной добычи. Домашняя поденко — это спокойная, сдержанная и уравновешенная собака, не стремящаяся постоянно сидеть у хозяина на руках, не назойливая и не выпрашивающая ласку — ласку она, конечно, любит, но навязываться никому не намерена.

Впрочем, легкое тщеславие не чуждо и некоторым из этих гордых и независимых собак. Многие из них обожают, когда их хвалят даже совершенно посторонние люди. Прохожие восторгаются: «Ах, какая красавица!», а красавица старается показаться им в наиболее выгодном ракурсе, да еще и начинает закатывать глазки, сразу ставшие несколько томными. Все-таки каждому нравится, когда им восхищаются — и ничего, что это восхищение длится уже тысячи лет, все равно приятно.

В принципе поденко может и укунить — в экстремальной ситуации, если ей, например, покажется, что злодеи собираются покуситься на ее щенков. Но все же такая агрессивность скорее исключение: в обычной жизни поденко ибисенко — собака доброжелательная, спокойная и компанейская. С другими собаками она старается дружить, со своей, знакомой кошкой вполне может есть из одной миски, с детьми она терпелива и снисходительна, а в быту скромна и нетребовательна. Аппетит у нее не слишком бурный — нет, поденко не стремится сохранить свою модельную грацию, придерживаясь особо строгой диеты, просто эти собаки понимают, сколько им надо съесть, чтобы не растолстеть, вот они и не толстеют.

Что касается ухода — то о нем и говорить не приходится: изредка расчесать поденку жесткой щеткой, вот и все заботы. Правда, надо помнить, что из-за невероятной прыгучести этих собак у них довольно часто случаются травмы лап, так что не надо провоцировать балерскую гончую на исполнение совсем уж невероятных прыжков — она охотно прыгнет, а закончиться все это может вывихом или переломом. Особенно надо беречь ножки у щенков — в юности поденко ибисенко больше всего смахивает на жирафа и представляет собой клубок длинных тонких лапок, что в сочетании со щенячьей неуклюжей резвостью может привести к печальным результатам.

Собака манная

Работал я лет десять назад дежурным электромехаником на радиорелейной станции, которые повсеместно в народе именуют телевышками. Поломки аппаратуры и другие нештатные ситуации случались, но не часто. Эх, и писалось же мне тогда! А, что? Времени предостаточно и не мешает никто. Жила у нас веселая рыжая собачонка Дуська — помесь шотландской овчарки и кого-то еще. Была она смысленной и общительной, службу свою несла исправно.

Однако весна. Охота весенняя десять дней всего. А от станции лес метрах в пятистах. Ну, и как тут сидеть? Тем более, что обеденный перерыв не оплачивается, а сижу я на работе безвылазно. Вот и стал я по вечерам якобы за водой съездить, отпрашиваться. Вечером выгнал машину за ворота, а Дуська тут же крутится.

— Ну-ка, место! Пошла домой! — а она уши прижимает, хвостом крутит и ни в какую. Зачем мне на вальдшнепиной тяге ярко-рыжая собака? Вернулся, надел ошейник и привязал ее к будке. Что тут началось!

— Ничего — поорет и перестанет, — подумал я и тронулся в недалекий путь. Не успев отъехать и сотни метров, я заметил, как мимо промелькнула рыжая молния и пушистый хвост замаячил прямо перед капотом.

— Вот, зараза! Ошейник сняла! Прячу машину за ближайшими деревьями и спешу к полянке заветной. С одной стороны к полянке болото лесное примыкает. Летом оно пересыхает, а сейчас даже кусты прибрежные залиты. А где вода, там и утки. Вот и теперь чирят стайка в дальние кусты спряталась и пара широконосок поднялась. Ну, да утки меня сегодня мало интересуют — пару вальдшнепов бы взять — вот дело было бы. Ладно, не пару — одного. Да пусть и не взять — увидеть. Или уж услышать и то здорово! От болота метрах в тридцати сосенка в мой рост. Вот за ней и спрячемся. А Дуська тем временем утками заинтересовалась. Предки любой собаки когда-то охотниками были. Вот и наша. Уж казалось бы, и кормим от души, и на охотничью породу ни одной шерстинкой не тянет, а вот пойдй же ты!

К берегу подбежала, хвостом молотит, принохивается, чуть ли стойку не делает. А тем временем пара широконосок возвращается. Дали круг, как положено, и вдруг садятся прямо к моему берегу. Меня им за густой сосенкой не видно, а вот собака рыжая на самом виду! Дуська от такой наглости аж подпрыгнула, в воду бросилась — добычу ловить. Не тут-то было, разумеется, утки

быстрее собаки плавают, но Дуська-то об этом не знает! Я уверен, что она вообще утку первый раз в жизни видит, но охотничий инстинкт проснулся в ней не на шутку. Погонялась она за ними и на берег вылезла. Отряхнуться не успела, а широконоски опять к нашему берегу. Да как! Крыльями по воде хлопают, шею в собачью сторону вытягивают — ну, расклюют сейчас! Сучонка моя опять в воду — они в разные стороны, но метрах в трех от носа собачьего. Она на сушу, а тут вообще чудеса: из кустов стая чирят поднимается и тоже к нашему берегу.

Я стою с раскрытым ртом — в жизни такого не видывал! Собралось от меня на верный выстрел уток разных штук тридцать. Стрелять я их не собирался — по стаям вообще стрелять неприлично, а уж весной-то и вовсе грех. Весной с уткой манной, подсадной то бишь, на селезней охотиться положено.

— Так у меня Дуська вместо утки манной работает, — мыслишки появились, — нет, вот если бы селезень кряковый — дело другое, а так — несерьезно по мелочи всякой палить.

Это я думаю так, а сам за предствлением во все глаза смотрю. Собака моя обезумела совсем, — утки дразнят ее явно, но и она себя ведет интересно — то в воду кинется, то на берег выскочит, на спину упадет и лапами в воздухе молотит! Как она трюки свои начинает выделывать, утки чуть ли не на берег вокруг нее выскакивают. Тут уж я и призадумался, а может это она их дразнит? А потом совсем, как в сказке (заказывали — получите!) — селезень кряковый, расписной весь, под наш берег планирует и к собаке плывет.

Тут уж и я не выдержал, чего уж там, — охота открыта, путевка в кармане, а селезень — вот он! Подождал пока он чуть в сторону отплывет от остальной публики, да и шарханул «шестерочкой». Утки, понятно, врассыпную, а крякаш голову зеленую в воду уронил.

— Вот это дело! Однако как же я доставать-то его буду? Болото веде, я знаю, глубокое. А Дуська уже в воде, цап его и к берегу рулит!

— Дай, Дуська, дай! Ай, молодец! — отдала ведь! Прямо сеттер ирландский! Скачет вокруг меня — радуется. И то верно — ловко сработали!

Кто бы эту историю мне рассказывал — в жизни не поверил бы.

Кстати сказать, через некоторое время чирят она опять подманила. Широконоски, правда, поумнее оказались. Только я их все равно трогать больше не стал — вальдшнепом занялся. И ведь взял парочку.

Владислав ШАТИЛОВ

Замеры параметров стволов ружья

А. АЗАРОВ

Современное охотничье ружьё — сложный механизм. В нём воплощены лучшие идеи оружейников всех времён. Современные стали и материалы, технология позволяют наиболее полно реализовать замыслы конструкторов-оружейников.

Желательно, чтобы хозяин ружья — охотник, спортсмен хорошо знал особенности своего ружья, его параметры, бой. Тогда охота, стрельба из него будут доставлять ему удовольствие. Со временем появится и чувство привязанности. Ружьё особая вещь. С любимым ружьём беспричинно не расстаются, даже если оно уже далеко не новое. Есть много примеров, когда ружьё переходило по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Д. Хантер — знаменитый охотник, говорил, что достать дробовое ружьё Перде из футляра было для него праздником. Оно напоминало ему о счастливых днях беззаботной юности...

Но на практике не многие охотники пытаются глубже познать своё ружьё. Самое большое, что они знают, так это его вес, калибр, диаметры дульных сужений, концентричны ли кольца канала ствола.

Сложность заключается в том, что для полного изучения ружья необходимо располагать большим набором инструментов, приборов, приспособлений. Но и в домашней обстановке при желании кое-что об особенностях своего ружья можно узнать. Например, легко узнать общий вес ружья. Надо просто взвесить его на каких-либо весах. Для чего нам надо знать вес ружья? Прежде всего, чтобы знать тяжёлое оно или лёгкое. Не торопитесь улыбаться! Если его вес более 3,3 кг — значит и снаряд дробы можно брать побольше. Отдача будет в норме. Формула подбора дробового снаряда известна: вес ружья надо разделить на 100 (для 16 калибра) и на 96 для 12 калибра. Допустим, вес ружья 12 калибра равен 3,6 кг. Разделим на 96, получим 37 г дробы в снаряде. А от веса дробового снаряда определяем массу пороха Сокол: $37:16,5$ получим 2,2 г.

Кроме того, желательно помнить, что вес ружья для ходовых охот должен быть в 25—22 раза меньше веса охотника. Необходимо знать и длину патронника. Если ружьё имеет паспорт, то там указана длина патронника. Иногда длина патронника указана в клеймах на муфтах стволов. А как опреде-

Ружьё с фальшгильзами

Фото автора

лить длину патронника, если этих данных нет? Кроме того, бывает и так, что реальная длина патронника расходится с данными в паспорте. Встречались ружья ИЖ 18, в паспорте которых указано 12 на 70, а на самом деле длина патронника 76 мм. При использовании патронов с длиной гильзы 70 мм возможен прорыв газов в снарядном входе и частичное ослабление боя (такое же явление не исключено и при использовании патронов с гильзой 70 мм в газоотводке МР153 с длиной патронника 76 или 89 мм. Проще всего определить длину патронника, если есть гильзы разной длины: 70 мм, 76 мм, 89 мм. Отсоединяем стволы и вставляем гильзу 76 мм. Если она без нажима не вошла в патронник, а выступает на 5 мм., значит предположительно патронник длиной 70 мм. Если же она свободно, без нажима вошла в патронник — значит, патронник длиной 76 или даже 89 мм.

Такие проверочные гильзы надо иметь в запасе. Можно изготовить проверочные гильзы из латунных новых гильз данного калибра, укоротив или нарастив их по длине до 76 или 89 мм.

Не помешает проверить соответствие канала ствола применяемой гильзе. Для этого заливают серу с казённого среза ствола, дают остыть, выталкивают слепок и подгоняют гильзу под слепок. Слепок должен включать сам патронник, снарядный вход и миллиметров 30 канала ствола. Затем проверяем, подходит ли гильза под данный канал ствола. Если слепок с канала не входит в гильзу, значит, внутренний диаметр гильзы мал. Если входит с зазором более 0,15 мм — значит, внутренний диаметр гильзы слишком велик. В общем, зазор желательно не более 0,1 мм.

Длину стволов легко измерить обыкновенным портняжным сантиметром. Если она в пределах 600—660 мм, можно предположить, что ружьё предназ-

начается для охоты и стрельбы на близкое и среднее расстояние. Хотя это предположение, конечно, весьма условно. При быстрогорящем порохе и соответствующем снаряжении патрона можно добиться и боя на приличную дистанцию. Если длина стволов 710—750 мм, значит, стрельба предполагается на более дальние дистанции (хотя очень многое зависит от дульного сужения и применяемого патрона). Стволы 460 мм — стрельба «вблизи». При очень коротких стволах встанет проблема полного сгорания пороха, чтобы большое дульное давление не разбрасывало дробь. Чтобы избежать этого, надо подбирать хорошо обтюрирующие пыжи, делать более крепкую закрутку и т.д. Да и сам порох должен быть быстрогорящим. Для большинства современных порохов оптимальная длина стволов колеблется от 35 до 40 калибров. Пример: для 12 калибра при диаметре канала ствола 18,5 мм длина ствола находится в пределах от 650 до 740 мм.

Надо измерить и диаметр канала ствола. Как это сделать? Замеры отливок из парафина дают погрешность вследствие усадки при остывании. Да и измерить парафиновую отливку не просто. Проще всего измерять любые внутренние диаметры следующим способом. Надо взять свинцовую пулю с поясками типа Штеденбаха, Майера, пассатижами легко можно сузить по кругу один из поясков, увеличив его диаметр, а затем осторожно шомполом протолкнуть её в стволе на нужную длину. Пуля должна проходить пульный вход с натягом. После чего пулю вытолкнуть на пороховой коврик и измерить диаметр смятого пояса штангенциркулем или микрометром. Эту операцию для точности эксперимента надо повторить несколько раз. Ещё проще измерить диаметр канала ствола — с помощью специальных калибров. Ими можно измерить диаметр канала на любом расстоянии от казны. А учитывая, что канал ствола имеет не-

большой конус — принято его замерять в 220 мм от казны.

Таким же образом (пулей) замеряем диаметры дульных сужений. Теперь пулю проталкиваем на уровень дульного среза и замеряем диаметр контрольного пояса пули прежним образом. Замеры диаметров дульных сужений нам особенно важны для подбора свинцовых пуль. Чтобы добиться хорошего боя пульей, очень важно, чтобы она шла по стволу соосно каналу ствола. Если ось пули не будет совпадать с осью канала ствола — хорошего боя пульей не добиться. На практике надо подобрать такую пулю, чтобы её диаметр по рёбрам был равен диаметру канала ствола в 220 мм от казённого среза ствола. Диаметр тела пули должен быть на 0,5 мм меньше диаметра дульного сужения. Например, если диаметр дульного сужения равен 17,57 мм, значит, диаметр тела пули должен быть 17,07 мм. Если диаметр канала ствола в 220 мм от казённого среза равен 18,57 мм, значит, и диаметр пули по поясам-рёбрам должен быть таким же. Данный замер пригодится и при подборе контейнера для дробы по диаметру. Дело в том, что манжеты обтюлятора контейнера начинают работать только после создания в канале ствола определённого давления. Если диаметр обтюлятора занижен, а манжеты не эластичны, некоторой глубины прорыва газов в начальный момент выстрела избежать не удастся. Отсюда и потеря энергии газов для толкания снаряда, а значит и слабее бой.

Очень важен ещё один размер. Это общая длина дульного сужения. Замеряют её следующим образом. Прогоняют ту же экспериментальную пулю по стволу шомполом энергичным одним движением до её остановки перед началом дульного сужения. После чего штангенциркулем замеряют расстояние от пули до обреза ствола. Хорошо, если это расстояние равно примерно 35—37 мм. Скорее всего это будет означать: само сужение примерно 25 мм и суженная часть — примерно 10 мм. Для охоты это наилучший вариант. При такой длине сужения скорее всего будет равномерная осыпь (сгущение будет небольшим). Легче будет бить влёт. К тому же наверняка бой крупной дробью будет хорошим.

Если же длина дульного сужения окажется равной 20 мм (10 мм сам переход и 10 мм суженная часть) — это будет означать, что само сужение короче. Более прогрессивное. При выстреле будет большее торможение дробового столбика, кучность будет больше, но и сгущение окажется большим. Боковыми дробинками снопа возможен обнос цели. Наилучший бой будет мелкими номерами дробы. Скорее всего добиться хорошего боя крупной дробью будет труднее. Но окончательно только тщательная пристрелка всё покажет. Неплохо знать и конусность в целом. Дело в том, что канал ствола не идеальный цилиндр. Замеряем канал ствола в 220 мм от казны, а потом перед дульным сужением примерно в 70 мм от

дульного среза. Вычитаем разницу диаметров и узнаём конусность ствола. Допустим диаметр канала у казённого среза равен 18,57 мм, а у дульного среза 18,45 мм. Конусность равна 0,12 мм. Это хорошо. Конусность канала нивелирует расхождения в допусках обтюраторов, пыжей-контейнеров, «заставляя» их работать хорошо. С помощью калибров замеряем так: сначала подбираем калибр с максимальным диаметром, входящий со стороны казённого среза, а затем поочередно подбираем калибры до самого сужения. Вычитанием определяем конусность канала.

Подбор пули к каналу ствола мы рассмотрели. Подбор диаметров крупной дробы и картечи можно сделать тремя способами. Первый — по таблицам из журнала «Охота и охотничье хозяйство» № 8, 1986 года. Например, при диаметре дульного среза 17,2 мм согласованной будет дробь №№ 0, 1, 2, 3, 6.

Можно и практически путём. Протолкнуть плотный войлочный пыж в дульное сужение. Оставить глубину на один диаметр подбираемой картечи. Перевернуть стволы вверх дульным срезом и вложить на пыж один слой картечи (крупной дробы). Подобрать такой диаметр, чтобы между картечами не было большого зазора и чтобы ни одна из них не выпирала. При применении пыжей-контейнеров ослабляется роль такого согласования. Хотя при отработке гусиного патрона с №№ дробы 0 и 1 лучший бой у меня показали патроны без контейнера, а просто пересыпанные крахмалом. Возможен подбор дробы к дульному сужению и по формуле.

В целом стоит всё-таки иметь в виду, что согласовывать надо не только с диаметром дульного сужения, а и со всем каналом ствола, что не так просто. Но есть и другие способы подбора согласованной дробы. Например, диаметр дульного сужения делят на диаметр дробины. Считают, что дробь согласована, если при делении получается целое число или расхождение не более 0,15 мм.

Очень может пригодиться на охоте, знаете ли Вы насколько строгий у вашего ружья патронник. Можно и его диаметр замерить выше перечисленными методами. Можно и проще: попробовать вставлять стреляющие гильзы из ружей Ваших товарищей. К примеру, из ружья № 1 гильза свободно входит в патронники ружей № 2, 3, 4. А из ружья № 4 входит в патронник ружья № 3, еле-еле входит в патронник ружья № 2 и совсем не входит в патронник ружья № 1. Это значит, что патронник ружья № 4 свободный, а у ружья № 1 — строгий. Значит, на охоте с дальним выездом владельцу ружья № 1 надо рассчитывать только на свои патроны или на патроны своих товарищей, но только с новыми гильзами, так как головки пластмассовых и бумажных гильз примут формы увеличенных патронников (остаточную деформацию). В большей степени это относится к латунным гильзам...

Как правило, при выборе или оценке ружья качество сверловки и обработки гладкого ствола смотрят в первую очередь. После пайки стволов концентричность колец часто нарушается. Хорошо, что небольшая поводка зачастую не мешает бою ружья дробью. Более точно качество канала определяют по теневым треугольникам. Для этого следует установить торец казённого среза в 5—7 см от глаза и поднимая конец ствола со стороны дульного среза на границу света и тени (окна и переплёта рамы) увидим тень на нижней поверхности канала ствола (в форме треугольника). Высота треугольника будет примерно равна половине длины ствола. Зафиксировав в зрительной памяти наклон и прямизну сторон треугольника, повернём ствол на 180 градусов и сравним первую тень со второй. Затем повернём ствол на 90 градусов от второй тени и сравним эту третью тень с первой. Повернём ствол на 180 градусов от третьей тени и сравним эту четвёртую тень с третьей. Чтобы определить прямизну всего ствола подобный осмотр надо сделать и со стороны дульного среза (всего 8 осмотров). Самое плохое, если треугольники будут не равнобедренными, стороны его не прямолинейными, а иметь изгибы, «разводы», прерывистость. Хорошего боя здесь вряд ли придётся ожидать. Трудно будет подбирать снаряды и заряды, пытаясь этим снизить роль плохой сверловки.

Валоватость ствола — качество наружной обработки ствола. Увидеть её можно направив взгляд вдоль поверхности ствола. Эта обработка в какой-то мере покажет правильность геометрии ствола. Чем меньше валоватость, тем меньше разностенность ствола по всей его длине. Дело в том, что при выстреле стенки канала расширяются по мере прохождения снаряда примерно на 0,1 мм. И нам важно, чтобы эта стенка имела толщину, соответствующую давлению в этом месте. Иначе при прохождении снаряда стенка ствола будет расширяться на разные величины, что будет приводить к прорыву газов и излишнему трению снаряда о стенки... Бой при этом будет ухудшаться, станет непредсказуемым, с «темпераментом».

Замерить сходимость стволов у двуствольных ружей довольно сложно, поэтому легче запомнить такие данные: угол схождения стволов у вертикалок примерно 20 минут, длина сходимости стволов от 3,26 до 3,66 метров. У горизонталок: угол — 40 минут, длина — 2,59 метра. Ведь были же случаи, когда посмотрев в канал правого ствола горизонталки на чёрную метку-яблочко в 35 метрах владелец обнаруживал, что ствол «спаян неправильно», т.к. смотрит левее цели на несколько сантиметров. Соответственно левый ствол направлен правее цели? Но дело в том, что при выстреле ружьё отдачи частично успевает сместиться ещё до вылета снаряда из канала ствола, и ствол будет направлен как раз в цель. Так что не надо писать на заводскую рекламу...

Знаменитые ружья

БИТТНЕР

Юрий МАСЛОВ

В № 12 за 2010 год мы рассказали об изделиях популярной в своё время пражской фирмы J. Nowotny. Другой крупной, и не менее популярной, чешской оружейной фабрикой считалось семейное заведение Густава Биттнера из небольшого городка Вейперта.

Фабрикант

Густав Биттнер-старший (илл. 1) происходил из династии потомственных ружейных мастеров, известной с XVII столетия. Имеются данные, что Ганс Биттнер в 1637 году во время тридцатилетней войны построил в Вейперте кузнечный молот для изготовления стволов. Очевидно, Густаву Биттнеру он приходился прадедом.

Свою фабрику Густав-старший учредил, совместно с братом Раймундом и другим вейпертским оружейником Венцелем Фюкертом, в 1860 году. Правда, официальное название "Bruder Bittner" заведение получило только 7 февраля 1885 г. На долю Г. Биттнера приходилась основная часть уставного капитала, поэтому фактическим владельцем фабрики выступал именно он. Предприятие и семейный дом были построены в 1876 году и располагались по соседству. Фабрика представляла собой двухэтажное производственное здание с полуподвальными помещениями, а жилой дом — скромное двухэтажное строение (илл. 2 и 3).

Чешский оружейник Владимир Долинек приводит данные, что в начале XX столетия на фабрике Биттнера ежегодно изготавливалось порядка 650 охотничьих ружей. По современным меркам производительность сравнительно небольшая, тем не менее качество продукции находилось на высоком

уровне (см. илл. 4, 4а). Дошедший до наших дней иллюстрированный прейскурант фабрики (см. илл.) позволяет не только оценить размах производства, но и уточнить модельный ряд ружей, выпускавшихся при жизни основателя — 32 базовых образца с гладкими, нарезными и комбинированными стволами, соединёнными в горизонтальной и вертикальной плоскости. На заказ каждый из образцов мог быть исполнен в нескольких вариантах отделки и гравировки.

В 1900 г. Г. Биттнер попытался объединить усилия разрозненных оружейных фабрик Вейперта, это могло привлечь в город государственные инвестиции для размещения военных заказов. Переговоры о создании консорциума поначалу шли довольно успешно, но в конце концов два крупных фабриканта — Густав Фюкерт и Венцель Моргенштерн — отказались от участия в проекте, сделав ставку на изготовление охотничьего оружия. Современные чешские историки полагают, что истинной причиной отказа послужило не столько отсутствие предпринимательской хватки, сколько личные качества их основного конкурента и его чересчур амбициозные планы.

После смерти ведущего оружейника Вейперта в 1908 году управление семейным заведением отошло к Густаву-младшему, Раймунду и Венцелю Биттнерам. Кем они приходились ос-

Илл. 1. Эмиль Густав Руперт Биттнер (1843–1908) — основатель одноимённой фирмы, предприниматель, изобретатель и оружейник

нователю — сыновьями или племянниками, установить не удалось.

Известно, что наряду с охотничьим оружием фабрика выпускала пистолеты, ствольные трубки и мелкие ружейные детали. Последние две категории комплектующих предназначались европейским мастерам-штучникам. Услугами фабрики из Вейперта пользовались такие известные производители высококлассного оружия как Йохан Шпрингер и Йохан Калецки из Вены, Ян Новотны в Праге, ферлахские штучники. Занималась фирма ремонтом и переделкой военного оружия по заказам правительства Австро-Венгрии.

Несколько слов о «домашнем» стиле

Уже с середины 1880-х годов в охотничий обиход повсеместно начал входить сильный бездымный порох, нередко рвавший старые дамасские стволы и чугунные колодки. Большинство производителей перешло на высококачественную конструкционную сталь, изменилась технология обработки. Стан-

Илл. 2. Так выглядела фабрика Г. Биттнера в 1890 году

Илл. 3. Корпус бывшей фабрики и жилой дом Г. Биттнера сегодня

Титульный лист прейскуранта оружейной фабрики GUSTAV BITTNER, изданного между 1907 и 1913 гг.

дартной конструкцией запираания двустольных ружей, выпускавшихся в Европе, был избран механизм, объединивший верхний рычаг и ось В. М. Скотта с нижней планкой Д. Пёрде. Третий запирающий узел обычно выполнялся в виде верхнего скрепления В.В. Гринера либо срединного выступа Д. Пёрде, заходившего в паз щитка коробки.

Чем должны были руководствоваться охотники при выборе ружья?

В конце XIX века оснащённость большинства европейских предприятий находилась на одном технологическом уровне, поэтому при выборе ружья уже невозможно было руководствоваться только качеством сборки, как прежде, в эпоху преимущественно ручной, кустарной, обработки. Теперь дробовики делали машинным способом, и главным

критерием выбора стал «домашний» стиль фабриканта, его торговая марка. Естественно, для успешного продвижения на рынке производители искали способы придания изделиям оригинальных, запоминающихся, форм.

Производители Вейперта концептуально базировались на разработках классической европейской оружейной школы, но прокладывая пути новой маркетинговой политики, пытались искать собственные, нестандартные решения.

В самом конце XIX века Густав Битнер приступает к выпуску очень интересного ружья. Его двустолка имела оригинальный тип замков и затворную систему с четырьмя подствольными крюками. Конструкция замка базировалась на механизме его земляка и основного конкурента — вейпертского оружейника Густава Фюкерт, о котором следует сказать особо.

Густав Фюкерт и его «коронное ружьё»

В 1882 году один из трёх ведущих фабрикантов Вейперта — Густав Фюкерт (Gustav Fукert, 1811—1900), учредивший фирму в 1830 году, запатентовал ружьё под коммерческим названием Kronen-Gewehr. Сейчас трудно сказать, чем было вызвано столь необычное название. Вполне возможно, что первое ружьё такой конструкции предназначалось для высокопоставленной особы королевского двора. Не случайно же на стволах своих ружей Г. Фюкерт гравировал следующую надпись: Gustav Fукert Weipert König u. Kaiser Hof — und Kammerlieferant («Густав Фюкерт Вейперт — поставщик двора и апартаментов короля и императора»).

Словосочетание Kronen-Gewehr на русский язык можно перевести как «коронное ружьё», но отнюдь не «ко-

ролевское» — этим термином иногда пользуются при переводе англоязычной оружейной литературы, смешивая немецкое Kronen — «корона» с английским royal — «королевский». Отличительная особенность ружья — оригинальная конструкция ударно-спускового механизма, непохожая ни на одну из применявшихся оружейниками (илл. 6). Курки замков Густава Фюкерт располагались не на внешней стороне досок, как обычно, а на внутренней. Эти внутренние ударники могли взводиться автоматически, при открывании ружья, как у бескурковых, так и рукой, когда в этом возникала необходимость.

В чём же преимущества замка системы Г. Фюкерт?

Во-первых, курок механизма расположен в одной плоскости с бойком и осью ствола. У обычных же внешнекурковых ружей курок бьёт по бойку (а последний, соответственно, по капсюлю) под некоторым углом, что в некоторых случаях может стать причиной осечек.

Во-вторых, внутренний курок замка Г. Фюкерт является его же лодыгой, и лежит в одной плоскости с боевой пружиной. При такой конструкции отсутствует инерционный момент силы, приводящий к расшатыванию механизма.

В-третьих, скрытый за боковой доской курок никогда не потеряется, в то время как у обычных ружей типа ТОЗ-БМ, «Пипер-Баярд», «Зауэр» — модели II, Reiher и т.п. винт, крепящий наружный курок на квадрате оси лодыги, при трении об одежду часто отвинчивается и курок теряется.

Следует сказать и о единственном недостатке двустолок и тройников системы Kronen-Gewehr. Во время охоты в захламлённых угодьях, в дождь, снег и в других неблагоприятных условиях замки ружей Фюкерт подверже-

Илл. 4. Двустольное ружьё с коробчатыми замками, изготовленное в 1902 г. по заказу Торгового дома А. А. Биткова

Илл. 4а. Фабричный логотип на стволах этого ружья

ны гораздо более быстрому засорению и увлажнению, нежели традиционные курковки и бескурковки, из-за наличия рабочих зазоров между замочными досками и телом коробки.

В настоящее время дорогие гладкоствольки и штуцера с оригинальными ударными механизмами Густава Фюккерта изготавливают некоторые ферлахские мастера-штучники, в частности, Петер Хамбруш.

«Гениальное ружьё»

Но возвратимся к главному герою повествования. В 1896 году Густав Биттнер патентует охотничье двустольное ружьё под коммерческим названием Genial-Gewehr («Гениальное ружьё» — илл. 6). Для своего времени конструкция была действительно необычная, и во многом определила развитие оружейной техники на годы вперёд.

Как говорилось, затворная система ружья базировалась не на двух ствольных крюках, расположенных один за другим, а на четырёх широких, как бы обхватывающих единую подушку колодки с боков. Крюки запирались двумя боковыми планками, скользящими в пазах по обеим сторонам унитарной подушки (илл. 7).

Кстати, позже идеей Биттнера воспользовался немецкий изобретатель-оружейник Франц Егер (1876 — 1956). Он значительно упростил конструкцию его затворной системы, более известной под названием Simson-Jaeger Verschluss. Стволы ружья Егера вместо четырёх несли два широких параллельных крюка, опиравшихся на цапфы, а механизм запирания состоял только из верхнего скрепления Гринера. Патенты на затворную систему с двумя обхватывающими подушку колодки крюками и верхним узлом запираения Ф. Егер взял в 1906 году (DRP №176.578) и усовершенствовал её в 1910 году (DRP № 229. 521).

Схема ударного механизма в Genial-Gewehr не менее оригинальна, чем затворная система с её четырьмя

крюками. Устройство замка с внутренними ударниками со всеми плюсами, описанными выше, Биттнер явно позаимствовал у Густава Фюккерта, но при этом заметно его упростил. Механизм Биттнера (илл. 8) состоял всего из пяти деталей (вместо восьми у Фюккерта): несущего основания (доски), курка, шептала, боевой пружины и пружины шептала.

Ствольный материал

В русской охотничьей периодике начала XX столетия упоминается, что фабрика «Густав Биттнер» использовала разнообразный ствольный материал: дешёвые и дорогие сорта дамаска, сталь Коккерилль, Круппа, Компанунд-Кап. Затем фирма практически полностью перешла на бёлеровскую сталь. Около 1908 года фирма заключила контракт с металлургическим предприятием **Gebrüder Böhler & Co**, который к тому времени совершил гигантский прорыв в сталелитейном производстве.

Компания Gebruder Bohler & Co была основана в Вене в 1870 году братьями Альбертом и Эмилем Бёлер. В начале своей предпринимательской деятельности они закупили сталь у различных производителей и перепродавали её венским потребителям. Через два года после учреждения фирмы было открыто представительство в сердце чёрной металлургии Великобритании — Шеффилде. В 1894 году, после приобретения тигельного завода в Капфенберге в Штирии, братья из купцов сделались промышленниками. Модернизовав предприятие, они увеличили выплавку высокосортной стали, расширили ассортимент проката и деталей специального назначения.

В 1900 г. на предприятии была разработана революционная методика высокоскоростной плавки металла. Качество специальной конструкционной стали от компании «Братья Бёлер и Ко» было высоким, и многие производители оружия перешли на неё. Пос-

ле 1908 года на стволах ружей Биттнера можно обнаружить следующие торговые обозначения ствольного материала: **Spezial Bohler Stahl** и **Blitz Bohler Stahl**.

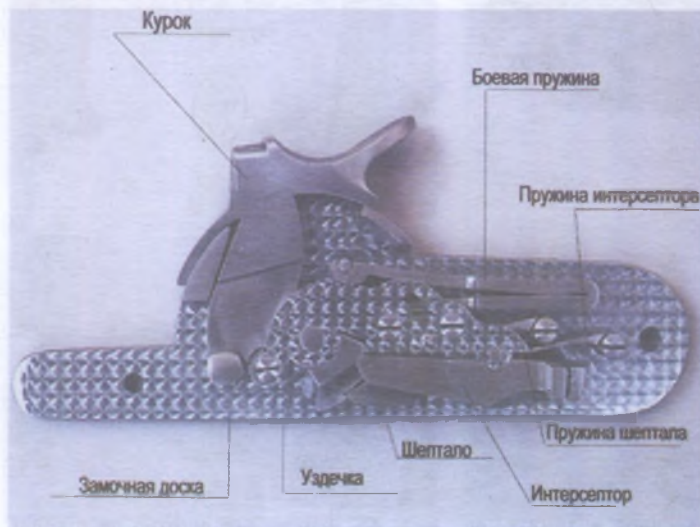
Металл под первым названием по механическим характеристикам идентичен «специальной ствольной стали Круппа» с маркой «три кольца», под вторым — крупповской стали Fluss-Stahl, которую получали тигельным способом до середины 1920-х годов. При одинаковых прочностных показателях основным аргументом в пользу бёлеровского ствольного материала была его более высокая стойкость к коррозии и лучшая обрабатываемость режущим инструментом. Термин «специальная» в названии **Spezial Bohler Stahl** указывает, что сталь эта конструкционная, термически упрочняемая и предназначена для изготовления гладких и нарезных стволов. Термин «блиц» («молния») в коммерческом названии **Blitz Bohler Stahl** иллюстрирует не эксплуатационные свойства металла, а лишь то, что он получен высокопроизводительным (быстрым, молниеносным) методом плавки.

Илл. 7. Подушка коробки ружья Genial-Gewehr с торговым клеймом фабрики

Илл. 8. Правая замочная доска ружья Genial-Gewehr

Илл. 5. Современный замок системы Густава Фюккерта

Илл. 6. Genial-Gewehr Густава Биттнера образца 1896 года

НОВАЯ ОПТИКА ОТ PILAD

В последние годы в России охота стала новомодным развлечением, хобби, способом провести досуг. Однако настоящая охота – это целая наука со своими тонкостями и премудростями, и познать ее «с кондачка» никому не удастся. И для того, чтобы стать настоящим охотником надо многому научиться, в том числе и тому, как правильно выбирать снаряжение. Выбор прицела к оружию в этом списке – на одной из первых позиций. При выборе прицела для кого-то бренд играет решающую роль, а для кого-то большее значение имеет то, чтобы оптика не подвела в ответственный момент. На охотников, которые ищут оптимального соотношения «цена-качество», ориентированы прицелы «Pilad» Вологодского оптико-механического завода.

Весь 2011 год ВМЗ радовал своих покупателей новинками. Ассортимент охотничьих прицелов значительно расширился.

Вниманию охотников представлена новая серия прицелов, выполненных в цельнометаллическом корпусе, обеспечивающем устойчивость в процессе эксплуатации.

Конструкция прицелов разработана с учетом возникающих при выстреле динамических нагрузок, возросших в связи с появлением

новых более мощных типов боеприпасов и оружия. Увеличенная длина посадочной части делает установку прицелов на оружие более удобной.

Модификации прицелов с индексом "L" оснащены подсветкой сетки красного цвета с регулируемой яркостью (9 уровней).

Красный блок подсветки расположен сверху на окулярной части прицела. Отсек для батареи находится под резьбовой крышкой, используется элемент питания CR 2032.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ P10X42F(L), P12x50F(L)

Прицел оснащен устройством перефокусировки объектива по дальности с целью устранения эффекта параллакса.

Уменьшена цена деления фиксированного перемещения механизма выверки до 1/12 т.д. для 10-ти кратного и 1/15 т.д. для 12-ти кратного прицелов. Прицелы разработаны для применения на пневматическом оружии.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ PILAD PV2-10X48(L)

Прицел переменной кратности, снабжен узлом смены увеличения кратности от 2 до 10. Благодаря многослойному просветляющему покрытию оптики прицел отличается повышенной светосилой. Прицел имеет уменьшенный «click» 1/12 тысячной дистанции.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ P6X42(L)

Прицел такой кратности может иметь достаточно широкий спектр применения: как на облавных и загонных охотах, так и при стрельбе с лабазов. Оптимальное соотношение яркости и контраста изображения обеспечивает удобство стрельбы в любых условиях. Цена деления фиксированного перемещения механизма выверки – 1/14 т.д.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ P1,2-6X24(L)

Оптический прицел переменной кратности. Малое увеличение 1,2 идеально подходит для загонной охоты на коротких дистанциях (кабан, олень); рекомендуется для большинства компактных нарезных ружей, в том числе для гладкоствольного оружия. По удобству применения прицел сравним с коллиматорным прицелом, при этом сохраняются все достоинства прицела с большой кратностью увеличения.

ОПТИЧЕСКИЙ ПРИЦЕЛ P4X32M(L)

Прицел P4x32M выполнен в цельнометаллическом корпусе. Увеличена длина посадочной части прицела, что позволяет подобрать оптимальный способ крепления, обеспечивающий необходимое расстояние от окуляра прицела до глаза стрелка. Улучшена цена деления фиксированного перемещения механизма выверки – 1/10 т.д. (1 см на каждые 100 м дистанции).

ОАО «ВОЛОГОДСКИЙ ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД» ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПРОДАЖУ ОПТИЧЕСКИХ ПРИЦЕЛОВ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ. ОФОРМИТЬ ЗАЯВКУ НА ПОКУПКУ МОЖНО НА ОФИЦИАЛЬНОМ САЙТЕ WWW.VOMZ.RU, А ТАКЖЕ С ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ COMMERCE@VOMZ.RU.

ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПРОДУКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ (8172)21-58-15.

ОАО "Вологодский оптико-механический завод" 16009, г. Вологда, ул. Мальцева, 54

Виталий ВОЛКОВ
Рисунки Валерия Симонова

ЛЮТЫЙ

День первый

Вся земля озарилась утренним светом. Грядущий декабрьский день вступил в свои права. Природа еще дремлет: не слышно ни голосов крылатых жителей леса, ни лесных шорохов. День за днем крепче утренники, мороз не охотнее боится утреннего солнца.

Я поднялся, подбросил дровишек, развел в печке огонь и поставил разогревать котелок с чаем и кастрюлю с супом из рябчиков.

Следом за мной пробудился и напарник.

— Однако ты вовремя загремел...

— Пора вставать да собираться в дорогу, — хриплым голосом пробасил Василий Крутов, вылезая из-под оленьей шкуры. Накинув дошку, вышел за дверь, оглядел округу.

В тайге хоронилось безветрие. Позавтракав, накинув на плечи котомки и оружие, мы разошлись по путикам.

Крутов двинул к перевалу по Золотому ключу. За ним увязался и мой пес Цыган. Он был очень азартный до белок и соболей, которых Василий Павлович отстреливал из «малопульки».

Ружье, с которым охотился Крутов, называлось «Белкой». Оно было изготовлено в 1956 году, ТОЗом, преимущественно для промысла белки. Оружие имело два ствола, расположенных вертикально. Нижний ствол малого калибра — 5,6 мм, верхний — 32-го калибра.

У меня, к сожалению, не было возможности промыслять «мелочь», так как снаряжен карабином, поэтому кобель-лайка и побегал за напарником. Мой пудик пролегал по притоку Алдыс, вливавшемуся в реку Бичи с левого бережья. Снег в это время еще неглубок, для ходьбы на лыжах его было маловато, поэтому ходили без них.

В первом капкане, что стоял под яром у привады, взял норку. Далее пудик таянулся вдоль речки. Этот отрезок пути был самым удачным и мне повезло вынуть из ловушек еще двух соболей и трех белок.

Осмотрев более половины своего путика, вышел на марь. Решил походить в надежде встретить оленей и поохотиться на них. Лицензии на отстрел оленя и одного сохатого у нас имелись, только не хватало времени заняться охотой на зверя пока расставляли самоловы.

Вскоре я наткнулся на свежие следы, копанину оленей и стал выслеживать их. Следы петляли: иногда уходили в глубь мари, возвращаясь в редколесье к реке, где ягеля больше, чем на самой мари. Наконец увидел самих животных у кромки леса и пошел в обход, чтобы приблизиться к ним на верный выстрел. Подкравшись к зверям с подветренной стороны, вышел из кустов. В это время у дерева с падающей тенью появились большой олень с царственной осанкой и два рога, очень спокойные. Выделив молодого быка, я выстрелил в него два раза — он упал замертво.

Освежав оленя, взял с собой грудину, печень, остальное мясо спрятал в кустах, накрыл шкурой и завалил ветками, от пернатых хищников.

Пока разделял рога, день перевалил за половину. Заторопился в обратный путь. К зимнику подошел с первыми сумерками. Кончался на горизонте минувший день. За горой угасало зарево заката.

На подходе к зимовью услышал потягивание Цыгана, пес издал почуял меня и подал голос. Я окликнул его, и он мигом примчался...

Василий тоже задался и вышел мне навстречу. По пузатой котомке он догадался о моих успехах и, вскинув руку, негромко выкрикнул:

— Прокопыч, с полем тебя!

— Спасибо! Олешку добыл, — оповестил я друга. Потом он помог мне снять тяжелую ношу, и мы вошли в избушку.

За ужином Василий Крутов поведал мне о своей небогатырской охоте и о нагрянувшем на наш участок свирепом голодном звере.

— Из-за хребта Лютый к нам пришел, — взволнованно рассказывал напарник. — Разорил все мои самоловы и порешил приваду. Мало того, сожрал попавших в ловушки трех белок и соболя.

Василий Павлович окрестил шатуна — Лютым, за его беспощадность ко всему.

Рассказ друга меня очень огорчил. Шатун в угодах охотников-промысловиков — это большая беда. Он теперь постоянно будет ходить по путикам, грабить приманку, разрушать ловушки, поедать попавших в самоловы зверьков и вообще все что попадется. Дальше больше, зверь вовсе обнагле-

ет и станет совершать набеги на избушки и лабазы. При отсутствии охотников он будет взламывать последние и уничтожать имеющиеся в них продукты. Недолго ему и засаду сделать вблизи жилья или на путике и внезапно наброситься на самого зверолова.

В тот долгий зимний вечер мы допоздна гоняли чай, курили, обдумывая с чего начать завтрашний день.

Добытого мною оленя надо было срочно вывезти пока шатун до него не добрался, да и базу без надзора оставлять нельзя. Оголодавший медведь мог прийти к зимовью по нашим свежим следам в любой час. Мы его ждали, оружие держали наготове. Однако мохнатый верзила, хоть и голоден, все же опасался двуногого существа, по следам Василия к зимовью не пошел. Видимо, решил приблизиться к стану глубокой ночью, с тыльной стороны.

Обойдя становище вокруг, Лютый вышел на реку. Спускаясь по реке, он наткнулся на мою свежую тропу, тянувшуюся к избушке. Какое-то время сидел на твердом снегу, обгрызая настывшие на лапах ледышки. Тут на него и пахло мясным варевом. Подергав носом, шатун направился к жилью.

Приблизившись ко двору на сто метров, остановился. Близость избы напомнила давний случай, когда он встретился с человеком, был ранен в переднюю правую ногу и стал калекой. А все из-за того, что задрал однажды возле избы зверолова охотничью собаку, которая была на привязи. Лютый тот случай не мог забыть. Он хорошо запомнил «огнедышащую кочергу» двуногого существа, извергавшую больно жальший, смертоносный металл. Поэтому не решился проникнуть на стан и произвести грабеж. Посидев неподалеку от зимовья, он направился по тропе в обратную сторону. Вскоре ступил на мой пудик и стал рушить настороженные прошедшим днем ловушки и капканы.

А тем временем, пока мы с напарником пили чай, обдумывали, как предотвратить разграбление центральной базы шатуном, как выследить и уничтожить коварного зверя, он подходил к разделанному рогаку.

Не дожидаясь Лютого, и не зная куда он направился, мы решили охранять стан.

С утра следующего дня один из нас, а именно Василий Павлович, останет-

ся на базе, с ним будет и лайка. Заодно он займется заготовкой дров. Я же, так как у меня карабин, пойду с нартой за оленьиной.

День второй

Близилось утро. Тьма медленно рассеивалась. Сумрак отступал в лощины. Скоро обозначился наш двор, ближний лес и уходящая к реке тропа.

Собравшись по-походному, я вышел во двор. Взял нарту и направился своим маршрутом по Алдысу. Отшагав от табора две сотни метров, увидел на своей тропе след медведя. Когда присмотрелся, обнаружил, что на его следе правой передней стопы нет «пальцев с когтями», значит шатун имел травму ноги.

У привады, где вчера взял норку, капканы были разбросаны. Снег изрыт до земли. Приманка съедена. Большой капкан на волка разбит. Не иначе, медведь угодил в него лапой да так саданул его об колоду, что тот разлетелся на части. И пошел дальше. Под елкой стояла кулемка, но ее не оказалось, только щепки по сторонам валялись. Возле третьей ловушки, где стоял капкан с очепом, на кусте для приманки висели сойки, но ни птиц, ни капкана не было... «Варвар, — выдохнул я. — Пулю просишь?» И про себя добавил: «Если догоню, всю «обойму» получишь, пять пуль в тебя влеплю». Привязав веревку с нартой к поясу и перекинув карабин из-за спины на грудь, заторопился по следам Лютото, уже не обращая внимания на разрушенные ловушки.

Шел час, другой, третий. Перекуривал на ходу. Был полдень. Солнце уже грело тайгу. Под его яркими лучами серебрились хвойные леса. Марь лежала в золотистой мгле. В синем куполе неба ютились редкие облака.

Вдруг до меня донесся крик «худой птицы». Остановился, прислушался, где-то кричал ворон. Через некоторое время крик повторился, но уже ближе. Осмотрев вершины деревьев, увидел впереди, на дальней лиственнице, два черных пятна. Присмотрелся в бинокль — вороны. Прикинул: как раз на моем добытом вчера трофее. «Проклятые дармоеды, — пробурчал в бороду. — Где ни положишь добытый трофей, везде найдут». Но тут же подумал: «Шатун их от мяса отпугнул да набивает утробу моей добычей».

Подошел к дереву, на котором сидели вороны, метров на сто, еще столько же оставалось до трофея. Но дальше путь преграждал густой высокий кустарник, пробираться сквозь который небезопасно. Видимости не было и я стал крадучись продвигаться вдоль стены зарослей, отыскивая просвет, чтобы хоть что-то увидеть.

Продвинувшись до места, где добыл оленя, прильнул к кустам. Прислушался и обомлел: за стеной плотного кустарника в двадцати метрах от меня сопел и жадно чавкал медведь, пожирая сложенную мной в кустарнике оле-

нину. Он так шумно трапезничал, что не услышал, как я подкрался. Время шло, надо было что-то предпринимать... Но что? Продвигаться вдоль стены злополучного кустарника дальше значит угодить в медвежьи лапы и стать его жертвой. Мне-то ведь его не видно, я только слышу, как он объедается. Решил потихоньку отползти назад, обойти заросли и с тылу открыть по нему огонь. Подкравшись со стороны речки, выглянул из-за бугра, оглядел местность. Однако Лютото на месте трапезы не оказалось. Видно, пока я обходил заросшим чащобником участок, шатун успел до горла набить свою утробу мясом и ушел неуловленным.

Подойдя к остаткам трофея, ужаснулся: из шести частей, на которые был разрублен олень, нетронутыми оказались только шеина, крестец, часть ребер. От ляжек и передних лопаток остались объединенные мосологи, кости он не грыз, объедал лишь мякоть, стало быть, торопился быстрее насытиться. От места поживы медведь ушел широкими шагами. Хотя он не видел меня, но чуял присутствие человека, поэтому торопливо исчез.

Я шел за ним по парным следам. Через некоторое время наткнулся на его отрыжку. Непережеванное мясо лежало на следу, исходя паром. Накушался, гадина. Сожрал, паразит, только чистого мяса более двадцати килограммов, вот и пошло через горло при быстрой ходьбе. Метров через триста он вырыгнул еще не менее двух килограммов. Тут я остановился, глянул в бинокль: в перелеске, в двухстах метрах, черной глыбой стоял медведь. Когда снял с плеча карабин, силуэт растворился. Зверюга прибавил шагу и скрылся из виду.

Чувствуя за собой погоню, Лютый продвигался по заросшим кустарниками местам. При плохой видимости мне приходилось обходить его след стороной, чтобы не напороться на засаду.

Достигнув подножья горы, прекратил бесполезную и опасную погоню. Без четвертого помощника следить коварного зверя по чащобнику, вслепую, равносильно тому, что вступать с ним в бой без оружия.

Вернувшись к месту своего трофея, я сложил на нарту остатки оленьины, разжег костер, вскипятил чай, поджарив на углях пару шашлыков, поел. Потом впрягся в нарту и зашагал к зимовью. Когда подходил к табору, вечерело, закат сгорал, уплывали в темень остроконечные вершины елей, лиственниц и мутные силуэты далеких гор.

Василий Павловича на таборе не застал. Возле избы лежала большая куча дров, заготовленных другом. В избушке было жарко. На печке стояла кастрюля с отварной оленьей грудкой, а на столе лежала горка свежих лепешек, накрытых полотенцем. Крутов незадолго до моего прихода ушел в лес в разведку. Вскоре он вернулся и сказал, что свежих следов Лютото вблизи стана не встретил.

За ужином я рассказал напарнику о

своих неудачах минувшего дня и о встрече с шатуном. Посоветовавшись, решили не ждать косолапого гостя в ближайшие сутки.

— Нажрался ведь до рыготины, а мясная пища скоро не уляжется, — вслух рассуждал я. — Теперь у него брюхо разболится и пока пробку «не выдавит» запором страдать будет.

— Ты, Виталий, вот что. Давай-ка завтра с утра оставайся на таборе, а я пойду правобережным путиком до палатки, — предложил мне Василий.

Я возразил:

— Зверю дороги и время не указаны и не лишним будет отложить твой поход, пока точно не определим место нахождения шатуна.

Однако Крутов стоял на своем. На этом мы и поставили точку.

День третий

Утром третьего дня Василий Павлович вышел с лайкой на путик, пролежавший по правому берегу реки до ключа Ветвистого. Там и переночует в палатке, на следующий день вернется левым берегом реки Бичи до базы.

К вечеру налетел холодный ветер, нарушив царивший покой, завыв волком в кронах деревьев, зашуршал поземкой по перелескам. Небо затянули темно-серые мрачные тучи, а в ночь забусил мелкий снепец.

Крутов к тому времени обошел весь путик и к палатке пришел засветло. Наготовил мелких дров, растопил печку, сходил на реку по воду и вскипятил чай. Затем он внес в палатку котомку, вынул из нее пять белок, которых добыл из-под собаки и принялся снимать с них «шубки».

Буржуйка гудела, было жарко. Василий поднял полы палатки, подозвал Цыгана и положил перед ним две беличьи тушки: «Кушай, друг! Без твоей помощи мне бы их не взять...»

В его котомке лежало еще несколько белок и два соболя. Эту добычу он снял в самолетах. Зверьки мерзлые, и прежде чем обдирать, их надо было разморозить. «Ладно, этих унесу в зимовье», — решил охотник. Вынес запеленую ношу с мерзлыми соболями за палатку. С улицы попутно занес охапку дров, несколько полешек бросил в топку и начал готовить из беличьих тушек жареху.

После ужина Василий Павлович почувствовал сильную усталость, ныли ноги, голова кружилась, появилось одно желание — лечь и уснуть. Он застегнул палатку, закрыл поддувало печи, не раздеваясь, лег поверх спального мешка и крепко уснул.

...Между тем, страдая от обжорства после сытной мясной трапезы, шатун залег в зарослях чапыжника и пролежал остаток дня и ночь. А поутру третьего дня, опорожнившись прямо там, где лежал, медведь покинул место ночевки и вышел на марь. Немного похолоднело, увидел вдали небольшой табун оленей и направился к ним. Однако на

белой пустынной мари Лютый маячил темной копной, и рога, не допустив его за версту, сорвались и скрылись из виду. Матерый хищник стал преследовать копытных. Но олени, завидев косолапого, уходили в глубь туманной мари. Намаявшись и проголодавшись, бурый вернулся к месту ночевки, где и пролежал до наступления сумерек. Когда разыгралась непогода и посыпал снег, Лютый поднялся с лежки и побрел своим обратным следом в сторону базы: туда, где минувшим днем он жадно обедался свежей оленьиной.

Приковыляв на место убитого оленя и не обнаружив трапезы, шатун стал собирать останки от разделанного животного. Подобрал и изжевал клоч шкуры, вырыл из-под снега припотанную гроздь кишки, проглотил вместе со снегом окровавленные пятна. Неутолимый аппетит подстегнул Лютого к преследованию охотников. Принохавшись к нартовому следу, овеванному мясным запахом, он затрусил к зимовью. Выйдя на реку в развилке двух троп: одна из них тянулась к зимовью, где я с вечера караулил его, другая, недавно проторенная, являлась путиком Василия Крутова. По ней-то и двинулся косолапый разбойник вслед ушедшему охотнику, на запах проквашенной приманки, подвешенной к самолетам.

Ступив на «заряженный путик», шатун принялся беспощадно грабить ловушки. Разрушив до основания настороженные Крутовым кулемки и капканы, грабитель приблизился к палатке, где его обнаружила и остановила собака.

Услышав сквозь сон глухой рык зверя, Василий насторожился: «Неужели

Лютый шарахается?...» Выскользнув из-под брезента, точно птенец из лопнувшей скорлупы, охотник метнулся в угол палатки. В темноте, на ощупь отыскал ружье, вогнал в ствол патрон с жаканом и выглянул наружу...

В глаза бросилась сияющая ночная просветлевшая тайга, одетая в белые одежды. Четвероногий друг находился на краю поляны, облаивал едва заметный в кустах темный предмет.

Крутов наспех обулся, накинул на плечи дошку и вышел на поляну. В глубине леса угадывалось чье-то дыхание и слышались редкие шаги. Вдруг до него донеслось грозное ворчание, похожее на отдаленный гром, а затем треск сучьев и топот тяжелых ног. Охотник вскинул ружье и выстрелил вслед уходившему зверю. Пес забрежал и бросился в погону за бурым громилой, исчезнув в заснеженном лесу. В тот же миг наступило затишье: ни собачьего лая, ни звериного рыка, ни лесного треска.

Вскоре, тяжело дыша, примчался Цыган. Крутов вошел в лес и увидел совсем свежие следы медведя, его лежку. Пройдя по следу убежавшего шатуна, он не обнаружил на нем крови. «Однако пуля ушла мимо, — заключил таежник. — Иначе пораненный зверь не смог бы уйти далеко от опытной, зверовой лайки». Вернувшись к палатке, Василий Павлович стал собираться в обратную дорогу и призадумался: «Теперь, когда шатун нагрянул, если б не собака, то ночью набросился бы на меня на сонного». За долгие годы прожитые в урочищах рек и лесов Крутов изучил повадки медведей, их агрессивность. По его убеждению, оголодавший

медведь-шатун хуже волка и даже тигра.

Присев на пенек возле табора, Василий свернул козью ножку, начинил ее махоркой, прикурил, попыхивая дымом, «ушел в себя», вспоминая прожитую, не легкую, а порой и опасную работу промысловика...

Бродя по таежным дебрям, он, энергичный, неутомимый «ходок-работяга», повидал зверя всякого немало и не только с агрессивными особями встречался, но и с мирными «мишками» сталкивался нос к носу, которые спешно уходили, не желая вступать в конфликт с человеком.

Бывало и такое: брал косолапых и в берлогах, а шатунов он добывал преимущественно из-под собак. Однажды и сам угодил в когтистые лапы шатуна и имел на теле несколько шрамов от когтей и зубов хищника, спас его в тот раз от гибели четвероногий друг — Тарзан. Не будь лайки Тарзана, не жить бы Василию. Одним словом, охотник он ни на словах, а на деле.

Был как-то раз такой случай у него. Приехал Крутов накануне сезона охоты к дальней избушке на моторной лодке, чтобы дров на зиму наготовить, а ее там не оказалось. Медведь раскатал избушку по бревнышку и в реку спустил. А на месте ее такую яму вырыл! Что он там искал? Вскоре выяснилось, что под полом избу бурундук нору глубокую «пробурил» и натаскал в нее орехов в запас к зиме.

Из раздумий Василия вывел лай собаки. Пес услышал шорохи, потрескивание валежника под ногами суетившегося зверя в глубине леса и подал сигнал другу-повелителю. Крутов под-

нялся с пенька и принялся снимать палатку.

Он твердо решил упаковать ее в чехол и унести с собой, хотя была эта тяжелая ноша в тягосту, вес ее достигал тридцати килограммов. Палатка утепленная, дорогостоящая и оставлять ее на месте, значит, лишиться необходимого жилья на перепутье между двух зимовий, расположенных одно от другого на расстоянии в шестьдесят километров. Не будь палатки на ключе Ветвистом, пришлось бы в лютые морозы ночевать у костра. Таежник рассуждал: «Лютый вернется на стан, как только покинем его. Издерет палатку в лоскуты и постель, посуду, печку — все испортит, покусает зубами. От него ничего никуда не спрячешь, кроме как под воду спустить».

Осененный пришедшей на ум догадкой о подводном тайнике Василий толкал в печку нехитрую посуду, накрепко закрыл дверцей топку и унес к проруби. Потом прикрутил к печи проволоку и опустил на дно реки. К другому концу проволоки он примотал полено и положил на воду, оно будет служить поплавком. А когда печь понадобится, то вместе с поленом за проволоку и поднимет ее.

Управившись с вещами, охотник запрягся в лямки упакованной палатки, сверху приторочил котомку с пушиной и, накинув на плечо ружье, неторопливо зашагал по левобережному путику к центральному зимовью.

День четвертый

Утро после ночной пороши выдалось ясное. В легкой дымке синели сопки. Морозец стоял приличный. Лучи поднявшегося солнца золотили марь, простиравшуюся у горизонта.

Как только Крутов с лайкой покинули палаточный стан, шатун, находившийся неподалеку, сразу же пришел на табор. Не найдя там ничего съедобного, он со злости разворотил каркас палатки и, раскидав хвою, что служила постелью охотникам, стал ходить по свежим следам зверолова в поисках еды. Прошел к проруби, но ничего съестного и там не было. Потом долго топтался на таборе, собирая собачьи объедки. После чего направился по тропе за ушедшим в лес промысловиком. Обойдя часть путика и осмотрев на этом отрезке самолосы, из которых снял двух белок и норку, Василий остановился на перекур. Поставив ношу на поваленный бурей старый тополь, он высвободил из лямок натруженные плечи, руки, оседлав колоду, словно лошадку, скрутил и закурил сигарку.

В родном поселке, будучи пятнадцатилетним мальчишкой, он пас колхозных коней и часто ездил на них верхом. Вот и сел на колоду, как на коня, вспомнив молодость. Сновавший в кустах Цыган неожиданно кинулся к стоявшей вблизи елке, сделал стойку, упревшись передними лапами в ствол дерева, задрав морду, заскулил. Кач-

нулась ветка, посыпалась кухта. Юркий зверек скакнул по ветвям раз-другой и исчез в густой хвое. Завидев его, кобель залился звонким лаем. Охотник взял ружье, подошел к дереву, обходя вокруг. Белка, достигнув вершины, затаилась в кроне, вытянувшись вдоль сучка, увидеть ее не было возможности. Василий Павлович вскинул ружье и выстрелил из малокалиберного ствола в густое сплетение еловых лап. Пулька, звенькнув по сучьям, спугнула зверька, и он метнулся на другой сук, обнаружил себя и был снят метким выстрелом охотника.

Быстрыми движениями рук Василий Павлович снял с белки пушистую «шубку» и сунул ее в карман, а тушку отдал лайке. Первую добытую из-под собаки белку, предварительно ободрав ее, он всякий раз кидал псу. Сырое беличье мясо лайки поедает охотно и после трапезы работают азартнее. Недолго отдохнув, Крутов взвалил на себя тяжелую ношу и снова потопал заснеженной тропею...

Однако он скоро утомился. Пот заливал глаза, тек по щекам, солонил губы, все сильнее мучила жажда. Продвинувшись на шесть километров в сторону базового зимовья, следопыт остановился на очередной, кратковременный отдых. И только успел закурить самокрутку, как вдруг пес, вздыбив холку, бросился по тропе назад по своим следам и злобно, залиvisto заголосил, потом смолк, но вскоре вновь зарычал, угрожая невидимому зверю.

Василий Павлович прислушался. «Никак Лютый преследует», — прошептал он и переломил ружье, чтобы лишний раз убедиться, заряжено ли. Хотя знал, что вкладывал патрон с жаканом в верхний ствол, когда отправлялся от палаточного табора. Лайка, почуяв шедшего за ними медведя, время от времени останавливалась, прислушиваясь к шорохам, и издавала злобный рык, предупреждая двуногого друга о надвигающейся опасности.

Лютый, услышав лай, понял, что обнаружен собакой и углубился в лес на недосягаемое собачьему чутью расстояние, потом стал кружить по лесу, делая петли, чтобы ввести в заблуждение лайку.

Между тем, охраняя базу от нашествия шатуна, я провел весь третий день на таборе, занимаясь рыбалкой да хозяйственными работами. А всю ночь просидел в избушке, ожидая «грабителя». Он, как я предполагал, должен был нагнать именно на стан, где хранилась вся наша провизия, включая свежую оленину. Всмотриваясь в окно, в белую от снегопада ночь, я с минуты на минуту ожидал его появления. Даже несколько раз выходил за дверь и прислушивался к ночным шорохам, но Лютый на базу не пришел. Перед рассветом я задремал, а когда проснулся, красное, лохматое солнце уже висело над лесом.

День выдался тихий, морозный. Я быстро собрал в дорогу харч, взял с собой отварного мяса, свежих лепешек,

флягу со сладким чаем, сухарей и прихватил походный котелок. На всякий случай проверил, не подмокла ли аптечка, которую постоянно носил с собой. Закинул за спину повседневную ношу, котомку и карабин, заспешил навстречу напарнику. По договоренности мы должны были встретиться с ним где-то на половине пути левобережья, между палаткой и базовым зимовьем.

Когда вышел к развилке двух троп и увидел медвежьи следы, присыпанные ночной поземкой, понял: зверь прошел здесь в полночь, во время снегопада. Я был шокирован внезапной новостью. Появление шатуна на тропе Крутова встревожило меня до крайности. Обеспокоенный за друга, находившегося в тот час где-то поблизости с Лютым, я немедленно пустился по левобережью, метровыми шагами от капкана до капкана, которые мимоходом проверял, но добычу не брал, дорожил временем. Каждая минута была для меня на вес золота. За два часа отмахал половину пути, около десяти километров, а продолжительность всего путика, от зимовья до палатки, составляла не менее двадцати верст.

Я так спешил, что за прошедшие два часа ни одной остановки не сделал. От быстрой ходьбы пересохло в горле, сильно хотелось пить. Решил все же остановиться на пятиминутный отдых. Достал флягу с чаем, напился, чутко покурив и снова заспешил в путь-дорогу.

«Возможно, напарник уже где-то неподалеку и шумнет ненароком? Авось, лайка найдет белку да подаст голос». Откуда было знать мне, что Лютый вынул Василия Павловича и он, сняв палатку, тащится с ней черепашьим шагом, изнемогая от усталости. Но нет! Не донеслось до моего уха ни единого звука.

И я снова и снова мерил тропу широкими шагами, то и дело напряженно прислушиваясь, всматриваясь в таежную мглу в надежде увидеть напарника или своего остроухого помощника.

Прошагав еще километра два, вдруг услышал впереди едва уловимый раскатистый выстрел. Побежал на него. Метров через триста остановился. И тут до меня донесся остервенелый, хриплый лай собаки. Пес находился далеко и не по курсу моего движения, а в стороне от тропы. Мне показалось, что Цыган увлекся свежим собольим следом и, загнав зверька в убежище, облайвал его, оповещая охотника, что зверь обложен. А потому не пошел на его лай, а снова заспешил по путику в сторону выстрела.

Ужасные мысли охватили меня: «Неужели с Василием что-то случилось? По-хорошему, мы с ним уже бы встретились... Где он сейчас? Что с ним? Быть может, шатун набросился на него из засады и изувечил до полусмерти. Теперь он лежит, израненный и затоптанный в снегу страшным, коварным зверем, истекая кровью от полученных ран, и ему необходима экстренная помощь. А возможно, друга моего уже нет

в живых». Эти тревожные мысли не давали покоя.

Пробежав еще метров пятьсот, увидел вблизи поднимавшийся дым. Проскочив сквозь дымящую пелену, заметил в тенистом лесу, под елью, костер, и сидевшего возле него Крутова. Я бросился к другу, и мы молча сцепились крепким рукопожатием.

Увидев его раненого, но живого, у меня взволнованно заколотилось сердце, выкатилась слеза, в висках «молоточками» бил пульс: «Жив! Жив! Жив!»

— Молодец, Вася, что не пал духом! Сумел-таки костер развести и даже чаек сварганил. Держись, паря, со временем и раны залечим, — поддержал я дорогого мне человека.

Оглядев место, где произошла кровавая драма, я понял, что Лютый набросился на него, вымахнув из-за выворотня, стоявшего поблизости, и, подмяв под себя, стал рвать и кусать. Медведь пробороздил когтистой лапой по левой щеке от глаза до подбородка, чуть не угодил в глаз когтем. Левое плечо Василия было разорвано, а рука около локтя прокушена клыками, из ран сочилась кровь. В пяти шагах от костра валялась скомканная, изодранная палатка. Рядом с ней лежало ружье и котомка с пушнинной. Снег вокруг был вытопан свежими следами медведя, собаки и человека, местами забрызган кровью.

Я снял заплочную ношу с харчем.

— Возьми и поешь хорошо. Тебе сейчас надо много есть, чтобы не ослабнуть в пути. Впереди у нас еще долгая дорога. За меня не переживай, прикончу злодея и вернусь.

Мне необходимо было срочно бежать к четвероногому питомцу на выручку. Он находился метрах в пятистах от нас и облаивал засевшего в крепях шатуна. Сжав в руках карабин, рванул по кровавому следу медведя и ушедшей за ним лайки.

След раненого зверя был окроплен кровью с правой стороны. По-видимому, жакан, выпущенный Василием из ствола 32-го калибра, угодил ему в правый бок и, по всей вероятности, не повредил внутренности, потому как, уходя от собаки, Лютый двинулся быстро, несмотря на больную ногу.

Пробежав по следу зверя двести метров, наткнулся на его кратковременную лежку. По всему видно, здесь он зализывал рану. В другой раз медведь залег за валежиной, подкарауливая лайку, но безуспешно, пес своевременно обнаружил засаду и ловко увертывался от его бросков.

Дойдя до старой гари, заваленной буреломом и заросшей кустарниками, увидел своего мохнатого помощника. Кобель беспрестанно метался возле непролазной стены зарослей элеутерококка, облаивая засевшего в кустах ненавистного разбойника. Шатун, уходя от преследования собаки, с разгона продрался сквозь колючий кустарник, оставив на нем клочья шерсти, и залег в недостижимости.

Рисковать своей жизнью и остроухого любимца я не хотел и, взяв лайку на поводок, вернулся к месту поединка Крутова с шатуном. У костра за чаепитием рассказал напарнику о том, что Лютый залег в чащобнике старой гари и выковыривать его оттуда дело рискованное, да и ведет он себя как-то странно. Похоже, ранение у него тяжелое.

— Не надо рисковать, — сказал Василий.

— Голод — не тетка, заставит его вылезти из дебрей. И, если ранение легкое, он сегодня же ночью покинет свое убежище и выйдет на промысел.

— Начнет по ночам донимать нас разбоями, а в дневное время будет в крепях горельника отлеживаться, где и собаке-то трудно пролезть.

— И неизвестно еще кто кого. Мы его или он нас.

— Хватит ему! — выкрикнул я. — Он нас уже попробовал на зуб. Теперь наша очередь преподнести ему сюрприз.

После обеда я насобирал кучу дров, растопил жаркий костер, вскипятил воду и принялся обрабатывать раны Василия. Пока промываю кипяченой водой с марганцовкой раны и накладываю повязки друг поведаль мне о своем поединке с Лютым.

...Началось все с того, что шатун, обхитрив собаку, натоптывал в лесу петли, приблизился к охотнику и засел у тропы за выворотнем, к которому приближался уставший от тяжелой ноши таежник.

Ни о чем не подозревая, Василий вдруг услышал за спиной близкий скрип снега. Овернувшись, увидел перед собой надвигавшегося на него громадного медведя. Резко сдернул со спины ружье, но не успел приставить его к плечу, чтобы прицелиться, и в попытках, направив ствол на разъяренного зверя, нажал на курок. Грохнул выстрел — и в ту же секунду ружье отлетело в сторону, а перед глазами охотника появилась искаженная страшным оскалом медвежьей морды. Зверь сбил Василия с ног и, навалившись на него многопудовой тушей, вмял в снег. Упал охотник на живот с подвернутой под себя правой рукой, которой в последний момент выхватил из ножен нож, да так и лежал придавленный зверем.

В дикой злобе медвежьей когти рвали ношу-палатку, левашую поверх спины Крутова. К его счастью, на выручку подоспел прибежавший на выстрел Цыган. Он с разбега впился в заднюю ногу зверя, приняв на себя всю медвежью ярость. Зверь взревел, отпустив свою жертву, и бросился на собаку. Увернувшись от лап Лютого, пес снова и снова яростно набрасывался на него, смыкая острые клыки на медвежьем заду. И тот не выдержал. В бессильной злобе рявкнул и пустился бежать, оставляя на снегу кровь.

Василий очнулся, открыл глаза и сел на снег. Нестерпимой болью жгли раны, знобило все тело, одеревенели руки и ноги.

С трудом поднялся, подобрал на окровавленном снегу шапку, надел на голову. Потом нашел валявшееся в стороне ружье и на всякий случай, зарядив его, держал в руках: медведь мог вернуться, но его не было. Цыган гнал Лютого все дальше и дальше...

В сознании охотника мелькнула мысль о спасительном костре и горячем крепком чае. Но как преодолеть страшную боль и слабость, как развести костер, когда невозможно даже пошевелить висевшей плетью левой рукой?

Больших усилий стоило Василию разжечь огонь. Он кое-как наломал правой рукой немного сухих веток с кустарника, разгреб ногой снег возле сухого лиственного обломья и, подсунив под него приготовленную ветошь, зажег. Костер разгорелся, охотник стал подкладывать в огонь хворост и мелкий валежник, который извлекал из снега, разгребая его ногами.

Василий согрелся, достал из-за плечевой ноши котелок, набил в него снега и повесил над костром. Когда вода в котелке закипела, снял его и засыпал заварку. Все это он делал исключительно правой рукой, левая бездействовала. Когда чай напарился, Василий выпил пару кружек крепкого, сладкого питья — для утоления жажды и успокоения всего организма. Вскоре почувствовал некоторое облегчение, хотя раны по-прежнему болели и ныли. Затем достал кiset, положил его на колени и стал сворачивать одной рукой сигарку. Не получалось, просыпал с бумаги табак, но потом все же приспособился.

Продолжать поход с тяжелой ношей в таком болезненном состоянии он был не в силах, однако и уйти пустому, с одним ружьем, оставив палатку и котомку с пушнинной, не мог. Но вдруг Лютый опять обхитрил лайку или вовсе задавит ее и вернется, тогда уж точно все пропало. За этими печальными мыслями и застал я у очага раненого друга. Перевязав Василию раны, подвесив его больную руку к груди на бинт через шею, помог ему надеть дошку, застегнул пуговицы и подпоясал плотнее. «Так удобнее, больная рука при ходьбе не будет болтаться, плечо тревожить», — объяснил я напарнику.

Собираясь уходить, мы решили поднять палатку на дерево, потому что на земле, куда не спрячешь, шатун найдет ее, пропахшую мясным запахом. Обвязав мешок с палаткой шнуром, я влез на елку, поднял его на восьмиметровую высоту, привязал и прикрыл хвойными лапами.

День перевалил за половину, когда мы отправились к центральному зимовью. Закинув за плечи обе котомки и ружья, я не спеша шагал за Василием. Он шел умеренным шагом, слегка опираясь на палку-посох. По пути мы останавливались возле ловушек с добычей, вынимали уловы, перекуривали и снова шли...

Вечер незаметно опустился в лощины, почернела даль, затухал на гори-

зонте роковой день. В небе вспыхнула одинокая звезда. Воздух взялся изморозью. Мы, уставшие и разбитые, но счастливые, подошли к зимовью. Войдя в избушку, я помог другу распоясаться и скинуть дошку. Его натруженные при ходьбе раны пылали огнем, голова кружилась, тошнота подступила к горлу. Он опустился на нары, лег на спину и закрыл глаза. Ему хотелось забыться, чтобы хоть как-то унять ноющие боли в ранах. Растопив печку, я разогрел чай и суп и пригласил напарника к столу. В ответ услышал едва уловимый сонливый шепот: «Что-то мне не хочется».

Вылив суп собаке, я принялся готовить гречневую кашу с мясом. Потом занес в избушку котомки с добытыми в самоловах зверьками и стал развешивать соболей да белок на стены. Когда каша была готова, замесил тесто и начал печь пресные лепешки, они заменяли нам хлеб. Скоро лепешки были готовы. Заварил свежий, пахучий чай. Вышел на улицу, оглядел хмурое небо, вернувшись в избушку, сказал:

— Если выпадет пороша, пойду по свежаку твоего «крестного» тропить.

— Что ноги зря бить. Он себя не заставит долго ждать, не сегодня, так завтра сам придет. Вот увидишь, — отозвался Крутов.

И он действительно пришел. Утром. В самый «сладкий» сонный час нас разбудил лай собаки. Спросонья я не сра-

зу понял, что случилось. Но плохо спавший, больной напарник слышал, как за стеной избушки загремели жерди и недовольно пробурчал: «Не иначе как Лютый пожаловал».

Я моментально вскочил с постели и, сунув ноги в бахилы, бросился к порогу, толкнув ногой дверь, выскочил на улицу. Сорвал со стены висевший у входа в избушку карабин, передернул затвор и выстрелил в прилегавший к лабазу кустарник, в котором, по моему предположению, должен был находиться зверь. И вдруг кто-то огромный шумными прыжками ломанулся в чашу леса.

Вскоре все затихло, лишь молодой месяц, выплыв челноком на вершину хребта, спокойно взирал на припорошенную снегом тайгу. Вернувшись в избушку, сказал Крутову, что увидеть кого-либо в такой темноте невозможно было, пальнул в кусты, чтобы отпугнуть невидимого хищника. «Однако задаст он нам еще жару», — отозвался с постели Василий.

День пятый

Утром по следам на свежем снегу определили, что приходил наш преследователь, совсем озверевший, голодный шатун. Об этом напоминал его беспальный отпечаток подошвы передней лапы. Воспользовавшись глухой

непогодой, снежной морозью и крошечной темнотой, он бесшумно подкрался к лабазу с мясом и полез на него. К нашему счастью, сооруженный на скорую руку из жердей, под елкой, подвесной настил не выдержал мохнатого верзилу, и одна из жердей лопнула. Раздался пронзительный треск, оглушивший морозную тишину. Это и побудило спавшую в конуре лайку поднять тревогу.

С восходом солнца, повесив на себя оружие и котомку, взял на поводок лайку, и мы вышли за зимовье. Я встал на след шатуна и пошел по его тропе. Скоро след вывел нас на марь, тянувшуюся неширокой полосой вдоль обширной тайги. Миновав ее, вошли в хвойную поросль. Неожиданно, где-то впереди, под чьей-то тяжелой ногой, лопнула хворостина. Мы с мохнатым другом враз насторожились. Прошло несколько секунд, треск сучьев повторился. Цыган, натянув поводок, издал злобный рык. Я спустил с поводка кобеля и застыл в ожидании. Не прошло и десяти минут, как в чаще послышался неистовый лай собаки и рев медведя. Раздался шум и треск лесного сора и кустарников, но мне не видно было ни зверя, ни собаки, их заслоняли молодые еловые деревца. Я решил протиснуться сквозь заросли, ближе к месту сражения лайки со зверем и выстрелить в медведя наверняка. Держа карабин наготове, стал продвигаться

к еловому молодняку.

Гулко билось сердце — где-то близко зверь. Лай собаки и медвежий рев все громче. Вот они уже неподалеку. Осторожно, чтобы не шуметь, продвинулся на несколько шагов и остановился возле небольшой елки. Затем, приподнявшись на носки, выглянул поверх ее кроны и увидел стоявшего на задних лапах медведя. В пяти метрах от него метался то справа, то слева разъяренный пес. Он набрасывался на шатуна, хватая его за зад. Медведь рывал и прятал зад. Затем сделал бросок к собаке, стремясь зацепить ее когтистой лапищей, но кобель успел увернуться. «Не дай Бог, загубит пса!» — в ужасе подумал я, клацнув затвором, приготовил оружие к бою.

Лютый, услышав щелчок стали, почувал приближение человека и, оставив место сражения, бросился в мою сторону. Зверь быстро приближался. Я вскинул к плечу карабин и, посадив мушку ему на грудь, открыл огонь. После первого выстрела косолапый рывнул и приостановился. После второго и третьего упал как подкошенный и замер. Однако мне не понравилось его спокойное замирание, я засомневался, что он сражен намертво. Медведь очень крепок на рану и не всегда охотнику удастся убить его с двух-трех выстрелов. Известно немало случаев, когда опасный и хитрый зверь после ранения, затаившись, внезапно бросался на зверолова и наносил ему несовместимые с жизнью увечья.

Я выстрелил в Лютого еще два раза. После этого, зарядив карабин пятью патронами, приблизился к убитому зверю на несколько шагов. Он лежал на животе с раскнутыми передними лапами, из его носа и пасти сочилась кровь.

— Готов!

Сбросив с себя котомку, положил на нее карабин и закурил. Цыган с ожесточением набросился на лежавшего шатуна и начал рвать на нем шерсть. Пришлось посадить озлобившегося кобеля на поводок, чтобы не попортил шкуру. «Шуба-то на нем, сатанюке, боярская, — вслух рассуждал я, осматривая черно-бурого громилу. — Однако еще сгодится».

Неожиданно на шум в лесу и запах свежей крови прилетел ворон. Уселся на вершину лиственницы и закаркал: кра-а, кра-а! Я глянул на него. «У-у, сатана, беду кличешь!» Подхватил оружие и пальнул в него. А в это время медведь зашевелился, напрягиваясь и, скребанув лапами по снегу, потихоньку пополз в мою сторону. Я остоленбел, попытался назад, по телу пробежал озноб, пот пробил до самых пят. Смотрел на него и не верил собствен-

ным глазам. «Ну, что еще за наваждение? — промолвил шепотом. — Ведь был же мертвый! Пять пуль в него всадили и вдруг ожил...»

Не мешкая, спустился с поводка Цыгана. Пес с ходу набросился на «покойного шатуна» и, вонзив клыки в его промежность, со всей силы рванул. Да так, что порвал на нем шкуру. Однако зверь уже не чувствовал боли, потому что даже не попытался отбросить от себя собаку и по-прежнему, едва переставляя лапы, продолжал ползти. Когда я опомнился, Лютый уже продвинулся метров на пять. Вскинув карабин, стал ловить на мушку его лобастую голову, но она вдруг исчезла из поля зрения, видна была лишь холка. Отстранившись от прицела, посмотрел на зверя: так и есть, он уронил голову, подвернув ее под лапу и застыл в неподвижности.

Шатун мертв, но все равно не сразу я решился подойти вплотную к поверженному зверю. Меня знобило, будто бы мураши бегали по спине.

После перекура подошел к мертвому медведю и стал осматривать на нем раны. В первую очередь обратил внимание на рану, которую нанес ему Крутов. Оказалось, выпущенный им жакан прошел вскользь по правому боку, вспоров шкуру до кости, от которой скрикошетил и ушел в сторону. Рана от жакана была не тяжелой. Страдания от голода во много раз превышали боль в ране, причиненной выстрелом Василия, зверь потерял всякий страх к человеку, а потому и пошел на меня буром. Осматривая убитого шатуна, а это был крупный истощавший самец лет десяти, увидел на его передней правой ноге, ниже коленного сустава, хрящевой нарост, в котором после вскрытия обнаружил пулю калибра 7,62 миллиметра. Пуля, перебив сухожилия, застряла в кости, поэтому нижняя конечность ноги в суставе с лапой очень плохо работала, а пальцевых конечностей с когтями вообще не было. Не исключено, что они со временем онемели, он их зимой отморозил и отгрыз, потому ступня имела форму культи. При ходьбе Лютый опирался на культю и в целом на большую ногу, слегка опасаясь острых болей. А когда пускался в бег, то только прикасался больной лапой к точке опоры, чиркая ею по снегу. Я снял с него шкуру и увидел какой он худой. Его мослы годились лишь на приваду для волков. Тушу медведя загреб снегом и забросал валежником от пернатых хищников. Зато шкура выглядела первым сортом с незначительными дефектами. Ворс на ней серебрился и не имел подпалин. Свернув шкуру вдвое и скатав в рулон, привязал ее к котомке и, взвалив ношу

на спину, зашагал на базу, довольный, удачно завершившейся опаснейшей зверовой охотой.

Мой четвероногий помощник был главным в «рукопашном» бою со страшным зверем. Не щадя себя, пес смело набрасывался на врага и, отвлекая его, давал мне возможность незаметно приблизиться к раненому медведю на выгодную позицию и сделать удачный выстрел.

И вот, возвращаясь на стан неврежденным, Цыган по-своему, по-собачьи, праздновал победу над коварным зверем: играя с палкой, он демонстрировал минувшее сражение с шатуном. Наконец, затратив семь часов на ходьбу и охоту на Лютого, мы с Цыганом возвратились к зимовью.

День близился к вечеру. Ослепительное, золотое солнце заметно потускнело, стало багроветь и опускаться за далекие в голубой дымке горы. Пес, бежавший трусцой впереди меня, приблизился к порогу избушки и стал царапать дверь. Василий Павлович уже давно ждал нас к ужину и сию минуту вышел навстречу. Увидев меня с мохнатой ношей, он замер на месте от удивления, потом улыбнулся.

— Что, замочил Лютого?

— Да, не зря сходили. Поохотились хорошо! — сказал я и, сняв с себя котомку со шкурой, опустил ее к ногам друга. — Это тебе подарок от «крестного». Сошьешь себе богатую доху. Будет она долго напоминать тебе о поединке с Лютым и вовремя подоспевшем на выручку четвероногом друге Цыгане.

— С победой тебя, Виталий! Честь и хвала тебе за то, что уничтожил злодея.

— Поздравляя обоих. Цыган старался больше. Если б не он, быть может, я не вернулся бы с этой охоты...

* * *

Виталий Прокопьевич Волков — коренной хабаровчанин. Родился в 1937 году. Детство его проходило в труднейшие военные и послевоенные годы. В семье детей было девять «душ». Отец работал на заводе им. С.М. Кирова. Но с такой семьей на одну зарплату прожить было трудно. Дед Виталия, Иннокентий Николаевич, потомственный сибиряк, приучал ребят к рыбалке и охоте. Этим кормились.

После восьмого класса Виталий поступил на заочное отделение Хабаровского автодорожного техникума, закончив его и отслужив в армии, поехал работать в Востряковский лесхоз. 26 лет на Мазе-501 возил лес. Имеет много наград за доблестный труд. Там и семьей обзавелся, позже стал профессиональным охотником.

Внимание! Наш новый адрес:

101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, 3 этаж, 35 офис

Тел. 8(495) 641-02-28

Пишите нам:
lavka@ohot-prostory.ru
info@ohot-prostory.ru

(495) 528-2271

Наш сайт:
www.ohot-prostory.ru

Издательство
охотничьей
литературы

143900, Московская область, Балашиха-центр, а/я "Книжная лавка охотника и рыбака"

ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Литературно-художественный альманах

Код	Название, Автор	Цена		
ОРУЖИЕ И БОЕПРИПАСЫ				
740	Охотничье оружие. Энциклопедия. Сост. Ю.В. Шокарев	825 р.	318	Охота на лисиц. Н.А. Зворыкин
683	Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. Ю.В. Шокарев	377 р.	481	Охота на пушных зверей. Н.Н. Руковский
736	Бой и служба дробового ружья. А.П. Ивашенцов	210 р.	316	Охота с капканами и самодельными. Сборник
695	Выбор и применение охотничьего оружия. М.М. Блюм	405 р.	1096	Слепы зверей и птиц. В.М. Гудков
943	Охотничье оружие. Опыт эксплуатации. А.Г. Азаров	197 р.	971	Как определить свежесть следа. Сборник
1	Охотничье оружие. Устройство, неисправности, уход	245 р.	ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ	
9	Отечественные охот. ружья. Гладкоствольные. В.Н. Трофимов	245 р.	317	Как выбрать и нагнать гончую. Н.Н. Челищев
8	Отечественные охотничьи ружья. Нарезные. В.Н. Трофимов	245 р.	1015	Охота с гончей. Н.П. Пахомов
1043	Самозарядные и помповые охотничьи ружья. В.Н. Шунков	245 р.	738	Дрессировка и натаска подружейной легавой. Г.П. Карпов
1093	Двуствольные охотничьи ружья мира. В.Н. Шунков	245 р.	696	Охота с дратхааром. А.С. Лопатин-Бремзен
494	Охотничьи боеприпасы. В.Н. Трофимов	245 р.	311	Немецкий курцхаар. О.Л. Малов
737	Пули для пневматического оружия. В.Н. Трофимов	180 р.	1105	Спаниель и охота с ним. О.Л. Малов
970	Современные охотничьи боеприпасы для гладкоствольного оружия. Пули, пулевые патроны. В.Н. Трофимов	279 р.	1182	Лайки и охота с ними. Л.А. Гибет
72	Современные охотничьи боеприпасы для нарезного оружия. Том 1. Гильзы, пороха, капсюли, пули, патроны, баллистика	279 р.	406	Охота с лайкой. И.И. Вахрушев
200	Том 2. Пули мира и отечественные патроны	279 р.	760	Борзые и охота с ними. С.Д. Матвеев
483	Стрельба дробью. А.А. Зернов	82 р.	ТАКСИДЕРМИЯ	
1007	Финский нож. А. Марьянко	668 р.	408	Изготовление чучел и обработка охотничьих трофеев
1065	В помощь выбирающему нож. А. Марьянко	296 р.	381	Съемка, обработка и выделка шкур зверей. Н.Н. Рябенков
СПРАВОЧНИК ОХОТНИКА				
697	Секреты бывалых охотников. Д.В. Житенёв	316 р.	ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА	
1231	Справочник охотника-любителя. Л.Е. Трутнев	265 р.	1263	Дикое камни. К.Д. Янковский
592	Охоты длинная тропа. В.Б. Чернышёв	412 р.	1245	Закон избушки. В.Б. Чернышёв
358	Охота на копытных. В.Н. Трофимов	245 р.	1194	Замороженное время. М.А. Тарковский
558	Охота на лосей. Д.К. Нарышкин	65 р.	1196	Енисей, отпусти! М.А. Тарковский
944	Гон лосей и охота на вабу. В.М. Глушков	133 р.	1195	Тойота-креста. М.А. Тарковский
429	Охота на кабана. В.А. Романов	54 р.	1240	Бальзам для охотничьей души. С.Л. Малашко
717	Охота на волка. А.П. Суворов	245 р.	1285	Одна, но пламенная страсть. С.Л. Малашко
940	Повадки животных. Н.А. Формозов	72 р.	1124	Медвежья злоба или поездка в воспоминания. В.П. Кузнецов
560	Охота на глухариных токах. Сборник	65 р.	831	Про охотников и охотоподов. В.П. Кузнецов
561	Охота на тетеревиных токах. Сборник	49 р.	1317	Люди и волки. В.П. Кузнецов
327	Охота на гусей. Л.Е. Трутнев	89 р.	979	Мохнатый бог. М. Кречмар
1284	Практикум охотника-гусятиника. А.Г. Азаров	93 р.	1074	Полосатая кошка. пятнистая кошка. М. Кречмар
484	Утиная охота. Г.Е. Рахманин	82 р.	1207	Север и оружие. М. Кречмар
349	Охота с манками. Д.В. Житенёв	89 р.	979	Вершины охоты. А.Н. Хохлов
495	Охота на зайцев. В.А. Окунь	189 р.	1191	Полосатый смерч. Сост. Малов О.Л., Кичин В.И.
			1123	Перед лицом волка. В.И. Булыгин
			1125	Тростниковая даль. И.И. Алехин

Всего в нашем каталоге более 500 наименований товаров.

Заказы высылаются ценными банковскими наложенным платежом.

Рассылка осуществляется только в пределах РФ!

Мы работаем как с розничными, так и с оптовыми покупателями!

Последние поступления в «Книжную лавку охотника и рыбака»

<p>Михаил, Юрий, Валерий Янковские Нэнзун. Дальневосточная сага. Открывают книгу очерк М. Янковского «Остров Аскольд» и мемуары Ю. Янковского «Полвека охоты на тигров». Повесть В. Янковского «Нэнзун» - это захватывающая, насыщенная эзотерикой летопись путешествий и приключений. Изд. «Рубеж», 2012 г., 640 стр., код для заказа - 1288. Цена - 486 руб.</p>	<p>Валерий Юрьевич Янковский От Сидеми до Новины. Это захватывающая дальневосточная сага о жизни и приключениях в приморском имении Сидеми, близ Владивостока, а также в Новине и Лукоморье - недалеко от корейского города Сейсина. Изд. «Рубеж», 2011 г., 608 стр., код для заказа - 1289. Цена - 486 руб.</p>
<p>Николай Аполлонович Байков Собрание сочинений. Том I. Великий Ван. В первый том вошли самые известные произведения писателя - повесть «Великий Ван» и роман «Чёрный капитан». Изд. «Рубеж», 2009 г., 528 стр., код для заказа - 1292. Цена - 477 руб.</p>	<p>Владимир Клавдиевич Арсеньев Собрание сочинений в шести томах. Том I. Первый том включает наиболее известные произведения писателя «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Также в нём опубликованы подробные Примечания, Список географических названий и две большие фототетради. Изд. «Рубеж», 2007 г., 704 стр., код для заказа - 1290. Цена - 531 руб.</p>
<p>Николай Аполлонович Байков Том II. В горах и лесах Маньчжурии. Во второй том включены большая книга очерков писателя «В горах и лесах Маньчжурии» и повесть «Тигрица». Изд. «Рубеж», 2011 г., 736 стр., код для заказа - 1309. Цена - 495 руб.</p>	<p>Владимир Клавдиевич Арсеньев Собрание сочинений в шести томах. Том II. Во второй том Собрания сочинений включена «походная проза» В.К. Арсеньева - «Жизнь и приключения в тайге», «В горах Сихотэ-Алиня», «Зимний поход по Хунгарии», «Сквозь тайгу». Изд. «Рубеж», 2009 г., 608 стр., код для заказа - 1291. Цена - 495 руб.</p>

Размышления по поводу трех новых книг

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Выход новой книги об охоте перестал быть, сам по себе, событием для охотников. Прошли те памятные для людей старшего поколения времена, когда охотники-книгочеи, не говоря уж о завязятых библиофилах, пристально следили за выходом в свет каждой новой охотничьей книги, чтобы заполнить её и пополнить свою заветную полочку домашней библиотеки. Редко прорывались они тогда сквозь тенёта идеологизированных издательских планов, составлявшихся равнодушными чиновниками, которым невдомёк было, что эти «безыдейные» книги содержали более глубокий заряд любви к родине, нежели многие надуманные произведения на «патриотическую» тему. К тому же такие книги чаще всего оседали в центре и до окраин не доходили. Мне самому приходилось после выхода в издательстве «Физкультура и спорт» каждого очередного альманаха «Охотничьи просторы» приобретать их в магазине «Спортивная книга» на Сretenке и по просьбе друзей отсылать им в Сибирь. Такой спрос объяснялся не только редкой эпизодичностью выхода такой литературы, но и куда более высокой, чем сейчас, читательской культурой. Несмотря на массовые тиражи одиноко существовавших в периодической охотничьей литературе ежемесячного журнала «Охота и охотничье хозяйство», тираж которого достигал без малого миллиона, и ежегодника-альманаха «Охотничьи просторы», печатавшегося сотнями тысяч экземпляров (еще выходил старейший ведомственный журнал «Охотник» Военно-охотничьего общества), читателям их не хватало, подписка на журнал ограничивалась.

В наши дни, при частной предпринимательской издательской деятельности, количество периодических охотничьих изданий по стране возросло так, что их затруднительно сосчитать, потому что некоторые из них, возникнув, из-за нехватки средств вскоре «гаснут». Непросто исчислить и количество отдельных изданий об охоте. Нередко они, особенно методического, «технологического» характера, повторяют одна другую и отличаются лишь издательской и языковой культурой.

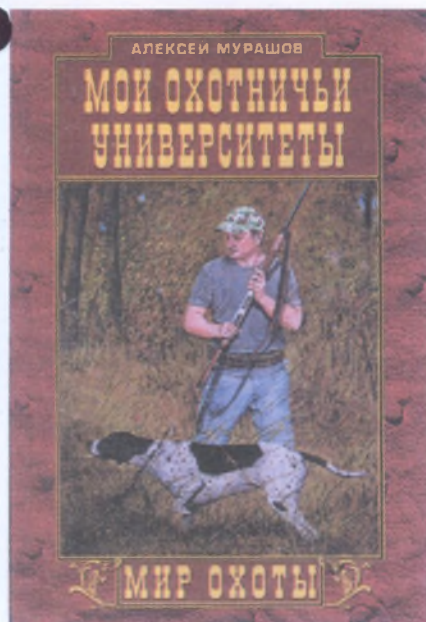
Всякое изобилие вызывает разборчивость и понижает к нему интерес. Относится это и к охотничьей литературе. Но такая «пресыщенность» в данном случае представляется кажущейся, потому что суммарный тираж нынешних периодических изданий едва ли достигает количества выходявших в дореформенное время экземпляров журнала «Охота и охотничье хозяйство» и ежегодника «Охотничьи просторы». Так что падение нынешнего спроса на

охотничью литературу вызвано не «пресыщенностью», а общим обрушением культуры в пореформенное время, коснувшееся и читательского спроса, и читательского вкуса, в том числе и охотников. Упала сама культура российской охоты, всегда отличавшаяся высокой нравственностью, которая выражалась в патриотическом отношении к своей земле, в любви к природе, в поэтическом восприятии всего того, что было связано с процессом охоты, в ощущении духовной свободы, в радости утоления страсти. События 1991 года и последовавшие за ним реформы изменили социальный статус части охотников, которые стали смотреть на охоту как на занятие «княжеское», престижно подкрепляющее их самозваное «элитарное» положение, и «настоящим охотником» в их глазах теперь считается не тот тургеневско-аксаковско-пришвинский «поэт в душе», стреляющий из-под легавой «царскую дичь», бекасов и дупелей, а убийца, наведённый чернокожим егерем-телохранителем на бегемотов и носорогов. До поэтики ли тут! «Элите» — «достойный» трофей! Потяжелее, попрестижнее, поззотичнее! И чтобы с рогами!

Но, думается, как всё наносное и чуждое, это временно. Охота, как всё прекрасное, остаётся в своём существе неизменной, — меняются люди, времена, а сущность остаётся. Изменится и отношение к душевной, лирической охотничьей литературе. Отрадно, что увлечение охотой нашло своё выражение в умножившейся литературе: в количестве, как это бывает, в конце концов выкристаллизуется качество. Она и сейчас существует, настоящая охотничья литература. Её создают сами настоящие охотники, которые не перестанут, как и сама истинно-русская охота. Пусть не всегда литературно-профессионального, «писательского» уровня, она покорила достоверностью, преданностью своему увлечению, искренностью в выражении своих чувств. Давний подписчик нашего журнала, читающий его от «корки до корки», я начинаю (как и многие, должно быть) знакомство с новым номером с писем и заметок читателей: в них своеобразие тех охотничьих угодий, которые хочется представить, впечатления перережитого. Такое общение через журнал сплавливает нашу семью российских охотников. Это же, кстати, делает и нынешний альманах «Охотничьи просторы», печатая материалы в рубрике «Творчество наших читателей». Ну, а когда истории и случаи, заслуживающие внимания охотников, накапливаются — напрашивается книжка. И это понятно: каждый человек, в достаточной степени владеющий языком, впра-

ве создать книжку, которая представит интерес для читателей. Еще американский писатель-философ Генри Дэвид Торо, создавший в XIX веке замечательную книгу «Уолден, или жизнь в лесу», писал: «...Я жду от каждого писателя, плохого или хорошего, простой и искренней повести о его собственной жизни». Кому же, как не бывалому охотнику, если он не обделён любовью к слову, написать о своём страстном увлечении, украсившем его жизнь, в которое он вложил столько душевных сил! Ведь на охоте происходят самые невероятные случаи и эпизоды, о которых стоит рассказать, поделиться ими с собратьями. Каждый охотник по-своему переживает свою страсть, естественно поделиться и своими чувствами... И потому, несмотря на все сложности с изданием, такие книги выходят и продолжают выходить. Их вышло немало, они образовали целую литературу. Давно назрела необходимость критического обзора этой литературы, созданной в пореформенное время, или хотя бы за первое десятилетие XXI века, — подобного тем обзорам, которые делали когда-то в нашем журнале известные писатели, Николай Павлович Смирнов и Ефим Николаевич Пермитин, — назрела потому, что любая литература без грамотной критики «глохнет». Не будучи подготовленным к подобному общему обзору, призывая подвигнуться на это профессиональных библиофилов, я хочу отметить только три книги знакомых мне авторов. Они вышли в последнее время, в 2011 году, написаны настоящими, дельными, как раньше говорили, охотниками, и уже одно это вызывает к ним интерес.

Книга Алексея Мурашова «Мои охотничьи университеты» вышла в Москве, в издательстве «Вече». Автор — широко известный любителям собак эксперт-кинолог всероссийской категории, биолог-охотовед, почётный член нескольких охотничьих обществ... Но все эти и другие подробности его биографии читатель узнает из самой книжки. Алексей Мурашов стесняется назвать свои очерки мемуарами, но они несомненно являются собою воспоминания, написанные искренне, доверительно по отношению к читателю и хорошим литературным языком. Разумеется, он не мог назвать книгу иначе, как **мои** университеты. Но сколько охотников могло бы отнести его школу к себе, проходившему те же «университеты»! В самом деле, кто из нас не зачитывался также в детстве «Лесной газетой» Виталия Бианки, где в постоянной рубрике «Охота» её герой, незабвенный Сысой Сысоч, знакомил нас с видами русской охоты, в зависимости от сезо-

на? Кто не испытывал желания, начитавшись охотничьих рассказов М.М. Пришвина, если не познакомиться с ним, то хоть краешком глаза увидеть этого кудесника, сотворившего такое чудо? А как много мы узнали, уже испытывая позыв к охоте, о природе, о повадках зверей и птиц из научно-популярных книг А.Н. Формозова, С.И. Огнева, В.Н. Каверзнева, Д.Н. Кайгородова, Л.П. Сабанеева... Всё это потом подкреплялось впечатлениями и опытом собственной охоты, мы были подготовлены к ней трудами корифеев. «Университеты» Алексея Мурашова типичны для очень многих русских охотников, это сообщает книге особенную значительность и интерес. Его воспоминания — благодарение всем тем, кто осветил судьбу автора счастьем животворной охотничьей страсти, радостью знакомства с людьми, объединёнными и одухотворёнными этой страстью. Способность быть благодарным — одна из важнейших граней культуры, отличающая людей от тех, кто, возмнив о себе неподобающее, безответно принимает благо как «должное». Книга Алексея Мурашова источает такую благодарность, и это вызывает к ней особую симпатию.

Место рождения второй книги — тверская земля, удомельский край, давший ей название: «Край вдохновения и охоты». Выход книги — утоление давно назревшего желания её создателя, составителя и автора Вячеслава Крылова, рассказать о родных местах, исполнение патриотического долга перед своей родиной и памятью славных земляков. Можно понять его радость, когда эта мечта осуществилась, наконец, в виде превосходно изданной в Твери книги!

В.А. Крылов — уроженец этого края, охотник в третьем (а может, и глубже)

поколении, охотиться начал с мальчишеских лет. После окончания Ленинградского университета и аспирантуры получил степень кандидата физико-математических наук, поколесил по стране, повидал свет и вернулся на родину, стал федеральным инспектором по экологии при Калининской атомной электростанции в Удомле. Я привожу эти краткие сведения его биографии, которые могут интересовать читателя потому, что в книге сам он о них скромно умолчал. Зато с гордостью называет имена своих земляков: писателя Н.А. Зворыкина, художников А.Г. Венецианова, Г.В. Сороки и В.К. Бялыницкого-Бирули, приезжавших черпать вдохновение под Удомлей И.И. Левитана и А.С. Степанова, знаменитого музыканта, прославившего на весь мир русскую балалайку В.В. Андреева... Вячеслав Андреевич — охотник настоящий в самом классическом значении этого понятия: он заводчик и натасчик ирландских сеттеров, а на охоту уходит от родного крыльца, к нему же после неё и возвращается. Дух, витающий над руинами родового гнезда знаменитого охотника-волчатника Н.А. Зворыкина, сохранившимися на берегу речки Съежи, подвигает, вероятно, и В.А. Крылова, и его друзей — председателя местного общества охотников Сергея Петрова, опытного егеря Андрея Боброва, Анатолия Маховского, сменившего московский смог на свежее дыхание удомельских угодий, страстного гончатника Евгения Наливкина и других, — вести успешную борьбу с волками: на одной из недавних облав они взяли семь матерых! Удача редкая, читатели-охотники это оценят!

Отчий край вдохновляет В.А. Крылова не только на охоту, но и на творчество: он пишет охотничьи рассказы, известные читателям нашего журнала, он же и отличный фотограф, тонко чув-

ствующий природу и охотничий сюжет. Поэтому в книге «Край вдохновения и охоты» наряду с рассказами В.К. Бялыницкого-Бирули и Н.А. Зворыкина большое место занимают рассказы Вячеслава Крылова, и в ней, богато иллюстрированной не только репродукциями картин художников-удомельцев, но и художественными фотографиями, много его работ. В сущности, «Край вдохновения и охоты» это книга-альбом, он представляет собою хороший подарок любому охотнику, который может занять достойное место на полке охотничьей литературы.

Третья книга «От Дона до Хопра» Владимира Климова вышла в Воронеже совсем недавно, в конце лета 2011 года. Это литературный дебют автора. Но имя его давно и широко известно не только российским охотникам: вместе с оператором Андреем Кащобой он несколько лет назад создал фирму «ВитАр», выпускающую видеофильмы о русской охоте. Они заслужили популярность в России и за рубежом, а сама фирма вот уже несколько лет является непременной участницей всех международных выставок в Москве «Охота и рыболовство на Руси».

Прирождённый охотник «волею небес», В.С. Климов верен традициям национальной охоты, еще сохранившимся в чём-то здесь, в черноземном русском подстепье со времён некогда процветавших тут богатых комплектов псовых охот, с шумными отъездами полями и «гусарскими» застольями после удалого дня.

Книга «От Дона до Хопра» как раз об этих краях, где Владимир Климов родился, окончил университет, жил, работал и, конечно, охотился — много, увлеченно и разнообразно. Он охотник не только в поле — и в обычной жизни в нём угадывается его пристрастие по

его характеру, «живой» речи, в которой проскальзывают образные, присутствующие охотничьей лексике слова и выражения. И загородный дом Климовых сразу же говорит о том, что его хозяин — охотник: в просторных вольерах двора побрякивают подсадные утки, гуляет меж ними мантый дикий гусь, в них разместились большой фазанарий; похоронивший состарившуюся ирландскую сеттерницу. Владимир Станиславович держит русских гончих — охота с ними в чернозёмной лесостепи от века была традиционной. Всё это говорит о том, что княгиня Климова «От Дона до Хопра» несколько «засиделась». Филолог по образованию, он профессионально владеет литературным словом, великолепный рассказчик — как ведущий видеофильмов и просто в общении, опыта и охотничьей тематики ему не занимать, он мог бы давно взяться за перо, но, видно, не сразу преодолевается, как свойственно многим скромным людям, робость перед чистым листом бумаги...

Книга «От Дона до Хопра» — это сборник рассказов и охотничьих баек, что ставит её наособицу в ряду подобных книг. Охотничьи байки, столь любимые в изустном творчестве и привычные для посиделок у костра, как литературный жанр несколько подзабыт со времён небезызвестного Остапа Вишни. Но, думается, зря. Породившие в обиходе мнение об охотниках как о безудержных вральях, байки, конечно же, не претендуют на достоверность и лишь выражают любовь русского человека к красочному слову, породившую поговорку «не люблю, не слушаю, а врать не мешай». Хотя в то же время, вопреки расхожему мнению о «вральях», охотники-читатели как никто другой ревностно следят за тем, чтобы в серьёзных рассказах об охоте была правда и только правда. Поэтому вовсе не плохо, на мой взгляд, что Владимир Климов вспомнил о забавных байках и вернул их как жанр на страницы охотничьей книги. Да и вообще его литературный «первый блин», мне кажется удачным. Удачной представляется и обложка, изображающая сцену старинной псовой охоты, в которой художник уловил особенность творчества автора, верно-го традициям русской охоты.

Три книги об охоте изданы в разных краях России. Их страницы доносят дыхание мест своего рождения, что делает их самобытными и в то же время объединяет авторов общей привязанностью к своей земле. Как тут снова не вспомнить незабвенное признание известного псового охотника XIX века П.М. Мачеварианова об особой любви охотников к родным местам и слова Н.А. Некрасова о том, что в охотники отделяется наиболее талантливая часть русского народа.

Звучит лесная дудочка

Вячеслав АЛЕРСКИЙ

Хороша сентябрьская Уральская тайга! Яркими кострами полыхают осинники, в чистое золото одеваются березы и как изумруды в оправе из желтой листвы стоят вечнозеленые елки, кедр и пихты. Даже угрюмый болотный кедровник и тот украшен красными и желтыми огоньками прижившихся в нем рябин и березок. Благодарить! А воздух! — Настоянный на ароматах увядающих ягодников, хвои, горьковатой листвы осин, едва уловимых ароматом поздних грибов и кедровых шишек, он необыкновенно душист и свеж.

По утрам лужи одеты в легкий ледяной панцирь, от которого к обеду не остается и следа. Солнце еще греет, и ясными днями сквозь струистое прозрачное марево ясно видны у горизонта лесистые горбы увалов, что когда-то давным-давно сотворил чудовищный ледник, пропахавший как бульдозер нашу многострадальную планету. Тайга полна звуков, и только непривычное ухо равнодушного человека не слышит их. Вот прошуршала коготками по сосновому стволу еще не перелинявшая рыжая белка. Уронила на пол шишку и возмущенно зацокала, дергая хвостом и тараша сверху темные, похожие на переспелые ягоды черники, глаза. В отдалении, волнуя охотничье сердце, захлопают крылья кем-то спугнутого с ягодника глухаря, гортанно прокричит в вышине бродяга-ворон. Весело попискивают перелетающие с дерева на дерево стайки синиц, и гнусаво кричит сидящий на сушине черный дятел — желна.

Где-то у дальних вырубов раз за разом простонет гонный лось, мотающийся как пьяный мужик по тайге в поисках подруги. Невольно представляешь себе лоснящегося, длинноногого зверя с прижатыми ушами и злым взглядом, попасться на глаза которому в это время, мягко говоря, нежелательно.

Но вот из елово-березового мелко-лесья, украшенного молодыми рябинами, донесся нежный, чистый и очень мелодичный свист, оборвавшийся замысловатым перебором. Это пропел взявший немислимо высокою ноту лесной отшельник — рябчик.

Так вот ты где, дружок! За тобой-то я и пришел. Неторопливо вынимаю из кармашка манок, вкладываю в патронник своего верного ТОЗ-34 патроны с «семерочкой». Ну что, серенький? Кто кого пересвистит?! Набрав в легкие воздуха, тщательно выдуваю из манка первый позывной.

Выгляжу я, наверное, комично, эдакий большой, уже не молодой дядька, надув щеки и уставившись в заросли, пытается подражать лесному свисту.

Смотри-ка! Поверил! Из леса доносится ответный, резкий и недовольный свист — «Кто тут еще посягает на мою территорию»? И почти сразу же, похожий на отдаленный раскат грома, взлет.

Странный звук издает взлетающий рябчик, вроде и небольшая птица, а такой громкий, заставляющий невольно вздрагивать звук. Слышу, рябчик облетает меня по дуге, видно стрелянный. Ну ничего, мы и не таких видали! Свищу с промежутками раз за разом — отзывается, но откуда-то с полу. Прислушиваюсь: ага! — впереди, чуть в стороне слышен шорох листьев под чьими-то быстрыми шажками — шикшик, шик.

И вот в просвете мелькнуло что-то пестрое, мелькнуло и исчезло вновь. Прикрыв манок ладонями, свищу еще раз. Петушок не выдерживает и, вспорхнув, садится на торчащий древесный сломыш. Вертит головой, забавно дергает хвостом, ероша на голове смешной хохолок. Заметив меня, вытягивается и начинает тревожно стрекотать. Поздно, приятель! Гремит выстрел, и рябчик мягким комом неслышно валится в мох.

Поднимаю трофей, разглаживаю взъерошенные перышки, любуюсь.

Как он красив и совершенен! Как идеально вписывается своей неброской расцветкой в фон окружающего леса. С полем! У меня в запасе не больше часа, потом рябчики отлетят от порога вглубь леса и на манок отзываться не будут.

Не спеша, иду дальше, наслаждаясь чудным сентябрьским утром, дышу пьянящим осенним воздухом.

Не очень-то хорошо, что под ногами сильно шуршат подстывшие за ночь листья, в утренней тишине меня слышно далеко, и вся лесная живность слышит меня и уклоняется от встречи. Вдоль дороги пошли веселые пригорочки, заросшие молодым лесом, под ногами кустики брусники, место самое рябчине здесь. И будто подслушав мои мысли, с придорожной сосенки слетает рябчик, а там еще и еще.

По-видимому, я набрал на еще не разлетевшийся выводок. Ну что ж, поохотимся! Не спеша, выбираю место и присаживаюсь за густой молодой елочкой, достаю манок. И вот по лесу полились нежные звуки волшебной дудочки.

В ответ лес сразу в нескольких местах отозвался нежным, мелодичным свистом. Вот, мелькнув между деревьями, рябчик с шумом садится на молодую рябинку, совсем рядом, метрах в десяти.

Как стрелять? Разобью ведь в прах, а пеструн вертит головой, и напыжив-

шись, свистит. Вот шельма! Что же с тобой делать? Поднимаю ружье, рябчик испуганно срывается и летит от меня вдоль дороги. Стреляю в угон, готов!

От выстрела срывается еще один и садится на елку. Долго высматриваю хитреца в хвойных лапах, но никак не могу увидеть. Наконец, он выдает себя неосторожным движением, стреляю, и рябчик, перебирая ветки, падает к подножью елки. Ну вот и ладненько! Три штуки есть, а до нормы нужно взять еще парочку. Ну, с этим проблем не будет, чего-чего, а рябчиков в лесах северного Урала еще порядочно.

Вот так и хожу-брожу по старым дорогам по вырубам, пригоркам да оврагам. И как-то обыденно, и без особых эмоций зашиб еще парочку рябцов, влетевших с дороги и севших неподалеку.

Ближе к обеду таборюсь, развожу костер и, повесив котелок, жду, когда закипит вода. Затем пью очень терпкий и душистый лесной чай, закусываю и располагаюсь под сосной на отдых.

Тихо приласкался к тайге погожий теплый сентябрьский денек, надо мной в слегка размытой небесной голубизне плывут куда-то легкие белые облака. Тихо, спокойно, хорошо. Совсем вроде бы нехоти вспоминается, кого я однажды приманил на рябиновый манок. Стаяла сухая ветреная осень 1997 года, в тайге не уродила ягода, не было кедрового ореха, боровая птица питалась листьями, семенами да почками растений.

По тайге широко бродили не очень-то сытые медведи, муравейники были сры-

ты ими до земли. В общем, картина не-веселая. Уже пожелтела хвоя на лиственницах. И глухари стали вылетать на них подкармиться перед долгим зимним постом. Занесло меня тогда под самые Грязновские увалы, хотелось попытаться удачи на глухариной охоте. День выдался редкостно неудачный, дважды стрелял по глухарям, но без результата, терева и рябчики по дороге не попались. Злой и усталый, я пришел в избушку, у которой какая-то каналья сломала дверь, что, надо полагать, не добавило мне хорошего настроения. Свалил на нары рюкзаки, скинул патронташ и куртку, подумал, чего бы сварить на ужин. Вдруг из ближайшего ельника послышалась бодрая песня рябчика, и так захотелось рябчиного супчика, что я, зарядив ружье «семеркой», быстро подался на заманчивый звук. Подойдя, уселся на пенек, и тут вспомнил, что патронташ оставил в избе, а в стволах только два патрона с «семеркой».

Поразмыслив, решил не возвращаться (плохая примета), и вытащив манок, принялся подманивать будущий «супчик». Впереди, метрах в 15-ти лежала старая сосна, сваленная недавней бурей, сильно закрывая мне обзор. Посвистел, рябчик тут же отозвался в сторонке и не близко. Свищу еще и еще, птица замолчала, и вдруг взлетела и ушла совсем в другую сторону. Я удивился, ведь сам я его спугнуть не мог, тогда кто же? Посидел-посвистел, однако никто не отозвался и я, решив не тратить зря времени, поднялся с пенка... Впереди, за поваленной сосной как будто фыркнула лошадь, затем что-то метнулось в ельник, из-

давая шум и треск, отчетливо послышалось уханье убегающего медведя УФ-УФ-УФ. Но я уже, ничем не тише, летел в избушку и заскочил в нее едва не разбив лоб об дверную притолоку. Схватив патронташ и выдернув пули, быстро перезарядил вертикалку.

Посидел, подумал, успокоился и не спеша вышел на волю. Отчего-то стало смешно за себя, как-то я выглядел со стороны, огромными скачками лomiaсь к избушке. И что это на меня нашло? Ведь не первый день в тайге и медведем меня особо не удивишь, видно сыграл фактор неожиданности.

Воспоминание так свежо и ярко, что я поневоле сажусь и осматриваюсь. Вот навядение! А вокруг покой и благодать, лишь чуть шепчет о чем-то листьями золотая осень, да высоко в небе тянет за собой нитку инверсионного следа пассажирский лайнер.

Отдохнув, собираюсь в обратный путь. Опять петляет старая лесная дорога, опять проплывают мимо неповторимые, чудесные осенние пейзажи, отдающие легкой горчинкой по ушедшему лету, опять душа замирает в предчувствии чего-то нового, интересного. И будет светло и весело в Уральской тайге покада будет в ней жить, плодиться и радовать сердце охотника звонкой, незамысловатой песней маленькое лесное чудо — пестренький рябчик. Вот и закончился еще один охотничий день. Дома, прикорнув на диван, незаметно засыпаю, а перед глазами все мелькают, сменяя друг друга, неповторимые картины осени и звучит, звучит в душе волшебная лесная дудочка.

Ты из памяти, жизнь, не стирай,
Те счастливые годы с ружьем.
Если есть на земле еще Рай,
То, наверное, в сердце моем.

Весенний приют

У куртины веселых берез,
Что роняют прозрачный сок,
Майской ночью, под пологом звезд
Притаился мой старый скрадок.
Я давненько не сиживал в нем
(А точнее, прошел уже год),
Почернел, словно старым тряпьем,
Прелым сеном укутанный свод.
Я тебя, мой весенний приют,
Перекрою осокой сухой
И подслушаю, что там поют
Журавли в темноте глухой.
Обустроюсь и буду ждать,
Как свидания ждет юнец.
Вот уже без пятнадцати пять,
Наступает рассвет наконец.
Все сильнее алеет восток,
Скоро брызнут потоки лучей.
На поляне неистовый ток
Расфуфыренных косачей.
Здесь отваги и страсти полет,
Разгорелся нешуточный бой,
И тетерка устало зовет
Победителя вслед за собой.
Не хотелось бы птицам мешать,
(Но охотник же я наконец!)
Грянул выстрел — остался лежать
Дон Жуан, забияка, драчун и боец...
Солнце встало и птицы поют,
Но на сердце какая-то грусть.
До свиданья, мой старый приют,
Может завтра я снова вернусь!

Если есть еще Рай

Зажигает над речкой рассвет
Облаков золотых купола.
Сквозь тайгу наш потянется след
По тропе, что под ноги легла.
Мой родной, мой единственный край,
Ты раскинулся в сердце моем.
Если есть на земле еще Рай,
То, наверно, в тайге и с ружьем.

Нас просторы родной стороны
Овевают дыханьем ветров,
Мы навеки Дианы сыны,
Наша жизнь у походных костров.
Ты, огонь мой, гори, не сгорай
Угольков золотистых игра.
Если есть на земле еще Рай,
То, наверно, в тайге у костра.
Вот опять после трудного дня,
Так ведется, иначе нельзя,
На привале согреют меня
И заботой окружают друзья.
Веселее, гитара, играй.
Громче песню, бокалы полной.
Если есть на земле еще Рай,
То, наверно, среди наших парней.

Стихнут страсти и годы пройдут,
Припорошит виски сединой,
Наши песни останутся тут
У костра под таежной сосной.

Промысловик

Ему тайга — родимый дом,
Собака-лайка друг надежный,
И в окружении ином
Его представить невозможно.
Друзья твердят: какой резон
Мотаться по тайге без проку?
В ответ лишь усмехнется он,
Возьмет припасы — и в дорогу.
Там запах снега и хвоя,
И зверя след, и вольный ветер.
Пройдя владения свои,
Хозяином глазом все приметит.
Ему вдали от суеты
Живется весело и просто,
Хотя морозы и круты,
А вместо крыши часто звезды.
И пусть прибыток невелик
Зато любимым занят делом,
В котором мастерства достиг
(Ведь зим не мало пролетело).
Ну что ж, удачных троп тебе!
Твой труд нелегкий нужен людям,
Шагай вперед назло судьбе,
Быть может, завтра лучше будет!

ДРЕВНИЕ ОХОТНИЧЬИ МОНЕТЫ

Александр ГОРДЕЕВ

В денежном обращении Древней Руси они появились более 500 лет назад, поскольку еще оставалась проблема дробления крупных денежных единиц в виде гривны, рубля, полоти и четверти, имевших хождение в Киевской Руси. Не так-то легко было расплачиваться тяжеловесными номиналами за мелкоштучные товары. Поэтому, «не расточая сребра», когда на Руси еще не научились добывать его из недр земли, в качестве денег-«мелочи» в безмонетный период служили шкурки пушных зверей — куны, веверицы, раковины-каури, а также «стандартизированные» изделия кустарей — пряслица, стеклянные бусы, браслеты и прочее.

«Монеты новые», о чем сделал «открытие» для Европы путешественник Адам Олеарий, появились в 1647 году. Вот он-то и оставил изображения *копейки* в период правления великого князя Дмитрия Иоанновича Ростовского и великого царя Михаила Федоровича Московского, *денежки* великого князя Ивана, а также и *полушки*. Так образовался четкий ряд разменной монеты: *копейка, денежка, полушка*.

На самом же деле, например, *копейка* вошла в обращение на три столетия позже рубля в 1535 году. Это была серебряная монета диаметром 14 мм и весом в 0,68 г, при «русском счете» 100 копеек — рубль. Очень удобный счет, в отличие от западных стран, где талеры, дукаты и цехины делились самым причудливым образом.

Русская *копейка* в те времена обладала высоким платежным свойством, например, в период царствования Ивана IV (1547—1584 г.) за 3 *копейки* можно было купить телегу, а за 10 — лошадь. Но почему у нее такое название? Из-за изображения на ее аверсе (лицевая сторона): скачущий на коне всадник с копьем.

Свою монету стали чеканить многие младшие князья, державшие уделы под рукой великих князей. К делу приступали ремесленники-денежники. Если какой из князей не имел своих мастеров, то приглашал их со стороны. Завода о производстве запаса монет предоставлялась тому, кто имел в своем распоряжении серебряные слитки или лом из этого металла, в основном князьям и торговым людям.

Очень оригинальной была техника чеканки русских монет, вплоть до начала царствования Петра Великого. В отличие от Европы, вместо того, чтобы расковывать серебро в листы, вырезать или вырубать из них кружки, слиток серебра вытягивали

в проволоку, которую делили на равные отрезки. После плющения в чеканку шли слегка овальные пластинки. Этот способ надежно избавлял мастеров от дополнительной переработки отходов, неизбежных при заготовке кружков, обеспечивал сравнительно высокую выравниваемость веса монет (рис. 1).

Но пора напомнить об уникальной в мировой нумизматике теме отображения охоты, диких зверей и птиц, охотничьих атрибутов, традиционной у мастеров монетного дела, в том числе и Древней Руси. Доказательством тому уникальная подборка монет-«чешуек» (так их называли в обиходе за форму, цвет и легкий вес) из самых разных княжеств периода XV века. Без каких-либо увеличительных стекол, других приборов, очень не просто было мастеру-граверу готовить стальные чеканы с изображением заданного сюжета на площади 10—14 мм.

Такого зверя, как рысь и сейчас можно встретить в лесах Подмосковья, Новгорода, Пскова, Вологды. А сколько же его было в те времена? Гибкий, сильный, красивый и умный зверь. Видимо, поэтому он и попал на герб города-республики Пскова, появился в чеканке серебряных денг (1) и до сих пор почитается жителями этого древнего города как «барс».

Ранее мы говорили о «безмонет-

ном периоде», упоминая «куны» и «веверицы». Вот и появилась «паритетная» денга (2) с «куньей мордочкой» чеканки великого князя Рязанского Федора Ольговича.

А как не оценить дерзновенную попытку древнего денежника отобразить на крохотной серебряной монете сцену охоты на медведя? Такая денга (3) имела хождение в великом княжестве Тверском в середине XV века. На аверсе виден охотник, бьющий зверя рогатиной, а собака ухватила его за переднюю лапу. Чеканка ручная, не совсем удачная, так как медведь почти не виден.

Монета (4) того же достоинства, того же времени, того же великого княжества и великого князя отображает сцену охоты на птицу, сидящую на дереве, где охотник натягивает тетиву лука, затрачивая усилие до 20 кг, чтобы послать меткую стрелу.

А вот денга удельного князя Можайского Ивана Андреевича (5). Эта «чешуйка» вышла из-под чекана в обращение в том же веке. Здесь всадник на коне бьет зверя копьем, а рядом бежит собака, которая готова в нужный момент прийти на помощь хозяину.

Очень популярной была на Руси соколиная охота. Бывало, хороший сокол стоил целого состояния и с радостью принимался великими князьями

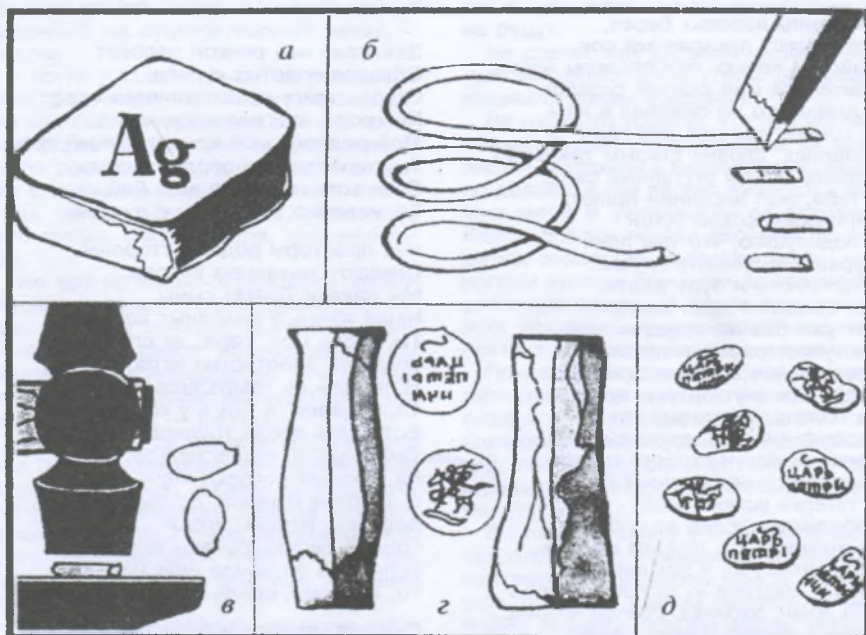

Рис. 1. Схема чеканки монет по-русски: а — слиток серебра, б — раскатка в проволоку и рубка, в — плющение, г — штампель для ручной чеканки, д — готовые монеты «чешуйки»

ями и царями в качестве подарка от иностранных посольств. Уж не самого ли Небесного Покровителя охотников Святого Великомученика Трифона мы видим на крошечной монете (6)? Его всегда изображали юношей, сидящим на белом коне с соколом в правой руке. Одна из древних легенд гласит о несчастье сокольника, упустившего редкую птицу. Три дня искал под угрозой заплатить за нее головой разгневанному князю Московскому Ивану Даниловичу по прозвищу Калита. В Марьиной роще несчастный сокольник в изнеможении заснул на берегу пруда. И явился ему почитаемый православными людьми Святой Трифон, которому он перед этим горячо молился, обещая поставить обетную церковь в случае возвращения сокола. А когда проснулся, то увидел сидящего рядом пропавшего сокола. Обрадованный князь наградил холопа деньгами и землей. И появился обетный храм во имя Небесного Покровителя охотников Святого Трифона.

Кстати, искренне любил соколиную охоту царь Алексей Михайлович — отец Петра Великого. Подтверждением тому — редкое явление для своего времени, очень небогатого мемуарами и памятниками литературы, — лично составленное «Уложение сокольника пути». Мы и сей-

час пользуемся царским изречением, изложенным в этом документе: «Делу — время, потехе — час».

Были в обращении и денги великого князя Василия II Васильевича Темного (7). Именно в его правление была отчеканена серебряная монета с изображением веверицы — белки, которая тогда имела не меньшее промысловое значение, чем в наши дни.

По-своему интересна серебряная денга (8) того же великого князя с изображением волка. На миниатюре зверь бежит в левую от зрителя сторону с высунутым языком. Уж не тот ли это зверь с восточной стороны? Не устал ли он терзать русские княжества угонами людей, поборами и данью? Это легко предположить по надписи на другой стороне монеты, имитирующей арабский шрифт, которым подчеркивалась вассальная зависимость княжества Московского от Золотой Орды.

Занятие охотой в период Древней Руси у многих мужчин возводилось чуть не в ранг профессии. И в современной России оно еще не умерло, поскольку много еще у нас диких зверей и птиц, имеющих, с пользой для человека, промысловое значение на Севере страны, в Заполярье и за Уралом, вплоть до берегов Тихого океана.

1

2

3

4

5

6

7

8

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Ваваканье — вторая часть боя токующего перепела; название носит звукоподражательную природу; интересное значение слова приводит В. И. Даль: «вавакать» — «молвить глупое слово, болтать не в лад, некстати. Ну, вавакнул же ты словечко!», что указывает на народное отношение к перепелу и его «интеллектуальному потенциалу».

Важенка — самка северного оленя (сокжоя).

Валиться, подваливать — 1) (о гончей/гончих) присоединяться к **помкнувшей** (поднявшей зверя) гончей; **валиться к гону** — сбегаться к **помкнувшей** гончей; 2) (о гончей/гончих) идти, бежать куда-либо: **валиться к рогу**, «**Вались к рогу!**» «Слушай рогу! К нему! **Вались к нему! К рогу!**» окрик выжлятников, выгоняющих гончих из острова на зов **доезжачего**; «**Вались!**» — команда гончим идти в **полаз** 3) **валиться, увалиться** возможно и о звере — запасть (Которая гончая гоняет **маровато**, с долгой **перемолчкой** и как будто все **идет в добор**, тому же **редкоскала** и **коповата**: ни **справить**, ни **стечь** не может; а если охотник **сбудит** зверя или сам он нечаянно на нее наткнется, то она **взрыть** или по горячему следу **погонит**, а как зверь, **удалев**, **повалится** и она его не **добудет**; ко всему этому спущенная со **смычка**, орет по пустякам с час и на **гоньбу** других **валится с голосом** такая гончая годна лишь на лайковый завод (Мачеварианов, 2006:160).); **валкая** (о гончей) — быстро **подваливающая** к **помкнувшей** гончей своей

стаи; сходное значение можно увидеть в выражениях «валом валить», «уваливай/проваливай», что указывает на наличие в значении исходного слова семы «движение»; действительно, М. Фасмер проводит параллели между словами «валиться» — «вал» (сравним «перевал») и глаголом «катать, валить» (обратим внимание, что бег зайца в русском охотничьем языке называется «катить»), связывая его с общеевропейским глаголом со значением «катить, вертеть»; **валкая гончая** — хорошо **валящаяся** к рогу; интересное сходное значение было обнаружено В. И. Далем в пензинском диалекте «валкий» — «падкий, лакомый до чего-либо» — «Валка муха к меду. Валка овца на солонцы», что дополнительно указывает на древность подобной ассоциации.

Валовый пролет — активный, массовый пролет птицы (птица «**валит валом**»), этимологию см. **Валиться**.

Варко (гнать) — 1) (о борзой) резво; 2) (о гончей) активно, яростно, страстно; М. Фасмер связывает глагол «варить» со старославянским «вър ти» — «кипеть», варианты которого имеются и в других славянских языках, проводя параллели в других европейских языках (немецкое *warm* — «теплый»), что указывает на древность подобной ассоциации.

Ведущий — человек, руководящий собакой на испытаниях, состязаниях, пробах и т. д. (**Ведущим** может быть **владелец** собаки или кто-нибудь другой, кому он поручает ведение своей собаки на испытаниях, например, **егерь**, **дрессировщик** (26).)

Вежливость — 1) (об охотничьей собаке) послушание (**Вежливостью** в собаке называется ... то качество, когда она ласкова, послушна, повинуется свисту и голосу охотника, не бросается ни на людей, ни на собак, ни на других домашних животных (Мачеварианов, 2006: 125).); 2) бережное отношение лайки или легавой к **взятым** выстрелом птице или зверю (Реймерс, 1985: 10); **вежливость к скоту** и т. д.; **вежливая** — послушная.

Векошник — (уральск.) небольшой нож для съемки шкурки с белок (Реймерс, 1985: 10); название происходит от славянского слова «векша» — белок, аналогично «векшанина» — мясо белки.

Верность 1) (о гончей) правильность отдачи голоса; **верность гона** — элемент поведения гончей, которая, побудив зверя, гон не прерывает, ни на что другое не отвлекается; **верный в гоньбе**; **верность отдачи голоса** — отдачи голоса собакой только по следу гонного зверя, но не на сколах и жировках; 2) (о норной) правильность поиска и преследования; 3) **верность чутья** — высокое качество чутья, которое обеспечивает хорошую работу охотничьей собаки; происходит от слова «верный» в значении «правильный», которое, в свою очередь, связано с «вера», а наличие, к примеру, в древневерхненемецком сходного «*war*» — «правдивый, верный», позволяет судить о том, что первичное значение слова «вера» — правильность.

Вертлюг; вертлюжок — 1) устройство, используемое вместо узла **должника** для **ловчих птиц**, склонных часто слетать и совершать резкие движения; конец **путцев** пристегивается **вертлюжком** к карабину, **должник** вдевается в **вертлюжок**; 2) составная часть **Сворника**; как в охотничьем, так и в общеязыковом плане слово имеет несколько значений, общим для которых является сема «вращающаяся часть чего-либо», что указывает на происхождение от глагола «вертеть», происхождение которого можно провести вплоть до древнеиндийского «*varlate*» — «поворачивается».

Верх — 1) (разговорное) верхнее чутье собаки (работать **верхом**); 2) взлет ловчей птицы (сокола) **вверх**, выше жертвы, перед броском на добычу (Реймерс, 1985:10); **верхом** (лететь) — на большой высоте; 3) максимальная высота, которой может достичь ловчая птица; 4) подъем спины который образуется у борзой собаки при слиянии спины с поясницей; 5) верхний ярус деревьев; идти **верхом** (о звере) — перемещаться по ветвям деревьев; возможно также **верхами**, **верхим следом**; отсюда и **верховая слежка** — элемент работы лайки и **верховой след** (**посорка**, **рон**) — **сби-**

Ф. А. Рубо. Охота с соколом. 1919 г.

Начало см. в № 1, 2.

ые зверьком во время хода по деревьям (грядой, верхом) частицы коры, хвоя, листва, снег (Реймерс, 1985:40).

Верхнее чутьё — способность охотничьей собаки пользоваться воздушными течениями воздуха, а не следами, чтобы найти птицу или зверя; **верхочут, верхочутая** — охотничья собака, работающая **верхним чутьём**; работать **верхом** — см. **Верх** (1).

Верша — переносная живоловушка (*Вершу* устанавливают в воду «детышем» (входным отверстием — Е. Ц.) перед выходом из норы или в прорубь ондатровой кормовой хатки. Если требуется выловить зверков живыми, то сбоку к верше приделывают садок — сетчатую клетку так, чтобы она возвышалась над водой (Черенков, 2005: 170); само по себе устройство заимствовано у рыболовов; предполагаемое некоторыми этимологами происхождение из немецкого языка через польский (польск. *wiersza*, от нем. *Fischreuse* (корзина для ловли рыбы)), на наш взгляд, маловероятно, поскольку **верша** относится к древнейшим орудиям лова; кроме того, это слово не принадлежит к сфере трофейной охоты или охоты с легавыми, в области которых произошли основные заимствования из немецкого языка, поэтому речь идет скорее о происхождении из праславянского словарного фонда (имеется в верхне- и нижне-лужицком «*wjersa, wjers*»), по сходству со словами «веревка, верей, верига»; в немецком языке слово происходит от древнего *rus(s)a* — плетенный из тростника.

Вести (след) — 1) (след или зверя, о гончей) **гнать**; 2) (о породе) заниматься целенаправленным разведением собак; интересно, что в охотничьем языке слово водить в некоторой степени противоречит общезыковому: «водить» (общезыковой) — «тащить за собой, понуждая силой, или же вести с собой, помогая и придерживая (водить лошадь, детей, пером по бумаге)» и охотничье — «преследовать» (может быть сопоставлено лишь с «проводить кого-либо взглядом»), что позволяет предположить наличие у глагола «водить» дополнительного архаичного значения «преследовать, следовать».

Вешняк — **молодик** (молодая хищная птица, до первой линьки, но в следующем после рождения году), пойманный весной.

Взбуд — подъем зверя с лежки; **взбудный след** — след поднятого с лежки зверя; **взбуженный** — потревоженный, производное от глагола «взбудить», появившегося в результате перехода «бдеть» — «будить» — «пробуждать ото сна, побуждая к деятельности + значение в охотничьем языке» в «возбудить»; происходит из общеславянского лексического фонда.

Взрываться — (разговорное) резко взлетать (о бекасе).

Взыгрывание — нежелательный элемент в поведении **ловчей птицы**, при котором она, будучи спущенной с перчатки, поднимается на значительную высоту и пропадает из вида; **взыгры-**

вать (Ловчие птицы **взыгрывают** видимому от различных причин: отчасти от плохой **выноски**, отчасти — от стремления в жаркую погоду попасть в верхние, более прохладные слои атмосферы, а иногда — чтобы высмотреть себе удобное место, чтобы отдохнуть и выкупаться. Бывают и такие случаи, когда ловчие птицы **взыгрывают**, увидев где-то вверху вольного сородича и устремляются к нему (11); происходит из общеславянского лексического фонда от слова «игра», для которого Фасмер проводит параллель с литовским *aikstyti* «капризничать, шалить».

Взять, брать — 1) (зверя) добыть; 2) (об охотничьей собаке) хватать зверя: **брать по месту** — хватать зверя за горло или за ухо; **брать в гачи** — хватать волка за ляжки; **брать в отхват** — лишь слегка прихватывать зверя; **берущая собака** — норная собака, которая работает **хватками**; **неберущая собака** — норная собака, работающая без применения **хваток**; 3) (о ловчей птице) правильно хватать добычу; 4) **взять на свору, на смычки** — надеть на собаку **свору** или на собак **смычки**; 5) **взять лес** (отъем, остров) — прочесать его стрелками, загонщиками или гончими (Реймерс, 1985: 11); 6) **взять приваду** — начать посещать и пожирать выложенную охотниками падаля (о волках, реже — медведе и др. хищниках) (Реймерс, 1985: 11); слово из общеславянского словарного фонда.

Висеть на хвосте — (об охотничьей собаке) очень быстро преследовать уходящего зверя (Высокое мастерство, когда гончая висит на хвосте у зверя (по-охотничьи: у зайца — «на цветке», у лисицы — «на трубе», у волка — «на полене»), появляясь вслед за ним через 15–30 секунд, возможно только у высокочутыстых и достаточно парятых гончих (В. Н. Каверзнев «Охота на кабанов»); данное выражение, благодаря своей яркости и образности, перешло из охотничьего языка в сферу литературного.

Висеть над рылом — (разговорное) (об утке) уводя собаку от гнезда, очень близко подпускать ее к себе (Аксаков, 1984: 110).

Вловиться — (о борзой собаке) увлечься погоней и забежать куда-либо (чаще всего — в остров); **влиться** в остров; **влить** — вогнать, загнать.

Внаездку — один из способов охоты с борзыми собаками (наряду с островой ездой и одиночной охотой, при которой зверя выслеживали по пороше по следу) (Борзятники, если их было много, выравнивались и ехали полями метрах в ста друг от друга, имея всех **борзых на сворю**. **Травил** тот, от кого ближе всех поднимался зверь. Ездил большей частью не производя шума, особенно если рассчитывали **травить** лисицу, но в периоды, когда русак лежал особенно крепко, **борзятники** ехали все время хлопая **аралниками** (езда на хлопки). Только в наездку охотились **мелкотравчатые** и односворные **борзятники**, причем у последних собаки шли в свободном рыску (В. И. Ка-

Ф. А. Рубо. Царский сокольник. 1897 г.

занский «Охота с борзой»)

Возить воду — описание плохой скачки борзой (**водовоза, тенегуса, тупицы**), при которой она усиливается делать большие махи: вытягивает шею, гнет да выгибается; а между тем кажется, что она везет не под силу (Мачеварианов, 2006: 141.); название, очевидно, возникло в общезыковом фонде путем метафорического переноса (воду нудно возить медленно, так как она легко расплескивается) и отсюда было заимствовано в охотничий язык.

Вокороть — (о гоне, хвосте гончей) не доходящий до скакательного сустава на 2–3 см. (Пахомов, 2005); происходит от глагола «окорачивать» (в литературном языке распространена форма «укорачивать»); у В.И. Даля находим: «наречие «коротко» как можно короче. Это сделано в окорот».

Волкогон — злобная гончая, охотно гонящая волка; понятие «красногон» шире, так как подразумевает гончую, предпочитающую **красного зверя** (в том смысле, в котором это сочетание употребляется в языке псовых охотников) — волка и лису.

Волчий намет — 1) аллюр волка; 2) легкий галоп гончей; слово «намет», очевидно, было заимствовано в охотничий язык в южных областях, где в среде казаков «наметом» называли обычный галоп (один из естественных аллюров лошади).

Восьмерка — отечественная схема **искусственной норы**, имеющая форму восьмерки; название образовано по сходству форм; в других странах приняты иные конструкции, которые в обязательном порядке используются для получения полевых дипломов.

Продолжение следует

ГУРОВ В. В защиту охоты и охотников	1
Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2011»	3
СЕВАСТЬЯНОВ А. Охотничий инстинкт	4
ПАЖЕТНОВ В. Белый, бурый, гималайский. Современное состояние, проблемы сосуществования с человеком	7
АСТАФЬЕВ Н. Путь в тупик	9
РУСАНОВ Я. Охота и половой состав добываемой дичи	10
РЫКОВСКИЙ А. Аргументы противников охоты несостоятельны	11
КОЛПАЩИКОВ Л., МУХАЧЕВ А. Генриху Анагловичу Соколову — 80 лет	12
ДИГИЛЕВИЧ А. Лани в охотхозяйстве «Озёрное»	14
ЛОБАНОВ В. История происхождения охоты с подсадными утками	16
ВЕХОВ Н. В царстве полярной совы	20
ВОЛКОВА О. Прекрасная островитянка	24
АЗАРОВ А. Замеры параметров стволов ружья	26
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. Биттнер	28
ВОЛКОВ В. Лютый	32
ЧЕРНЫШЕВ В. Размышления по поводу трех новых книг	40
АЛЕРСКИЙ В. Звенит лесная дудочка. Стихи	42
ГОРДЕЕВ А. Древние охотничьи монеты	44
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	46
Реклама	19, 31, 39
ШИШКИН В. Глухари	48

На первой странице обложки:
Белая сова — представитель отряда Согообразные, семейства Совиные, рода Белые совы. Обитатель зоны тундр. Зимой во время кочевок ее можно встретить по всей стране

Фото В. Ускова

На второй странице обложки:
Скворец, скворчик, скворка, скворушка — так называют в России этого дорогого и долгожданного вестника весны

Фото А. Назарова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висящев, Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет, И. А. Домский, А. А. Данилкин, А.М. Лаврова, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, А.А. Улитин, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Зав. отделом писем И.И. Полосухина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 29.12.2011 г. Подписано к печати 02.02.2012 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 3286.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101990, Москва, Милитинский переулок, д. 18-а, 3 этаж, 35 офис
Тел.: 8 (495) 641-02-28.
Электронная почта ohot.ohtothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов, Московской обл.
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

Царь-птица весеннего леса, великолепный глухарь — рекордсмен среди наших куриных птиц по размерам. Вес петухов 3—5 кг, копалухи (самки) мельче — не более 2 кг. На протяжении всей области распространения (от Зап. Европы до Забайкалья), приуроченной в основном к хвойным лесам, глухарь образует около десятка подвидов, отличающихся размерами, деталями окраски, песней и т. д. (например, южноуральские глухари самые белобрюхие). К востоку от Енисея обыкновенного глухаря начинает сменять каменный. Каменный глухарь несколько меньше обыкновенного (самцы до 4,5 кг), более длиннохвостый. Клюв самца каменного глухаря черный, у обыкновенного он белый с желтовато-розовым оттенком, более крупный, вздутый. Зеленый металлический цвет на зобе и коричневый цвет на спине более ярки у обыкновенного глухаря. У каменного глухаря имеются крупные белые концевые пятна на кроющих хвоста и крыла, рулевые черные. У самцов же обыкновенного глухаря на кроющих хвоста лишь узкая верхняя белая полоска, но на рулевых, в средней их части, белый крап изменчивого рисунка. У самцов обоих видов хорошо заметна красная бровь и удлиненные перья подбородка. Буровато-пестрые глухари двух видов различаются труднее. У обыкновенной, как правило, развито рыжеватое пятно на зобе (пластрон), и вообще рыжеватых тонов в наряде больше, у каменной копалушки зоб в темных крупных поперечных полосах, она темнее и серее, но на кроющих крыла более развиты белые концы. В зоне совместного обитания регулярно встречаются межвидовые гибриды, так называемые «темно-серые глухари», сочетающие черты двух родительских видов. У таких гибридных самцов клюв беловатый, как у обыкновенного глухаря, но менее мощный, обычно на концах кроющих хвоста заметны белые пятна, но они мельче, чем у каменного. Характерен также отчетливый струйчатый рисунок на спине гибридов. Песня также носит промежуточный характер: сначала звонкое щелканье, переходящее в трель (как у каменного), а потом звучная концовка, чем-то напоминающая «точение» обыкновенного глухаря. И как обыкновенный глухарь, в этой фазе гибридный самец теряет слух. У каменного глухаря в завершающей стадии песни-трели слух может также несколько ослабевать. Уже в марте обыкновенные глухари начинают поддаваться токовым настроениям. На снегу остаются характерные следы от крыльев — «черчение». Места токов довольно постоянны, но если у обыкновенного это, как правило, сосняки, то у каменного — лиственничники. Двухчасовая песня обыкновенного («тканье» и «точение») слышна обычно не более чем за 150—200 м. Обыкновенные глухари больше поют на дереве, каменные на земле, на току каменные глухари менее драчливы, чем обыкновенные. Самки, появившиеся на току, одаривают своим вниманием далеко не всех певунов. Зато у матерых токовиков собирается целый гарем, от них будет получено и лучшее потомство. Ясно, что выбивание таких самцов может не только разрушить ток, но и резко снизить успех размножения местной популяции. У обоих видов глухарей насиживают и выводят птенцов только самки. Гнездо на земле. В кладке 6—8 яиц, скорлупа которых беловато-охристая с темным крапом. Насиживание длится около 3,5 недель. Общий тон окраски пуховиков желтовато-охристый с темными пятнами и полосками, у птенцов каменного глухаря коричневая шапочка. Если в питании взрослых глухарей преобладают побеги, почки, листья и плоды деревьев и кустарников (зимой у обыкновенного глухаря доминирует хвоя сосны, у каменного — веточки лиственницы), то птенцам необходимы и животные корма. Для перетирания растительных кормов глухари заглатывают мелкие камешки. Эти птицы могут приспособиться к присутствию человека: известны успешные случаи разведения их в вольерах и осуществления их реакклиматизации. Конечно, лишь в очень отдаленных таежных местах сохранились тока, на которые слетается не один десяток петухов, но сохранить этих замечательных птиц и в более населенных местах все же под силу, как мы надеемся, настоящим охотникам.

В. ШИШКИН

Дорогие друзья, наши подписчики и читатели!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается

В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку. Вот что говорят о журнале наши читатели:

✉ Здравствуйте, уважаемая редакция! Ваш журнал выписываю уже 35 лет. Очень хороший журнал! Постоянно что-то новое – и о природе, и об охоте, и рассказы интересные. Много полезной информации, особенно для молодежи, да и пожилым есть что позаимствовать. Я охочусь 45 лет, до чего-то дошел сам, а что-то почерпнул из ваших статей. Также хорошо, что в журнале есть консультации юриста. Не раз удавалось отваживать особо рьяных проверяющих хранение оружия, показывая им ваши статьи. Не сбавляйте обороты, нам журнал очень нужен, особенно на фоне печатно-глянцевой макулатуры

А. Шаныкин
Алтайский край

✉ Здравствуйте, уважаемая редакция моего журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Журнал считаю своим потому что знаком с ним с 1958 года, когда стал охотником, и сейчас имею годовые подписки с января 1958 г. Выписываю по сей день. Мои журналы читают все охотники нашего поселка.

Н. Жук
Нижегородская обл.

✉ Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам охотник со стажем, много лет выписываю и с удовольствием читаю ваш журнал. Каждый номер жду с нетерпением, а вот пишу впервые.

Желаю вашему журналу оставаться таким же интересным, красочным, а главное – полезным.

И. Погожев
Воронежская обл.

✉ Здравствуйте, уважаемая редакция журнала! «Охоту и охотничье хозяйство» я беру читать в сельской библиотеке дома Культуры в п. Кедровом Ханты-Мансийского района. И вместе со мной его читают более 30 наших жителей, занимающихся любительской охотой.

Спасибо журналу за то, что он дает нас экологически грамотными.

А. Калимулин
Тюменская обл.

✉ Здравствуйте, уважаемая редакция любимого всей нашей семьей журнала! Хотим выразить вам благодарность за отличный журнал. Наш отец выписывает «Охоту и охотничье хозяйство» несколько десятилетий. Дома на полках аккуратно хранятся номера, прочитанные «от корки до корки», в них и сейчас можно найти нужную информацию. Наш любимый папа, муж и дед постоянный ваш подписчик

Рязановы, Рудифиловы
Тверская обл.

Наш индекс: 70673 – на полгода по каталогу Роспечати